

Б. Р. Мандель

**Политическая психология:
современные материалы
для изучения в гуманитарном вузе**

Монография

**Москва
2014**

УДК 159.99

ББК 88.4

М 23

Рецензенты:

Белая З. П., кандидат исторических наук

Милашина О. Г., кандидат психологических наук

Мандель Б.Р.

М 23 Политическая психология как научная дисциплина в гуманитарном вузе. Монография. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 386 стр.

ISBN 978-5-4458-6566-7

В монографии рассмотрены как основные сведения из области политической психологии, обширный и современный исторический материал, так и уникальные вопросы названной области гуманитарной науки. В монографии содержится подробное рассмотрение важнейших психологических аспектов и точек зрения на вопросы политики, лидерства, взаимоотношений групп, команд, партий, толпы и личности как участников политического процесса с одновременным рассмотрением качеств всех субъектов данного процесса.

Монография создана с учетом возможности применения ее для исследований вопросов политической психологии на практике.

Монография предназначена для ученых в области гуманитарных, социальных наук, политиков, преподавателей высших учебных заведений. Монография будет небезынтересна всем, интересующимся политической психологией как составной и, в то же время, особой, самостоятельной частью психологии.

УДК 159.99

ББК 88.4

© Мандель Б. Р., 2014

ISBN 978-5-4458-6566-7

© Электронное издательство «Директ-Медиа», 2014

Содержание

Введение.....	5
Раздел I. Развитие и становление политической психологии в России и за рубежом	9
1.1. Истоки политической психологии как науки.....	9
1.2. Предмет, задачи и проблемы политической психологии.....	31
1.3. Политическая психология в России: начало, путь, векторы.....	43
1.4. Современная зарубежная политическая психология: проблемы и методы.....	51
Раздел II. Участники политического процесса: психологические и нравственные аспекты	60
2.1. Психология политиков и участников политического процесса: общие проблемы.....	60
2.2. Единые аспекты морали, политики и психологии.....	85
2.3. Толпа, масса, массовое сознание и массовая психология в аспектах политических процессов ...	107
2.4. Национальный менталитет с точки зрения политической психологии. Российский менталитет	137
Раздел III. Субъекты политического процесса с точки зрения психологии.....	158
3.1. Психология политического лидера.....	158
3.2. Партии и организации: функционирование, выборы, голосование, поведение	188
3.3. Субъекты политики: статусы, психологические признаки, качества и отношения	226
3.4. Психология социальной стратификации.....	251

Раздел IV. Психологические аспекты	
политических свобод, пропаганды и права.....	274
4.1. Психология политической пропаганды.....	274
4.2. Соратники и команда: структура	
и организация, культура и психология	300
4.3. Политические права и свобода личности:	
психологические аспекты.....	346
Заключение	363
Список литературы	365
Приложение.....	372
Примечания и комментарии.....	374

Введение

Политическая психология – наука относительно молодая. Но ясно видно, что предыстория этой науки чрезвычайно богата и увлекательна. Соломон, Заратустра, Конфуций, Платон и Аристотель, Сенека, Цезарь, Макиавелли, Руссо, Гоббс, Смит, Гегель и множество других великих писали об отношениях личности и власти, свойствах человека в политике, воспитании гражданина, о том, каким надлежит быть правителю. Их идеи и мысли легли в основание не только политологии, но и нашей новой дисциплины.

Однако заметим, что все перечисленные мыслители работали в иных теоретических рамках, которые принципиально не нуждались в специальном психологическом подходе к политике. Конечно, и психологии как науки в современном смысле слова тоже не было во времена Руссо или Гоббса – только во второй половине XIX в. стали появляться концепции, которые можно было бы назвать непосредственными предшественницами современных политико-психологических работ.

Историки и философы, социологи и политологи обратили внимание на то, что в политике как таковой появилось совершенно новое явление: помимо вождей, королей, президентов и прочих представителей политической элиты заметное место стали играть массы, электорат, «великое молчаливое большинство». Одним из первых обратил внимание на это французский исследователь Г. Лебон, автор книг «Психология народов и масс», «Психология толпы» и «Психология социализма». В этот же период были изданы «Преступная толпа» С. Сигеле, «Социальная логика» Г. Тарда и ряд других работ, в том числе и книга «Герои и толпа» русского социолога Н. К. Михайловского. Появление на политической авансцене массы как нового субъекта было связано, прежде всего, с развитием промышленности,

ростом городов и сопровождалось серьезными социальными и политическими потрясениями, революциями, забастовками. Резко негативная оценка первых проявлений массовой политической активности может свидетельствовать о том, как были напуганы современники этих событий. И Лебон, и Михайловский увидели в массе угрозу индивидуальности, силу, нивелирующую личность. Классифицировав несколько видов людской массы, они в первую очередь исследовали толпу как наиболее спонтанное проявление неорганизованной активности. Выявленные ими психологические характеристики: агрессивность, истеричность, безответственность, анархичность – между прочим, вполне справедливы и сегодня. Но если в работах конца XIX – начала XX вв. была отмечена лишь негативная сторона массового поведения, его опасные последствия, то в дальнейшем исследователи стали уделять внимание позитивным аспектам массовых форм политического участия в развитии демократии – современная политическая психология обращает внимание на массовые движения (от движения за права женщин до экологических движений).

Другой темой, вызывавшей интерес у ранних политических психологов, была психология народов и рас, национальный и этнический характер. Опираясь на идеи антропологической школы Ф. Боаса и Б. Малиновского, психологи пытались соединить знания о личности и более широких социальных и культурных феноменов, в частности, политики. При этом сама культура трактовалась как спроецированная крупным планом на экран психология индивида, имеющая гигантское измерение и длительно существующая. Таким экраном, на который отбрасывается «тень», «слепок» психологии индивида, является, прежде всего, национальный характер.

Еще одним источником формирования современной западной политической психологии стали идеи психоанализа. Г. Лассвелл справедливо утверждает в своей знаменитой книге «Психопатология и политика», что политология без биографии подобна таксидермии – науке о набивании чучел. Действительно, описание политического процесса без создания психологического портрета его творцов – скучно, да и неверно. Жанр политического портрета использовали разные авторы. Например, в начале XX в. в России большой популярностью пользовалась книга психиатра П. И. Ковалевского «Психиатрические эскизы из истории», где представлена галерея портретов политических деятелей – от царя Давида до Петра I, от Суворова до пророка Мохаммеда, от Жанны д'Арк до Наполеона. Однако именно психоаналитическое движение придало политическому портрету широкую известность. Одно из первых исследований, принадлежащих З.Фрейду и У. Буллиту, сделало объектом американского президента Вудро Вильсона. Большой вклад в создание таких портретов внес последователь Фрейда, чикагский политический психолог Г. Лассвелл. В качестве материала для анализа личностей американских политиков он использовал их медицинские карты, при этом он исходил не из того, что политики, как все люди, могут иметь те или иные отклонения, которые и представляют интерес и для биографа, нет, Лассвелл искал, прежде всего, скрытые бессознательные мотивы поступков политических деятелей и находил их в особенностях детского развития, в тех конфликтах, которые стали причиной психологических травм будущего политика. Власть же, согласно Лассвеллу и его предшественнику А. Адлеру, является средством, которое компенсирует эти травмы, что и объясняет ее притягательность.

Таким образом, полагаем, что исследование политики и политических деятелей, массы людей – участников политических действий, политических движений во всех их проявлениях – с точки зрения психологии как науки не только небезинтересно и важно, но и, видимо, необходимо именно с точки зрения развития гуманитарных и социальных наук вообще и человеческого знания в частности.

Раздел I

Развитие и становление политической психологии в России и за рубежом

1.1. Истоки политической психологии как науки

Политическая психология, несмотря на несомненную научную молодость, имеет и далекие корни, и богатую событиями, людьми и идеями историю. Задолго до начала оформления ее в качестве самостоятельной науки политические и психологические идеи и проблемы занимали умы мыслителей, ученых, политических деятелей, причем, может статься, даже в большей мере, чем сегодня. Можно говорить о своеобразном парадоксе: по мере развития промышленности, техники и технологий внимание к человеческому фактору уменьшалось. До этого, когда большая часть человеческой жизни людей была связана общением не с продуктами деятельности, а непосредственно друг с другом, роль человека и человеческих отношений в жизни и, что главное для нас, в политике была значительно больше.

Вопрос вопросов, вечный, трудный, интригующий: власть, Власть над своими братьями! Интриги и заговоры, убийства и перевороты, подлоги и клевета – все это сопровождает историю человечества, начиная с далеких времен родоплеменного строя. Полагаем, что накал страстей со сменой эпох и цивилизаций и не снижался. Действительно, Человек и Власть – вот тот круг вопросов, который образует предысторию политической психологии.

В далекие времена то, что мы сейчас называем политической психологией, было просто реальной повседневной практикой политической элиты. Кстати, многое из тех времен перекочевало и в современную

жизнь, минуя сферу науки. Дворцовые тайны и интриги присущи ныне не только «дворам»... Например, история политических убийств, совершенных в результате неприязненных личных отношений и имевших под собой значительную психологическую основу во всем мире, продолжается. Политическое убийство Цезаря и устранение С. М. Кирова, Дж.Ф. Кеннеди и Мартина Лютера Кинга – события одного плана. Заговор Катилины в Древнем Риме и кружок декабристов в России – тем более. Сегодня в политике трудно найти какое-то событие, которому было бы невозможно найти аналог из прошлого и в котором не просчитывались бы психологические слагаемые.

Древняя Греция, родина цивилизаций, наук и искусств – здесь важна и практика! Именно в Древней Греции, когда политиков, в сегодняшнем смысле, заменяли ораторы (ораторское искусство было обязательным и решающим компонентом деятельности политика), один из великих мастеров красноречия – Демосфен (384 г. до н. э. – 322 г. до н. э.) стал, быть может, первым исследователем механизмов политического воздействия на массы: на их разум и эмоции. Демосфен, как известно, сам вошел в политику через практику. Известно, что он был косноязычен от рождения, и чтобы научиться ораторскому искусству, часами тренировался, набив рот камушками, у берега моря, стремясь перекрыть шум морского прибоя. Так он сформировал себе просто громоподобный голос и, используя время тренировок и для размышлений, открыл некоторые особенности разных массовых аудиторий, перед которыми приходилось выступать. Демосфен уже различал два типа масс. С одной стороны, это были массы, «податливые эмоциям». С ними, считал оратор, необходимо использовать механизмы **психологического заражения** для того, чтобы вызвать **эффект подражания**

выступающему перед ними политику, ибо такие массы, как правило, некритически воспринимают то, что говорит оратор. В качестве примера таких податливых масс Демосфен приводил восточные, говоря современным языком, тоталитарные народы, привыкшие к благоговению перед харизматическими вождями.

С другой стороны, – массы, «податливые разуму». С ними, считал Демосфен, политику необходимо принципиально по-другому строить общение. В частности, политик обязан использовать в общении с ними механизмы логической аргументации для того, чтобы пробудить присущую им способность к самостоятельному размышлению и направить его в нужном оратору (то есть, политику) направлении. Например, утверждал согласно своему опыту Демосфен, афиняне привыкли думать и судить самостоятельно, и потому с ними обращения к чувствам бесперспективны. Это, говоря нашим языком, демократические народы, с которыми политик обязан общаться рационально, учитывая их способность к самостоятельному принятию логичных решений.

Из политической практики Древней Греции в рассмотрении политико-психологической природы человека в целом, можно выделить две традиции: с одной стороны, выделяется традиция «демократическая», предполагавшая равенство возможностей главных политических участников, то есть реальных субъектов политического процесса. Однако существовала и традиция аристократическая (элитарная), открыто подчеркивавшая превосходство тех или иных определенных типов людей и их роли в политическом процессе.

Так, аристократическая политическая традиция достаточно откровенно была выражена уже во взглядах школы Платона¹. Этот греческий мыслитель считал, в частности, что идеальный тип властителя – это «фило-

соф на троне». Согласно его взглядам, получалось, что далеко не все, а лишь некоторые люди могут быть подлинными правителями. Другие же (но тоже далеко не все), могут быть, скажем, воинами. Большинство же населения вообще не способно к политической жизни. Платоном была «выстроена» сословно-иерархическая республика, в которой высший, собственно политический, то есть рационально-логический, интеллектуальный элемент души (сознания) преобладал только у представителей правящих классов².

Аристотель³ одним из первых попытался подойти к анализу проблемы власти и подчинения – на примере понимания природы массовых беспорядков и мятежей, направленных на свержение властей. Он связывал настроения лиц, поднимающих восстание (т. е. их психологическое состояние) с политическими смутами и междоусобными войнами. Анализируя массовые выступления против властей, он писал, что нужно знать настроение лиц, поднимающих восстание, цель, к которой они при этом стремятся и чем собственно начинаются политические смуты и междоусобные распри⁴. Таким образом, для понимания реальной политики уже во времена Аристотеля требовалось анализировать изменения в массовой психологии, в частности, динамику перехода от послушного состояния – к бунтарскому. Аристотель привнес многое в развитие политической психологии. Только сейчас, возвращаясь к нему на основе политических реалий современной жизни, мы задумываемся над политико-психологическим содержанием описанных им основных форм правления: тирании, аристократии, олигархии, охлократии и демократии. У российской-то демократии действительно сложный путь – почти по Аристотелю...

Если древнегреческие мыслители только эпизодически фиксировали те или иные политико-психологические феномены, то в Древнем Риме намечались развернутые исследования – Плутарха и Светония – в области политической психологии лидеров и самого феномена лидерства. По сути, это было уже началом того, что при дальнейшем развитии политической психологии, уже в XX веке стало называться методом психобиографий. Плутарх⁵ в жизнеописании Юлия Цезаря пишет: «Цезарь же, едва возвратившись из провинции, стал готовиться к соисканию консульской должности. Он видел, что Красс и Помпей снова не ладят друг с другом, и не хотел просьбами, обращениями к одному, сделать себя врагом другого, а вместе с тем не надеялся на успех без поддержки обоих. Тогда он занялся их примирением, постоянно внушая им, что, вредя друг другу, они лишь усиливают Цицеронов, Катуллов и Катонов, влияние которых обратится в ничто, если они, Красс и Помпей, соединившись в дружеский союз (отсюда затем в истории науки возникает понятие «дружеский союз» как своеобразное противопоставление «союзу недружескому», то есть, говоря политически, «фракции»), будут править совместными силами и по единому плану»⁶. Плутарх представляет конкретную политико-психологическую модель поведения Цезаря, его мотивацию и демонстрирует политическую стратегию, блистательную благодаря тому, что учитывал обозначенные выше психологические моменты.

Цицерон⁷ в своих трактатах по ораторскому искусству специально советовал «политическим ораторам» особенно тщательно учитывать психологические моменты. В частности, он писал в качестве наставления ораторам, желающим выиграть дело в суде (адвокатам): «Желательно, чтобы судьбы сами подходили к делу с тем

душевным настроением, на которое рассчитывает оратор. Если такого настроения не будет, то надо прощупывать настроение судей и обратить все силы ума и мысли на то, чтобы как можно тоньше разнюхать, что они чувствуют, что думают, чего жадут, чего хотят и к чему их легче будет склонить»⁸. Большая часть речи оратора, согласно Цицерону, должна быть направлена на то, чтобы изменить настроение слушающих и всеми способами их увлечь за собой. Речь оратора-политика, считал он, должна быть особенно напряженной и страстной. Причем политическая речь, которой такой оратор стремится возбудить других, по природе своей может и должна возбуждать его самого даже больше, чем любого из слушателей⁹.

Первым в истории полноправным политологом и политическим психологом можно назвать Никколо Макиавелли¹⁰. Трактат «Государь» – один из самых замечательных образцов психологического анализа проблем политического лидерства, книга, до сих пор являющаяся руководством по политическому искусству управления людьми. Кроме того, в ней описаны и раскрыты закулисные психологические механизмы политического поведения монарха (тирана), использование которых, по мнению автора, не только оправдано, но часто необходимо, особенно в кризисные времена. Относительно людской природы Макиавелли был невысокого мнения: «О людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива»¹¹. Люди, считал Н. Макиавелли, по природе своей иррациональны и эгоистичны, и потому для достижения целей их, то есть, общественного, благополучия не может быть и речи о выборе средств: цель оправдывает любые средства. Макиавелли был верным сыном своей эпохи и достойным учеником отцов-иезуитов. «Цель

оправдывает средства» – известный девиз основателя ордена иезуитов И. Лойолы стал главным для политиков, и, к несчастью, не только той далекой эпохи. Н. Макиавелли развил этот принцип: «Из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков»¹². Однако, при всем цинизме своих наставлений, Н. Макиавелли не забывал и о простых людях – подданных правителя: «Государь должен следить за тем, чтобы не совершить ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных. Если в этом он преуспеш, то свое дело он сделал, и прочие его пороки не представят для него никакой опасности». Кроме общих вопросов, связанных с человеческой природой, психологией и, соответственно, с политическим поведением определенных типов людей, Н. Макиавелли касался и более сложных вопросов массовой психологии в политике, рассматривая острые социальные схватки в кризисном обществе. Более сложными эти вопросы надо признать хотя бы потому, что во времена автора трактата, еще не было масс в современном смысле слова. Плотность расселения была такова, что любая масса редко превосходила несколько десятков, максимум, сотен человек. Тем не менее, Макиавелли писал: «Глубокая и вполне естественная вражда, ...порожденная стремлением одних властвовать и нежеланием других подчиняться, есть основная причина всех неурядиц, происходивших в государстве». И объяснял: «Ибо в этом различии умонастроений находят себе пищу все другие обстоятельства, вызывающие смуты в республиках»¹³. Он противопоставлял кризисное общество (в котором одни стремятся властвовать, а другие не желают подчиняться – прямо ленинские признаки революционной ситуации, когда верхи не могут

(хотя стремятся), а низы не хотят) – обществу стабильному, в котором одни властвуют, а другие подчиняются, и искал корни различий в разных психологических состояниях значительных масс людей, образующих общество. По его мнению, сам исторический процесс, включая смену форм государственности, обычно и происходит под влиянием непреложных жизненных обстоятельств, под воздействием непреложного хода вещей, в котором, прежде всего, и проявляются действия людей, в частности, охваченных определенными настроениями. Отделив реальную политику от морали и религии, один из родоначальников всех политических наук первым начал исследовать собственно политические процессы и, естественно, не смог обойти то, что мы назовем позднее политической психологией. «Государь» Н. Макиавелли не просто актуален – он является настольной книгой для целого ряда политиков, хотя по своей сути был и остается руководством по конкретному политико-психологическому порабощению людей.

Эпоха Просвещения, расцвет наук и искусств! Психологическая природа человека в центре внимания ученых. Иными словами, говоря современным языком, государство, соответствуя природе управляемых граждан, не имеет права отрываться от их психологии. Т. Гоббс¹⁴ считал, что человек – животное с животными страстями и страхами: «Основная страсть человека – стремление к власти ради достижения основных удовольствий»¹⁵. Главный конфликт человеческой природы, по Т. Гоббсу – конфликт между естественным для человека стремлением к тщеславию и его же природным страхом.

Согласно взглядам философа-гуманиста Дж. Локка¹⁶, напротив, человек по природе своей есть существо свободное, независимое и разумное. Именно поэтому

любой человек, в принципе, «равен великим и неподвластен никому»¹⁷, так как подчиняется «только законам природы и в состоянии построить справедливое общество»¹⁸. Справедливое общество, согласно Дж. Локку, можно построить на основе некоего особого «общественного договора», заключаемого между представителями разных человеческих общностей. Общественный договор, по Локку, и есть своего рода отражение разумного ответа человечества на необходимость.

Вообще, теория общественного договора, пользовавшаяся популярностью в то время, так и не нашла подтверждения в реальной жизни. Фактически, только в XX веке она обогатилась реальным практическим политическим подтверждением – в частности, такого рода подтверждением можно считать «Пакт Монклоа», заключенный в Испании, в знаменитом дворце Монклоа, между представителями разных политических сил после смерти каудильо Франко¹⁹. Этот пакт определил нормы социально-политической жизни и перспективы развития общества в кризисной ситуации смены политического режима и действует до сих пор. Такой пример служит иллюстрацией именно прогностической роли политической психологии.

Еще более оптимистичный взгляд на природу человека был присущ такому титану эпохи Просвещения, как Ж.-Ж. Руссо²⁰. Он считал, что практически все люди, в большей или меньшей степени, обладают внутренним принципом справедливости и добродетели. И это такое же психологическое качество, как совесть, которая является «основным божественным инстинктом человека»²¹. Как отмечал Руссо, «люди рождаются свободными, но везде в цепях»²². То есть, развивал он эту мысль, люди рождаются в цепях коррумпированного общества, но по самой своей природе стремятся к свободе. «Как только человек становится социальным и

(следовательно) рабом, он превращается в слабое, робкое и раболепное существо», хотя «в потенциале естественного человека имелись общественные добродетели»²³.

Ш. Л. Монтескье²⁴, анализируя развитие политических институтов и процессов в смутные времена, пришел к пониманию важнейшей роли массовой психологии и ее влияния на политические процессы. В отличие от большинства своих предшественников, он попытался уже не только дать описание различных явлений массовой политико-психологической природы, но и указывал на наличие за ними тех или иных достаточно конкретных психологических причин. К примеру, с исторической точки зрения, интересно такое его описание поведения людей в толпе:

«В трудные времена всегда возникают брожения, которыми никто не предводительствует, и когда насильственная верховная власть бывает сметена, ни у кого уже не оказывается достаточно авторитета, чтобы восстановить ее; ... само сознание безнаказанности толпы укрепляет и увеличивает беспорядок. ...Когда был свергнут с престола турецкий император Осман, никто из участников этого мятежа и не думал свергать его..., но чей-то навсегда оставшийся неизвестным голос раздался из толпы, имя Мустафы было произнесено, и Мустафа вдруг стал императором»²⁵. Монтескье, имя которого, вообще-то не связывается с политической психологией, сумел предвидеть те особенности и конкретные политико-психологические характеристики массового поведения (в частности, поведения толпы), которые стали явственными гораздо позднее – совсем в другую историческую эпоху.

Эпоха Просвещения обратила внимание на необходимость принятия не только общих, но и вполне конкретных психологических факторов в политических

процессах. Кроме того, породила сам жанр исследований, наблюдений и размышлений такого типа и их философско-методологического осмысления. По сути, именно в эту эпоху были заложены основы почти всех конкретных направлений политической психологии.

Начиная с периода французской буржуазной революции²⁶, в силу ее гигантских масштабов и огромного количества вовлеченных в нее людей – участников политических действий, политическая психология уже просто не могла ускользнуть от специального внимания исследователей и быть лишь отдельным аспектом неких более общих описаний. Именно в этот период она и начинает становиться самостоятельной наукой, хотя пока еще не обладающей соответствующим статусом. Но именно от этого времени ведут отчет реальной истории нашей науки, несмотря на то, что формализация ее статуса произошла только во второй половине XX века.

Французская революция и последовавшие за ней события (в частности, промышленная революция в ряде европейских стран) привлекли внимание к двум огромным пластам политико-психологических проблем. С одной стороны, буквально-таки вырвавшаяся наружу психология масс (что особенно заинтересовало наблюдателей), с другой стороны, предметом не меньшего интереса стала психология политических режимов.

Многие исследователи обращались к вопросам массовой психологии, однако, с профессиональной, психологической точки зрения, феномен массы и, в частности, поведение толпы были изучены лишь в конце XIX века. Это и понятно: требовалось время для научного осмысления опыта гигантских исторических потрясений. Эти исследования были связаны с тремя именами - Г. Тарда, Ш. Сигеле и Г. Лебона.

Г. Тард²⁷ изучал толпу как нечто одушевленное (звериное) и приписывал ей такие особенные черты, как «чрезмерная нетерпимость, ...ощущение своего всемогущества и взаимовозбуждимость» людей, находящихся в толпе. Он различал два основных встречающихся в политике типа толпы: а) толпа внимательная и ожидающая, и б) толпа действующая и выражающая определенные требования²⁸. Несколько преувеличивая, в соответствии с популярными тогда психологическими теориями, роль «массовых инстинктов», Г. Тард как бы демонизировал толпу и, прежде всего, через эти ее «зверино-демонические» свойства, определяющие массовое поведение, пытался понять роль психологии в политике вообще²⁹. Говоря современным языком, это была откровенно редуccionистская³⁰ позиция сведения сложного к слишком простому. Вот почему имя Г. Тарда хотя и упоминается обычно среди имен отцов-основателей политической психологии, но упоминание его работ и изложение взглядов и позиций становятся с течением времени все короче...

Похожая судьба ждала научные исследования Ш. Сигеле³¹. Его имя известно практически всем социальным и политическим психологам, но конкретные его работы фактически неизвестны никому. Между тем, он отличался крайне оригинальными взглядами. Так, среди прочего, Сигеле считал, что интеллектуальная вульгарность и нравственная посредственность массы могут трансформироваться в мысли и чувства. Он утверждал, что в толпе все политико-психологические процессы подчинены в первую очередь влиянию количества людей, которое будоражит страсти и заставляет индивида подражать своему соседу. Если оратор попытается успокоить толпу, результат будет противоположным — те, кто удалены, не услышат слов, они увидят только жесты, а крик, жест, действие не могут

быть интерпретированы правильно. Следовательно, делал вывод Ш. Сигеле, рационально и целенаправленно контролировать поведение толпы невозможно. В политике, говорил он, с ней [толпой] приходится просто мириться³².

Обратим внимание на то, как много открытий в поведении толпы было сделано полузабытыми Г. Тардом и Ш. Сигеле. И значительно раньше, чем более известный ныне Г. Лебон³³. Он считал, что «с психологической точки зрения толпа формирует единый организм, который оказывается под влиянием закона ментального единства толпы; чувства и мысли составляющих толпу людей ориентированы в одном и том же направлении»³⁴. Г. Лебон выделил отличительные признаки личности, включенной в толпу. Основной вывод Г. Лебона: «Таким образом, как составная часть толпы, человек опускается на несколько ступеней вниз по шкале цивилизации»³⁵. Наиболее очевидно, считал Г. Лебон, это проявляется в политике, особенно в той политике, которая требует коллективных действий, то есть предпочитает не отдельную личность, а массового человека – человека в толпе. В качестве примера Лебон обрушивался на демократию и, особенно, на социализм как на политический строй и течение политической мысли³⁶. Своими трудами Лебон заслужил совершенно особое место в истории политической психологии, фактически, он стал основоположником особенного и самостоятельного жанра: политико-психологического анализа политических режимов и течений политической мысли. К сожалению, этот жанр в дальнейшем оказался почти заброшен.

Лебон не любил социализм. Не любил и толпу, политическими услугами которой предпочитали пользоваться социалисты. Он откровенно стоял на позициях той элиты, которую мечтали свергнуть социалисты.

Однако это вовсе не мешало ему быть прозорливым и достаточно объективным (особенно это ясно теперь, после краха социалистического эксперимента в мировом масштабе) исследователем. Лебон писал жестко: «Ненависть и зависть в низших слоях, безучастие, крайний эгоизм и исключительный культ богатства в правящих слоях, пессимизм мыслителей – таковы современные настроения. Общество должно быть очень твердым, чтобы противостоять таким причинам разрушения»³⁷ (которое, естественно, готовят социалисты). Лебон точно знал, как это происходит с политико-психологической точки зрения: «Мы знаем, каково было в момент французской революции состояние умов...: трогательный гуманитаризм, который, начав идиллией и речами философов, кончил гильотиной. Это самое настроение, с виду столь безобидное, в действительности столь опасное, вскоре привело к ослаблению правящих классов. ...Народу оставалось лишь следовать по указанному ему социалистами пути»³⁸. Согласно Лебону, такая иррациональная заразительность социалистических идей, представляющих собой скорее умственное настроение, чем ясную и логичную теорию, может увлечь массы на восстание против прежнего строя, однако не способна удержать их своей конструктивно-созидательной силой. Отсюда следует базовый парадокс социализма, который не миновал в свое время и СССР. Восстание толпы – это, во многом, именно взрыв эмоций и настроений, носящих недолговечный характер. Лебон был прав. Активный участник февральской революции 1917 г. в Петрограде С. Д. Мстиславский³⁹ описывал: «Создавшееся на заседании Совета настроение не рассеялось и тогда, когда депутаты, окончательно утвердив резолюцию, толпою влились в заполнившую Екатерининский зал ожидавшую массу. В этот вечер Таврический дворец был пе-

реполнен в той же мере, как и в первый день восстания. Тем резче бросалось в глаза огромное различие настроений тогда и теперь»⁴⁰.

Такие порывы, которые приводят к восстаниям толпы, иссякают по мере осуществления деструктивных действий, и тогда верх начинает брать консервативно-охранительная сущность массовой психологии. Любой разрушительный, ниспровергающий порыв рано или поздно оборачивается тягой к реставрации хотя бы части того, что было недавно разрушено. Правоту Лебона подтвердил Л. Д. Троцкий⁴¹. В 1926 г. он писал: «Было бы неправильным игнорировать тот факт, что пролетариат сейчас гораздо менее восприимчив к революционным перспективам и широким обобщениям, чем во время октябрьского переворота и в первые годы после него. Революционная партия не может пассивно равняться ко всякой смене массовых настроений. Но она не может также и игнорировать перемену, поскольку эта последняя вызвана причинами глубокого исторического порядка»⁴².

Анализируя политико-психологическую природу социализма, Г. Лебон объяснял его эмоциональную заразительность тем, что социализм представляет собой особую разновидность вероучения, а любое вероучение имеет своих идолов и апостолов – Г. Лебон рисует обобщенные политико-психологические портреты социалистических вождей. Из таких вождей, в случае прихода социалистов к власти, образуются новые правящие касты, прикрывающиеся понятием демократии. Г. Лебон достаточно жестко анализирует природу и следствия демократии. «На самом же деле демократический режим создает социальные неравенства в большей степени, чем какой либо другой... Демократические учреждения особенно выгодны для избранных всякого рода, и вот почему эти последние должны защищать

эти учреждения, предпочитая их всякому другому режиму. ... Демократия создает касты точно так же, как и аристократия. Единственная разница состоит в том, что в демократии эти касты не представляются замкнутыми. Каждый может туда войти или думать, что он может войти, ...демократические учреждения благоприятны лишь для групп избранных, которым остается лишь поздравить себя с тем, что эти учреждения с такою легкостью все забирают в свои руки»⁴³. Так описывает Г. Лебон естественную мотивацию политического поведения, или, если говорить современным языком, депутатов всех уровней.

Г. Лебон в свое время представил первый и практически единственный опыт политико-психологического анализа таких феноменов, как политический режим, способ организации политической жизни, и даже избирательное право. «Грустный пример показывает, какая судьба ожидает демократию у народов безвольных, безнравственных и неэнергичных. Самоуправство, нетерпимость, презрение к законности, невежество в практических вопросах, закоренелый вкус к грабежу тогда быстро развиваются. Затем вскоре наступает и анархия, за которой неизбежно следует диктатура»⁴⁴.

На развитие политической психологии значительное влияние оказала психоаналитическая теория З.Фрейда⁴⁵ и его учеников, соратников и последователей. Согласно их взглядам на поведение человека, большинство действий людей являются результатами борьбы бессознательных инстинктивных мотивов (Эрос и Танатос) и конфликтов между Эго (Я), Супер-Эго (Сверх-Я) и Ид (Оно) – базовыми компонентами структуры личности человека (по З.Фрейду). З.Фрейд подошел к проблеме политического поведения личности и группы с точки зрения психоанализа. Он рассматривал феномен массы в социальной и политиче-

ской жизни как состояние регресса к примитивной душевной деятельности, когда в человеке внезапно рассыпаются определенные психологические характеристики, свойственные когда-то древним людям первобытной орды. Человек в толпе оказывается как бы в состоянии гипноза, а именно в гипнозе из глубин его психики вылезает то первобытное Ид (Оно), уже не сдерживаемое сознательным контролем Супер-Эго и не остановимое хрупким, балансирующим между ними Эго. В подобных случаях и происходит исчезновение сознательной обособленной личности, развивается переориентация мыслей и чувств в чужое, но одинаковое с другими людьми направление, возникает преобладание аффективности и других проявлений бессознательной душевной сферы, что, в итоге, и формирует сильнейшую склонность к немедленному выполнению внезапных намерений. Во всех типах масс, согласно Фрейд, в качестве главного связующего звена выступает коллективное либидо, имеющее в качестве своей опоры либидо индивидуальное, в основе которого лежит не что иное, как сексуальная энергия человека. В качестве примера Фрейд рассматривал две искусственные высокоорганизованные массы: церковь и армию. В каждой из этих структур отчетливо проявляется фактор либидо: любовь к Христу в первом случае, и любовь к своему военачальнику – во втором. «В искусственных массах каждый человек либидинозно связан, с одной стороны, с вождем..., а с другой стороны – с другими массовыми индивидами»⁴⁶, которые «сделали своим идеальным Я один и тот же субъект и вследствие этого, в своем Я между собой идентифицировавшихся»⁴⁷. З. Фрейд писал: «Если порывается связь с вождем, порываются и взаимные связи между массовыми индивидами, масса рассыпается»⁴⁸. Таким образом, в результате, общая идеализация лидера приводит к одинаковой

самоидентификации членов массы и аналогичной идентификации себя с другими индивидами. «Вождь массы – ее праотец, к которому все преисполнены страхом. Масса хочет, чтобы ею управляла неограниченная власть, страстно ищет авторитета. ...Вождь – гипнотизер: применяя свои методы, он будит у субъекта часть его архаического наследия, которое проявлялось и по отношению к родителям – отношение человека первобытной орды – к праотцу»⁴⁹. Рассматривая психологическую природу человека, Фрейд указывал на то, что цели индивида и общества никогда не совпадают. Целью Эроса (одного из базовых начал в человеке, благодаря которому, по Фрейду, и развивается цивилизация) является «соединение единичных человеческих индивидов, а потом семьи, расы, народы, нации ... в одно великое единство, единство человечества, в котором либидинальные отношения объединяют людей»⁵⁰. Однако в человеке, по Фрейду, есть и другое начало – Танатос (по имени греческого бога смерти). Это значит, что природная агрессивность, деструктивность и враждебность индивидов противостоят возникновению цивилизации, влекут за собой ее дезинтеграцию, так как инстинктивные страсти сильнее рациональных интересов. «Человеческие агрессивные инстинкты – производные основного смертельного инстинкта»⁵¹. С Танатосом, в меру своих сил, во внутренней структуре психики борется Эрос. Для прогресса цивилизации требуется, чтобы общество контролировало, а если это необходимо, то и репрессировало агрессивные инстинкты человека, интернализируя их в форме Суперэго и направляя их на Эго. Это, естественно, вызывает некоторую деструкцию в психике человека. Деструктивность человека как по отношению к другим, так и по отношению к себе проявляется через садизм и мазохизм, так как и то и другое, в конечном счете, лишь

альтернативные проявления одной и той же, деструктивной мотивационной структуры. Интернализация внешних запретов ведет к появлению неврозов (подавленные либидозные инстинкты) и чувства вины (подавленные агрессивные инстинкты). Это плата человечества за цивилизацию. И она определяется часто через политику. Поэтому Фрейд в свое время и отказал А. Эйнштейну в просьбе подписать обращение ученых, протестующее против начинавшейся Второй мировой войны – потому, что был уверен: Танатос – в природе человека. Он ведет людей к войнам, и бороться против этого, к сожалению, бессмысленно. Фрейд внес еще один крупный вклад в политическую психологию: он основал новый жанр – **психобиографию**, взяв в качестве примера жизнь президента США Вудро Вильсона (1856–1924), которую подверг детальному психоаналитическому исследованию. Фрейд не скрывал своей антипатии к этому президенту, считая, что претензия В. Вильсона освободить мир от зла обернулась лишь еще одним подтверждением той опасности, которую может принести людям фанатик. Исследование подняло проблему политико-психологического инфантилизма и разрушительного воздействия как на самого его носителя, так и на общество в целом, а также показало новые возможности политической психологии. Психоанализ заложил основы и для жанра **психоистории** – направления, стремящегося использовать психоаналитические модели для описания динамики исторических процессов. Психоисторические исследования, в основном, фокусируются на отдельных индивидах и принимают форму биографий, однако иногда это нечто более широкое – это, по существу **биографии эпохи**. С одной стороны, психоанализ оказался вполне совместимым с реальной историей, так как их общей задачей является поиск уникального в каждом явлении. С

другой стороны, они оказались парадоксально несовместимыми, ибо психоанализ сам по себе содержит компонент, который может частично исказить выводы историка, а самоцелью истории является лишь описание прошедших событий. Тем не менее, и психоистория, и психобиография вполне прижились в западной политической психологии. Следует иметь в виду, что, несмотря на безусловно позитивные попытки учесть роль человеческого фактора, ортодоксальное психоаналитическое толкование истории может приводить и часто приводит к определенному искажению прошедшей реальности, к ее схематизации и откровенному стереотипизированию. Во всех таких случаях результат оказывается одинаковым, хотя и выступает в двух разновидностях: либо это сведение всех мотивов политического поведения субъекта к одной единственной причине и модели (типа Эдипова комплекса) – тогда это будет явный редукционизм внутри психоисторической модели, либо это превращение всей истории в психоисторию. Такой редукционизм свойственен некоторым исследованиям с уже упоминавшимися выводами типа: Наполеон проиграл битву при Ватерлоо из-за насморка, резня гугенотов в Варфоломеевскую ночь произошла вследствие приступа желудочных колик у короля Карла и т. п.

У Фрейда было много учеников и последователей. В том числе, и тех, кто непосредственно занимался реальной политикой. Один из них – А. Адлер⁵², даже состоял министром труда в социал-демократическом правительстве Австрии. Он считал, что **в политику люди идут для гиперкомпенсации своих «комплексов»**: комплекс неполноценности, который обеспечивал человеку энергетику, необходимую для воздействия на окружающих, комплекс различий с другими людьми, ощущение которых как бы само выдвигало человека на

политические роли. Кстати, подобный психоаналитический подход А. Адлера практически не помог его личной политической карьере.

Учеников и сторонников у Фрейда всегда было много – велико и число работ, продолжающих и развивающих его идеи, в том числе, и в политико-психологической сфере. Однако наиболее важным для развития теперь уже современной политической психологии стало имя Г. Д. Лассуэлла⁵³. Как и очень многие, он тоже был увлечен популярным в начале XX века учением З. Фрейда. Знал работы А. Адлера, однако только он первым попытался напрямую, со свойственным американцам рационализмом, соединить психоанализ (точнее, психопатологию как направление психологических исследований) и прикладную политологию. Основная гипотеза новой теории состояла в следующем: политик стремится к власти как к средству компенсации депривации⁵⁴. Он неосознанно предполагает, что «власть лучше, чем какая-либо альтернативная ценность, сможет преодолеть заниженную самооценку»⁵⁵. То есть, согласно ранним взглядам Лассвелла, именно низкая самооценка чаще всего приводит к своеобразным защитным реакциям индивида, активно проявляющимся в потребности во власти и, шире, в потребности доминирования над другими людьми.

Индивид, избирающий политику в качестве символа реализации своих потребностей, тем самым, обычно пытается скорректировать свои внутренние расстройства такими совершенно неадекватными способами. **Политические символы избираются в качестве объекта переноса аффекта не по каким-либо рациональным причинам, а часто просто вследствие их широкого распространения и неопределенной референтности.**

Согласно Лассвеллу, именно политика оказывается наиболее легким и эффективным объектом-заместителем для людей, страдающих подобными внутренними проблемами. Соответственно, именно такие люди, в основном, и составляют своеобразный «политический тип» человечества. В полном соответствии со сказанным, политическим типом Лассвелл называл такой «тип развития, при котором властные возможности в каждой ситуации кажутся предпочтительнее всех остальных»⁵⁶. Резюмируя, он заключал, что, конечно, «все люди рождаются политиками, но большинство перерастает этот период»⁵⁷. **Обостренное стремление человека к власти, по Лассвеллу, – это своеобразное затянувшееся детство.**

Суть теории политического типа Г. Д. Лассвелла выражается следующей формулой:

$$p f d f r = P,$$

где **p** – личные мотивы;

d – перенос на общественный объект;

r – рационализация через общественный интерес;

P – политический человек;

f – процесс трансформации.

Из приведенной формулы следует вывод: политический человек, как и все другие люди, обладает **p** (личными мотивами) и **d** (способностью направить эти мотивы на общественный объект), но отличительным качеством *homo politicus* является именно **r** – рационализация собственных политических мотивов через общественный интерес.

Значительная часть работ Лассвелла была посвящена проблемам массовой психологии в политике. Он писал: «Политические движения жизнеспособны благодаря переносу личных аффектов на общество... в них происходит реактивизация специфических примитив-

ных мотивов, которые были заложены в человеке ранее»⁵⁸. Исследуя поведение людей в смутные времена, Лассвелл пришел к своеобразному выводу: именно в эти времена в людях обостряется **регрессивная тенденция, пробуждаются примитивный садизм и страсти, т.е. проявляются иррациональные основы и общества, и человека**. Впоследствии эти и прочие идеи Лассуэлла были активно развиты его учениками и сторонниками. Как уже говорилось, на этой сложной, эклектичной основе и развивалась западная политическая психология. Г. Д. Лассуэлл был первым исследователем, целиком посвятившим себя именно проблемам политической психологии – как бы она в его время еще не называлась.

1.2. Предмет, задачи и проблемы политической психологии

Политическая психология – междисциплинарная наука, родившаяся на стыке политологии и социальной психологии. Ее главная задача состоит в анализе психологических механизмов политики и выработке практических рекомендаций по оптимальному осуществлению политической деятельности на всех уровнях. Именно для этого она и создана, на этом и стал наращиваться ее ныне уже вполне самостоятельный статус.

Современную политическую психологию следует рассматривать с двух точек зрения: существовала и развивается западная политическая психология, но в 80-е годы начала складываться отечественная психология политики. Сейчас, спустя годы, они естественным путем слились в единую политическую психологию, хотя история и предыстория каждого направления продолжают сказываться на научном аппарате.

Политическая психология – новая и, вместе с тем, очень старая наука. Политики, и ученые, художники и музыканты интересуются субъективной стороной политических процессов. Их-то и изучает политическая психология – научная дисциплина, возникшая на пересечении интересов политологии и психологии. Согласно известному мнению, **предметом политической психологии являются психологические компоненты политического поведения человека, социальных групп и целых народов, исследование которых позволяет применить психологические знания к объяснению политики.**

В современных развитых странах без специальной помощи и консультирования экспертов в области политической психологии не обходится принятие ни одного важного политического решения. К сожалению, в нашей стране политическая психология как наука до сих пор делает все еще только первые шаги.

В основе любой науки лежат некоторые методологические основания – логика и метод мышления, которыми руководствуется она, в рамках которой ее можно и следует рассматривать. Для политической психологии такой основой стал поведенческий подход. Не поняв его, трудно сказать, что представляет собой политическая психология как наука.

Итак, методологической основой современной политической психологии (особенно на Западе) принято считать **поведенческий (бихевиористский) подход к пониманию политики.** Его суть понятна из самого названия: рассмотрение политики как особой сферы поведения людей. История такого подхода ведет отсчет с середины 30-х годов XX века, когда стали появляться работы, в которых только-только определялись возможности вместо принятых прежде подходов – в частности, вместо считавшихся спекулятивно-

историческими, в духе мифологем, «психологии народов» или психоаналитической интерпретации политической истории. Поведенческий подход сразу стремился к более конструктивному осмыслению политики на основе соединения политического и психологического знания.

Одним из первых необходимость этого понял и попытался осуществить американский исследователь Ч. Мерриам⁵⁹. Обосновав положение о политическом поведении как центральном аспекте политической науки, он предложил выявлять специфические черты политического поведения индивида, тех или иных социальных групп, массовых феноменов эмпирическим путем, количественными методами, соединяя в политической науке исследовательские приемы эмпирической социологии и социальной психологии.

В течение долгих лет понятие «поведенческий подход» включило в себя подавляющее большинство исследований в западной политической науке вообще. На сегодняшний день поведенческий подход к политике, в целом, представляет собой обширный конгломерат различающихся между собой исследовательских тенденций, объединяемых лишь общим вниманием к «человеческому фактору», к поведению людей в политике (которое, впрочем, трактуется по-разному).

В содержательном отношении поведенческий подход поставил в центр внимания не только внешне наблюдаемые аспекты человеческой деятельности (собственно «поведение») в политике, но и внутренние субъективные механизмы такого поведения. В частности, особое место в рамках поведенческого подхода занимают исследования социально-политических установок, сознания, самосознания и стереотипов субъекта политического поведения – в большинстве западных исследований до сих пор многое сводится к доминированию

«**установочного акцента**», причем, наибольшее внимание уделяется нормативным установкам, определяющим поведение, приемлемое с точки зрения господствующей политической системы, и формирующимся в сознании людей стереотипам.

Надо отметить, что поведенческий подход традиционно основывался на своего рода «идеальной» модели **«политического человека»** – гражданина, существующего внутри некоторой системы политических отношений. Утверждается, что такой человек обладает минимально необходимым для жизни в данной системе набором социально-политических качеств. Это означает, что он является высоко моральным (с точки зрения принятых в данном обществе норм), руководствуется рациональными мотивами поведения, положительно относится к «естественному» (привычному для данного общества) правопорядку. Кроме того, обычно он ставит перед собой достаточно четко определенные социально-политические цели, умеет выбирать эффективные средства их достижения, а также способен «правильно» (в соответствии с нормами и ценностями господствующей политической системы) оценивать политические силы и отдельных общественно-политических деятелей – с точки зрения их соответствия сформулированным политическим задачам.

Сторонники поведенческого подхода исходят из достаточно простых соображений: у избирателя «есть определенные принципы», что он «в какой-то мере разумен», у него «есть собственные интересы», однако осознает он их далеко не всегда, да и присутствуют они в его сознании далеко не в той форме, в какую их облекли политические философы. Задачей прикладного, эмпирически ориентированного поведенческого подхода выступал поиск тех конкретных политико-психологических норм, в которых реально, поведенче-

ски существуют и проявляются названные понятия и категории более высокого, философского порядка. По-другому: поведенческий подход исходит из того, что центральным пунктом рассмотрения здесь вообще являются любые формы участия человека или групп людей в осуществлении власти (или в противодействии ее осуществлению). Это формы, охватывающие участие в формальных организациях и массовых движениях, включенность в различные элементы политической системы или осознанную отстраненность от них, публичную манифестацию взглядов с целью воздействия на общественное мнение, политические институты и руководящие (правлящие) политические группы. В таком варианте поведенческий подход ориентируется на анализ некоторых действий (или уклонение от таковых) некоего субъекта в отношении политической системы. Структура таких действий, как правило, включает субъекта действий, обстоятельства осуществления этого действия, объект действия и соответствующие целевые установки данного действия.

Основным достоинством поведенческого подхода является внимание к субъективным аспектам и состояниям политики, к тем политико-психологическим составляющим данной сферы общественной жизни, которые до этого недооценивались, а подчас просто игнорировались направлениями политологии, нацеленными на рассмотрение более объективных компонентов политической жизни общества.

Основными чертами поведенческого подхода, критически выделяемыми исследователями, считаются следующие:

- **стремление анализировать политическое поведение исключительно как поведение на выборах,**

т.е. абсолютизация важной, но только одной формы политической жизни;

- **тенденция рассматривать политическое поведение лишь в условиях стабильности политической системы, оставляя за рамками анализа поведение в дестабилизированных ситуациях**, например, в условиях разнообразных кризисов;

- **склонность отдельных разновидностей поведенческого подхода к ограничению анализа лишь вербальными оценками поведения** (обычно ответами на анкеты с «закрытыми» вопросами, подразумевающими лишь три – «да», «нет», «не знаю» – варианта ответов) без достаточного учета невербальных проявлений политического поведения;

- не выдерживает критики само **понимание субъекта политического поведения**. Изначально, на первых этапах возникновения и развития, в рамках поведенческого подхода доминировали исследования не человеческих общностей, а отдельных индивидов и той мотивация их поведения, которая побуждает либо принять участие в голосовании, либо воздержаться от него. Электорат для сторонников такой разновидности поведенческого подхода до сих пор иногда представляется простой совокупностью голосующих или не голосующих индивидов. Даже в тех, уже более современных разновидностях поведенческого подхода, которые признают индивидуалистическую ограниченность данной традиции и хотят ее преодолеть, пока нет заметного движения дальше, за пределы попыток анализа малой группы в качестве субъекта политического поведения, или, тем более, еще дальше – за пределы проблематики внутри групповых и межгрупповых взаимоотношений.

Современные варианты поведенческого подхода исходят из того, что политическое поведение свойственно, как отдельным индивидам, так и раз-

личным социальным группам (так называемые «коллективные» или «групповые» формы» политического поведения), а также большим неструктурированным массам людей (так называемые «внеколлективные формы» или «стихийное поведение»). В рамках этой трактовки считается, что политическое поведение регулируется механизмами двоякого рода: объективными факторами, определяющими характер, причины, рамки и направленность политических действий; существуют внутренние, субъективные, собственно психологические механизмы политического поведения. Поведение людей в отношении политической системы, как и всякое иное поведение человека, детерминировано их мыслями, чувствами, настроениями и т. п. – в целом, психикой.

Таким образом, целью поведенческого подхода является изучение диалектики и трансформаций влияния объективных условий на внутреннюю мотивацию и, в обратном порядке, внутренних побудительных сил, через человеческое поведение, на внешние условия.

Итак, **объектом** политической психологии, как и других политических наук, является **политика**, а ее особым **предметом** – **субъективный компонент политической системы и процесса, который рассматривается с помощью специальных по преимуществу психологических методов и подходов**. В дискуссиях по предмету политической психологии можно выделить несколько существенных моментов. Во-первых, понимание того, что психологические компоненты являются неотъемлемой частью политического процесса, шло постепенно и отягощалось методологическими крайностями пионерских исследователей. Во-вторых, работы современных психологов, избирающих своим предметом политическое поведение,

политическое мышление или политическую культуру, нередко методологически недостаточно обеспечены и включают в качестве научного инструментария политологические и психологические, статистические и социологические категории и подходы без их должного перевода на язык своей науки. В-третьих, политико-психологическая проблематика развивается не только в рамках самой этой науки, но и в работах по этнографии, страноведению, экономике, истории, социологии и др. В последние годы появилось немало интересных публикаций, имеющих междисциплинарный характер и раскрывающих закономерности формирования личности в политике, воздействие политической культуры на судьбы государства, влияние исторически сложившегося менталитета на развитие нации и т.д. Все эти проблемы входят в круг исследования психологии политики.

Вообще, современная политическая психология представлена большим числом теоретических моделей. Однако все это разнообразие подходов, исследовательских стратегий и методов вписывается в две ведущие тенденции: **первая из них основана на представлении о человеке как простом винтике политической машины.** Отсюда – инженерный подход к налаживанию работы этой машины, сциентизм⁶⁰ и технократизм как исследовательская философия группы политических психологов. Методологическим фундаментом этой группы концепций являются по большей части позитивистские теории, пришедшие, как из психологии, так и из политологии; **вторая группа исследователей исходит из того, что человек является не только объектом политического воздействия, но и целью развития политической системы и ее активным субъектом.** В рамках этой тенденции работают подчас совсем иные методологические подходы. В ча-

стности, для теоретиков этого направления характерно обращение к антипозитивистским моделям личности. Они также выбирают теоретические парадигмы, для которых почти не свойственны манипуляторские тенденции.

Многообразные методы, используемые в политической психологии, могут быть классифицированы по разным основаниям – различные **феномены массового политического поведения** требуют таких методов, как **анализ статистических данных**, проведение массовых **опросов** с последующей математической обработкой больших массивов данных, проведения **фокусированных интервью и фокус-групп**.

В политической психологии уже накоплен и опыт использования собственно психологических методов для исследования массовых настроений, представлений, ценностей. Это такие исследовательские процедуры, как **проективные техники** (например, метод неоконченных предложений, рисуночные тесты), **метод ассоциаций** и др. (метод фиксированных ассоциаций политиков с животным, цветом, запахом, литературными героями, который позволил выявить бессознательный уровень восприятия, не подверженный стереотипам и дающий возможность более точно прогнозировать электоральное поведение избирателей).

Психобиографические подходы позволяют не только выявить влияние отдельных личностных характеристик политиков на конкретные события, но и увидеть в конкретной политике проявление определенного типа политической культуры.

Изучение феноменов **политического мышления и политического сознания** ведется в политической психологии преимущественно методами социальной психологии, причем, в основном, ее когнитивистского

направления: объектом исследования становятся тексты, которые обрабатываются с помощью контент-анализа⁶¹ различных модификаций.

Другим методом, используемым для изучения политического менталитета тех групп, которые имеют артикулированные политические ценности, является **метод построения их семантического пространства**. Российские психологи проанализировали политические штампы и клише в лексике партий постсоветского периода. Материалом анализа послужили речи известных политиков, партийные документы. Данные этого исследования позволили построить многомерную типологию сознания политических активистов. Кстати, не менее интересно применение того же метода и при исследовании этнических стереотипов.

Исследования **личности** в политическом процессе начинались еще в 30-е годы XX века в рамках преимущественно психоаналитической традиции. С этим связан интерес исследователей к таким методикам, которые позволяли проникнуть в бессознательную, эмоциональную сферу личности, раскрыть глубинные мотивы политического поведения. Так, в одной из первых политико-психологических работ Г. Лассвелла материалом для изучения политиков стали их медицинские карты в одном из элитарных санаториев, где их лечили от неврозов, алкоголизма и т.п. Современные политические психологи продолжают традицию качественного изучения личности политика, создавая **психологические профили** представителей данной профессии.

Наряду с этим в политической психологии широко используются **психологические тесты** при непосредственном исследовании политиков, а также многочисленные **методы дистантного анализа** в случае, когда объект недоступен исследователю. В таких случаях

изучаются не только тексты их выступлений, но и видеозаписи, мемуары о них и другие прямые и косвенные источники данных о личности в политике. Нередко используется и **метод экспертных оценок**, который позволяет оценить отдельные качества личности, дать прогноз ее поведения.

Но любые методы измерения бессмысленны, если они ведут к более точным оценкам только банальных, стандартных характеристик индивидуальности политиков. Ученые стремятся выйти за рамки описания и попытаться спрогнозировать политическое поведение. Поэтому далеко не любая типология или метод измерения годны к применению. Оценки индивидуальности лидера полезны, главным образом, когда могут быть привязаны к его деятельности.

Чрезвычайно эффективно сегодня использование в политической психологии метода отдельных случаев – **case studies** – **метод глубокого, многомерного исследования отдельного социального психологического явления**, или отдельный случай, который тесно связан со сравнительным методом, в противопоставление экспериментальным и статистическим методам. Можно определить case study как **метод получения «случая» или набора «случаев» через эмпирическую проверку реальных мировых событий в контексте их реального существования, без непосредственного управления, как самим явлением, так и его контекстом.**

В арсенале исследовательских методов политической психологии свое место занимает и **метод эксперимента**. Чаще проводится лабораторный, но используется и естественный эксперимент. Так, в результате экспериментальной проверки получили подтверждения важные теоретические положения о закономерностях поведения человека в политике.

Изучение образов в процессе политического восприятия является важной задачей в развитии теории политической психологии и прикладных исследованиях, востребованных политической практикой.

Глубинные интервью, задача которых, в основном, заключается в том, чтобы получить дополнительную информацию о том, как формируются политические представления респондентов, особенно представления о власти, как они соотносятся с биографией, типом семейной власти и типом политической социализации, являются одним из наиболее распространенных качественных методов исследования в политической психологии. Еще одним качественным методом исследования является **метод «психологического рисунка власти»** – он широко применяется в других областях психологии, но в политической психологии пока редко используется. Между тем, именно с помощью данной проективной методики можно получить весьма богатый материал об образах власти, причем, и в отличие от других, получить его не только в вербальной, но и визуальной форме, что для исследования образов имеет особое значение. Данная методика фиксирует два рода объектов: во-первых, личностные характеристики респондента, во-вторых, отношение респондента к исследуемым объектам действительности (к власти). Если обычно в психологии проективные техники используются для анализа лишь первого типа объектов, т.е. личности выполняющего тест человека, то ученые сегодня показали возможность изучения именно социальных объектов, т.е. их смыслов, находящихся в сознании человека с помощью таких тестов.

Следует отметить, что, помимо собственно **исследовательских процедур**, в политической психологии используется и широкий набор **методов коррекционного воздействия на политическое поведение**, соз-

вание и бессознательные структуры личности. Практика политического консультирования включает психодиагностику политического деятеля, анализ и коррекцию его публичного имиджа, разработку стратегии его взаимоотношений как с широкой публикой, так и с собственными единомышленниками и аппаратом. Такая работа политического психолога предполагает использование методов тренинга, участия в PR работе, разработку рекомендаций по эффективной политической коммуникации.

1.3. Политическая психология в России: начало, путь, векторы

В российской истории нашей науки были свои политико-психологические традиции, правда, не такие сильные и многочисленные. Круг подобных проблем, в силу особенностей национального менталитета и, соответственно, особенностей национальной науки, не относился к сфере последней. Можно здесь вспомнить, что гуманитарная наука как таковая отсутствовала в России практически до XX века (если, конечно, можно считать гуманитарной наукой то, что появилось и развивалось «внутри» ортодоксального марксизма-ленинизма). Часто у нас в стране важные для общества функции осмысления гуманитарных проблем принимала (и принимает) на себя художественная литература. Действительно, если внимательно посмотреть, то мы обнаружим огромное количество политико-психологических проблем у Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, и даже ранее у А. С. Пушкина в «Борисе Годунове» или «Капитанской дочке», не говоря уже о литературном творчестве декабристов (К. Ф. Рылеев и др.). Разумеется, это отдельный пласт проблем, заслуживающий совершенно особого внимания и более тщательного рассмотрения. Пока же мы

можем лишь обратить внимание на то, что политико-психологические проблемы активнейшим образом развивались, начиная от А. С. Пушкина, в русской литературе – причем, не только в прозе, но и в поэзии. И не только в тенденциозных поэмах В. В. Маяковского типа «Владимир Ильич Ленин», но и, скажем, в совершенно ином по складу произведению С. А. Есенина «Пугачев».

На фоне замечательной русской литературы и культуры значительно менее убедительно выглядели попытки рассмотрения политико-психологических проблем в собственно научных рамках. Анализ позволяет назвать всего лишь несколько достойных имен. Так, Н. К. Михайловский⁶² в своей теории героя и толпы объяснял взаимоотношения лидера и масс своеобразными рефлексамии подражания – в целом, следуя в данном вопросе за Г. Тардом, Ш. Сигеле и Г. Лебоном. Здесь Н. К. Михайловский был мало оригинален. Вождь-гипнотизер, согласно Михайловскому, превращает толпу в «человеческие автоматы», готовые следовать за ним, куда бы то ни было⁶³.

В противоположность этим взглядам, споря с ними, известный русский врач-физиолог, исследователь мозговых процессов В. М. Бехтерев (1857–1927) отмечал, что во времена смут и потрясений совсем не герой определяет политическое поведение масс. В такие периоды ими движут особые коллективные рефлексии. Именно в толпе, считал Бехтерев, люди уподобляются животным и действуют рефлекторно⁶⁴. Так или иначе, но рефлексологическая политическая психология представляла собой, по крайней мере, что-то абсолютно новое даже на фоне более развитой западной науки.

Вообще следует отметить значительный вклад российских медиков и физиологов в исследование психологических проблем политики. Это еще и вклад в раз-

витие жанра политического портрета. Так, в России начала XX века широкой популярностью пользовалась книга психиатра П. И. Ковалевского⁶⁵ «Психиатрические этюды из истории». В ней была представлена целая серия портретов политических деятелей от царя Давида до Петра I, от А. В. Суворова до пророка Мохаммеда, от Жанны д'Арк до Наполеона⁶⁶. Учитывая естественный для этой книги психиатрический уклон в анализе персонажей, не будем анализировать здесь эту книгу, отметим только ее определенный интерес. Как и книги Г. И. Чулкова⁶⁷ о русских императорах, где приведена целая серия талантливых, сугубо психологических портретов ряда российских правителей⁶⁸.

В российской исторической науке, в частности, В. О. Ключевским⁶⁹ был дан сравнительно развернутый анализ влияния массовой психологии, в частности, феномена массовых настроений, на развитие динамичных политических процессов и кризисных ситуаций. По сути, Ключевский заложил основы политико-психологического понимания российской истории. Психологические факторы и их роль были особенно очевидны, по его мнению, в ходе серьезных политических сдвигов и потрясений. Например, согласно В. О. Ключевскому, знаменитая смута начала XVII века создала особые предпосылки для жизни общества. «Во-первых, прервалось политическое предание, старый обычай, на котором держался порядок в Московском государстве»⁷⁰. Во-вторых, «...Смута поставила государство в такие отношения к соседям, которые требовали еще большего напряжения народных сил для внешней борьбы»⁷¹, чем раньше. «Отсюда, из этих двух перемен, вышел ряд новых политических понятий, утвердившихся в московских умах, и ряд новых политических фактов...»⁷². Говоря современным языком, произошел серьезный сдвиг в политической культуре тогдашнего

российского общества. «Прежде всего, из потрясения, пережитого в Смутное время, люди Московского государства вынесли обильный запас новых политических понятий, с которыми не были знакомы их отцы... Это и есть начало политического размышления»⁷³. Одним из таких вновь появившихся понятий, например, было настроение общества: «...внутренние затруднения правительства усиливались еще глубокой переменой в настроении народа. Новой династии приходилось иметь дело с иным обществом»⁷⁴. Это общество, по убеждению В. О. Ключевского, за четырнадцать лет Смуты осознало главное: «Государство может быть и без государя»⁷⁵.

На рубеже XIX-XX веков отдельные политико-психологические проблемы рассматривал в своих трудах Г. В. Плеханов⁷⁶. Затем наступило время участников февральской революции 1917 г. Развитие российской политической культуры и, в частности, особенности русского политического сознания пытался проследить в своих работах П. И. Милюков⁷⁷. Примерно тот же исторический опыт анализировал с психологической точки зрения известный социолог П. А. Сорокин⁷⁸.

В дальнейшем весь набор политико-психологических идей был и определен, и реализован на практике В. И. Лениным и его соратниками в ходе революции 1917 г. В. И. Ленин и верхушка большевистской партии сумели в сложнейших условиях показать себя замечательными политиками и политологами-практиками. В частности, сам В. И. Ленин, будучи политиком значительной силы, успевал еще и своевременно анализировать свои политические действия. В этом, аналитическом, плане, серьезное изучение практического политико-психологического наследия В. И. Ленина еще впереди... Однако уже к концу 20-х гг. прошлого века, через десяток лет после октябрьской

(1917) революции все российские исследования по политической психологии практически были и возродились лишь в начале 80-х годов. Причины понятны: тоталитарный режим не нуждался ни в знании, ни в учете человеческой психологии – все заменяла единообразная идеология. Кстати, современники, описывая события 1917 г., использовали термины «восстание» и «переворот». Термин «революция» встречается в единичных случаях (например, публичные выступления самого В. И. Ленина). Он появляется в сравнительно широком употреблении новой элиты только с 1920 г. Официально, до середины 20-х годов, отмечались две даты: годовщина февральской демократической революции и октябрьского вооруженного восстания. В конце 20-х годов появился и эпитет Великая. Так и возникла Великая октябрьская социалистическая революция – уже как феномен массового политического сознания. Это всего лишь пример эффективного практического использования политической психологии правящими кругами России того времени.

Отдельная страница истории российской политической психологии связана с психоанализом. Это направление стало необычайно быстро распространяться в России после революции 1917 года. Психоанализ оказался тесно связанным с реальной политикой. Можно без всякого преувеличения сказать, что не будь среди увлеченных идеями психоанализа Троцкого, Каменева⁷⁹, Радека⁸⁰, судьба этой психологической школы в России была бы иной.

20-е и начало 30-х годов были ознаменованы, кроме уже упоминавшихся исследований, чрезвычайно оригинальными для своего времени работами по изучению восприятия газетных материалов, слухов, культурных различий в восприятии и мышлении (П. П. Блонский⁸¹, А. Р. Лурия⁸² и др.). Во второй половине 30-х

годов работы такого рода были надолго заблокированы. Социальные науки вообще были по большей части вытеснены сталинским *историческим материализмом*, а все, что от них сохранилось (философия, история, политэкономия и пр.), подчинилось жесткой идеологической цензуре, не оставившей места для психологических упражнений.

В этих условиях в СССР до начала 70-х годов исследования, имевшие хотя бы самое отдаленное касательство к политической психологии, осуществлялись только в рамках педагогики (теория коллектива и т.п.), тогда как за рубежом это был период бурного развития политико-психологической науки. Появившиеся позже работы носили почти исключительно вторичный характер: критика «буржуазной науки» в сочетании с эпигонским заимствованием экспериментальных и прикладных методов. Непосредственная политико-психологическая проблематика (сам термин был под запретом) изучалась в закрытых учреждениях, а подобные исследования не отличались методологической или методической оригинальностью. За семь десятилетий традиции отечественной социальной и политической психологии были утеряны. Возродить их – задача нового поколения ученых...

Следующий этап развития политической психологии в России начался только во второй половине 80-х гг. XX века. Это было связано с уничтожением монополии марксистских взглядов на социально-политическое развитие и с нараставшей потребностью общества узнать больше о самом себе. Так начала развиваться «психология политики».

Сегодня российская политическая психология становится частью мировой политической психологии. Опыт психологического осмысления последних лет российской истории, крупномасштабных социально-

политических реформ, которые пережило и продолжает переживать российское общество, представляет собой уникальный материал. Будет продолжаться и его совместное освоение российскими и западными исследователями – в рамках концепций модернизации политической культуры, политического сознания и самосознания, модели «политического человека» в целом.

Видимо, как мы сказали выше, еще предстоит осмыслить влияние марксизма на политическую психологию. Но очевидно это можно будет сделать существенно позже. Сейчас ясно лишь, что тот вариант марксизма, который развивался в Советском Союзе, не слишком способствовал проявлению интереса к этой проблематике. В нашей науке преобладали тенденции, которые подчеркивали определяющую роль масс в политическом процессе и, одновременно, совершенно недооценивали значение личностного фактора, а трактовка масс, кстати, была весьма упрощенной. Они понимались как некая безликая сумма индивидов, приводимая в движение волей политического авангарда. Такие методологические установки делали ненужным учет психологического фактора. Добавим, что реального знания о политическом сознании и поведении отдельных представителей этой массы не было в силу отсутствия обратной связи между правящей элитой и населением.

Первый этап возникновения исследований, касающихся проблематики политической психологии относится к началу-середине 60-х годов. Работы Б. Ф. Поршнева, Ю. Н. Давыдова, В. Д. Парыгина, Ю. Ф. Замошкина и других социологов, историков и психологов ввели в научный оборот проблематику политической деятельности в ее человеческом измерении. Происходит и первое знакомство с трудами западных ученых и их критическое переосмысление в

советском контексте. В 70-е-80-е годы XX века акценты смещаются в рамки страноведения. В этот период были опубликованы исследования таких специалистов по развивающимся странам, как Б. Ерасов, Б. Старостин, М. Чешков, Г. Мирский и др.), американистов Ю. Замошкина, В. Гантмана, Э. Баталова, европейцев Г. Дилигенского, И. Бунина, В. Иерусалимского.

Второй этап подъема общественного интереса к психологическим аспектам политики начался в середине 80-х с началом процесса демократизации и гласности, получившим название «перестройки». Первыми на запрос реальной политической практики откликнулись ученые, которые уже имели определенный исследовательский опыт и интерес к политико-психологической проблематике: В. Агеев, А. Асмолов, Л. Гозман, Е. Егорова-Гантман, И. Кош, Д. Ольшанский, А. Петровский, С. Роцин, Ю. Шерковин и другие известные философы, политологи, психологи, социологи.

В 90-е годы сама внешняя и внутренняя политика дали новый мощный толчок к развитию политической психологии. **Начал уже формироваться социальный заказ на исследования по электоральному поведению, восприятию образов власти и политиков, лидерству, психологическим факторам становления многопартийности, политической социализации и многим другим.** Сегодня в стране работают десятки специалистов, ведущих как фундаментальные, так и прикладные исследования, занимающихся одновременно аналитической и консультативной работой. Особенно они востребованы специалисты в период выборов. Созданы специальные научные подразделения в области политической психологии в Москве и Санкт-Петербурге. Курсы лекций читаются во многих

отечественных университетах. Вышли первые учебные пособия по политической психологии. Еще в 1993 году была создана Российская ассоциация политических психологов, которая является коллективным членом ISPP⁸³.

1.4. Современная зарубежная политическая психология: проблемы и методы

В настоящее время исследования и публикации по проблематике политической психологии появляются не только во всех престижных изданиях по политологии и психологии, но даже и в популярных журналах и книжных сериях. Век снова политизирован! В ISPP сейчас более 1000 членов-участников из большинства стран мира. Ежегодно ISPP проводит собрания, посвященные наиболее актуальным теоретическим проблемам (например, в 2010 году основной темой стало обсуждение стремительно меняющегося мира и развития мировой политической психологии в эпоху глобальных вызовов. Были рассмотрены также такие проблемы как эволюция политического дискурса, новые подходы к идеологии и общественной морали, взаимоотношения государства и гражданина, типичные ошибки СМИ в освещении событий и т.д.).

Хотя политическая психология получила действительно международное признание, однако большая часть нынешних исследователей живет и работает все же в США и Канаде. Это такие крупные ученые, как М. Херманн, Р. Сигел, Д. Сирс, С. Реншон, Ф. Гринстайн, А. Джордж, Р. Такер, Дж. Пост, Б. Глэд, Р. Кристи и десятки их коллег практически во всех североамериканских университетах.

В США политическая наука формировалась первоначально как специальная университетская (в отличие от других стран) учебная дисциплина. В 1880 г. профессор истории и политической

экономии Джон Берджесс создал Школу политической науки Колумбийского университета; с 1886 г. эта Школа стала издавать политологический журнал «Ежеквартальник политической науки». Аналогичные школы были созданы в других крупных университетах США (в частности, Корнельском, Йельском). Вскоре была организована Американская Ассоциация политической науки (1903), которая стала выпускать Американский журнал политической науки (с 1906). Классическими политологическими работами, изданными до 1900 г., стали труды Д. Булей «Политическая наука, или государство, рассматриваемое с теоретической и практической точек зрения» (1878), В. Вильсона «Государство» (1889), В. Уиллогби «Исследование природы государства» (1896), «Изучение политической философии» (1896).

В начале своего развития американская политическая наука находилась под сильным влиянием подходов, выработанных юридической и исторической науками. Однако постепенно американская политология сосредоточилась на конкретно-эмпирических исследованиях деятельности правительственных институтов и политического поведения людей. Речь шла уже о том, чтобы описывать не легальные формы политической активности, а саму реальность. Две области политических исследований в связи с этим стали вплоть до 50-х гг. XX в. наиболее притягательными для американских специалистов – правление и публичная администрация. В рамках данной тематики американские ученые стремились создать свою науку в значительной степени прикладной. Большая заслуга в этом принадлежит Ч. Мерриаму, одному из отцов-основателей, автору известного высказывания о том, что «политика джунглей и научное исследование политики, несовместимы, они не могут жить в одном и том же обществе».

В США появилось немало работ, в которых активно используются социологические понятия и количественные методы анализа; наука обогащалась за счет достижений психологии. Возникают новые области исследований. В частности, группам

влияния посвящена работа А. Бенгли «Процесс управления, изучения социального влияния» (1908).

Фундаментальные и систематические теоретические разработки в области психологии политики начались в 60-е гг. в США под влиянием «поведенческого движения». Тогда для изучения проблем международной политики при Американской психиатрической ассоциации была создана группа, преобразованная в 1970 году в Институт психиатрии и внешней политики. В 1968 году в Американской ассоциации политических наук (American Association of Political Science) был основан Исследовательский комитет по политической психологии (Research Committee in Political Psychology), на основе которого в 1979 году и было организовано уже упоминавшееся Международное Общество политических психологов, получившее статус международного (International Society of Political Psychology, ISPP). В настоящее время публикации, посвященные политико-психологической проблематике, появляются во всех престижных изданиях по политологии и психологии.

Вообще о состоянии наук во многом можно судить о том, кому и как широко они преподаются. Так в конце XX века в 78 университетах США и Канады читалось более 100 курсов политической психологии. Лекции и семинары слушало более 2500 студентов только на младших курсах. Преподавание шло как для студентов-политологов, так и для психологов (хотя и в меньшей степени).

Другим параметром развития науки является ее прикладное, практическое назначение и использование. Политические психологи активно привлекаются для поиска решений в конфликтных ситуациях. Известна эффективная роль политических психологов во время Карибского кризиса, при заключении Кэмп-дэвидской

сделки между Израилем и Египтом, в ходе Косовского конфликта и пр. Специалисты по политической коммуникации в разных странах Европы и Америки вносят свой вклад в подготовку политических лидеров к парламентским и президентским выборам.

*Политическая психология, берущая начало в трудах американского ученого Г. Ласуэлла тесно связана с изучением **ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ**. Поэтому бихевиористское течение в американской политологии в 50–60-е гг. способствовало интенсивному развитию политической психологии. Положения политической психологии используются в исследовании таких вопросов, как электоральное поведение, политическое лидерство, политическая социализация, политические установки, политические конфликты, политическое сотрудничество, и пр. В политической психологии используются и традиционные социологические методы анализа (в частности, интервьюирование, контент-анализ, эксперимент), и методология психоанализа, которая позволяет исследовать глубинную психологию политических деятелей.*

В Европе есть свои давние традиции анализа психолого-политических явлений. Успешно работают в в Германии А. Ашкенази, П. Шмидт, Г. Ледерер, Г. Майер, Х.-Д. Клингеманн, Г. Мозер и др., во Франции А. Першерон, А. Дорна, С. Московичи, в Великобритании Х. Хаст, М. Биллиг, А. Сэмюэль, кроме того, ряд специалистов живет и работает в Финляндии, Голландии, Чехии, Испании, Польше и других странах.

Начало политической психологии и политологии во Франции связывают с 1871 годом, когда в Париже была создана частная Свободная Школа политических наук. В 1886 году появился ее печатный орган – журнал «Анналы Свободной Школы политических наук». Научному взаимообогащению исследований способствовали проводимые Школой (с 1900 года) конгрессы по

политическим наукам. В Школе преподавали многие известные ученые, в том числе А. Зигфрид, заложивший основы изучения поведения избирателей (в книге «Политическая таблица западной части Франции», 1913).

Значительную роль сыграли факультеты права французских университетов. Многие французские правоведы считали, что политическая наука в целом есть не более чем конституционное право. Поэтому широкое распространение получил юридический подход к анализу любых политических явлений. Основатели этого подхода – А. Дюги, М. Ориу, автор таких произведений, как «Принципы публичного права» (1910) и «Элементарный учебник по конституционному праву» (1925).

В Англии политология и политическая психология свое признание получили в конце XIX – первой половине XX в. В 1895 году при Лондонском университете была образована Школа экономики и политической науки. Развитию наук способствовало и наличие целого ряда специализированных журналов: «Публичная Администрация» (с 1923 года), «Политический ежесеквартальник» (с 1930 года), «Политика» (с 1934 года). Большой вклад в развитие науки в Англии внес Г. Ласки, который в своих работах отводил значительное место политической философии и психологии (вопросам природы политической власти и подчинения, суверенитета и т.д.). Он автор таких трудов, как «Основания суверенитета» (1921), «Власть в современном государстве» (1927), «Государство в теории и на практике» (1936), и др.

В течение XIX в. в Германии происходил интенсивный рост научных исследований по социальной проблематике. Поэтому зарождение и развитие науки было здесь вполне закономерным. Однако интеллектуальный процесс был искусственно прерван в связи с массовой эмиграцией немецких ученых после прихода к власти Гитлера в 1933 году.

Политическая психология в Германии оказалась генетически связанной с политической философией, у истоков которой стоял выдающийся философ Гегель. Под его влиянием немецкие

ученые особое внимание уделяли изучению государства. Большую роль в создании автономной науки о государстве сыграл немецкий правовед Лоренц фон Штейн, автор фундаментального восьмитомного труда «Учение о правлении» (1865–1884). После объединения Германии в 1871 году появились труды «Правовое государство немецких государств» (1876–1882 -) П. Лабанда, «Общее учение о государстве» Г. Еллинека (1900) и др. Фундамент политической психологии в Германии закладывали своими работами и немецкие социологи. Назовем произведения М. Вебера «Политика как призвание и профессия» (1918–1919), К. Шмитта «Диктатура» (1921), «Понятие политического» (1927).

Новая политическая действительность Германии конца XIX – начала XX в. обусловила интерес немецких ученых и к таким областям анализа, как политические партии.

На последнюю четверть XIX в. приходится формирование политической психологии как науки в Испании. Характерной чертой естественного развития до момента установления диктатуры Франко было преобладание исследований в двух областях: политической философии и теории отношений государства и граждан.

У истоков испанской политической науки стоят Ф. Лос Риос и его ученики. Для испанской политической науки было характерно почти полное отсутствие интереса к анализу таких политических явлений, как политические партии и выборы. Напротив, философское исследование роли политики в жизни общества нашло свое оригинальное воплощение в ряде работ философа Ортега-и-Гассета. Он полагал, что понятие поколения – самое важное в истории. Эта концепция поколений использовалась автором в целом ряде произведений.

Политическая психология в Италии в конце XIX – начале XX в. еще не имела значительного распространения. Основные дискуссии носили философский характер и были связаны с распространением сепельянства и марксизма.

Однако некоторые шаги были сделаны Г. Моска, разработавшим концепцию «политического класса», и В. Парето, создавшим концепцию «правлящей элиты». Они продолжили традицию политических исследований, заложенную еще Н. Макиавелли. Определенную роль сыграла Школа социальных наук, созданная во Флоренции в 1874 году. В 20-е гг. XX в. в Италии установился фашизм, официальным теоретиком которого стал Д. Джентили. Вне рамок официальной идеологии исследования стали невозможны. Такой научный вакуум обусловил тот факт, что итальянская наука после Второй мировой войны восприняла американскую научную модель как теоретически, так и методологически.

После 1945 года западная политическая наука в целом получила международное признание. Это было вызвано созданием в 1949 году при ЮНЕСКО Международной Ассоциации политической науки, коллективными членами которой выступают национальные ассоциации (хотя, заметим, существует и индивидуальное членство).

Национальные ассоциации после Второй мировой войны появились во многих странах.

Растут исследования, идет процесс интеграции и систематизации этих исследований. Так, в 1970 году был создан Европейский консорциум политических исследований, объединяющий в настоящее время более 100 университетов, исследовательских центров и т.п.

Следует отметить, что интерес к нашей науке наблюдается и в таких регионах, где раньше сама политическая наука и психология не имели развитых традиций, а традиционные школы находились в отрыве от современной методологии. Так, в последние десятилетия исследования проводятся в Латинской Америке, в Африке, в Китае, Индии, Пакистане, в Австралии и Новой Зеландии – всюду ведется огромная исследовательская работа, издаются десятки монографий.

В 1973 году под редакцией Джин Кнутсон была издана коллективная монография, в которой подведены итоги развития политической психологии и выделены важнейшие направления дальнейших исследований. Другой крупной вехой было появление монографии под редакцией М. Херманн в 1986 году. Эта книга дала представление о тех изменениях, которые произошли в науке. М. Херманн выделила следующее:

- большинство исследователей пришло к убеждению, что фокус изучения должен быть сосредоточен на **взаимодействии политических и психологических феноменов**;

- объектом исследования должны стать **наиболее значимые политические проблемы**, к которым привлечено внимание общественности;

- следует уделять большее внимание политическому и социальному контексту анализируемых психологических явлений;

- необходимо изучать не только результаты тех или иных психологических воздействий на политику, но и пытаться понять **процесс формирования конкретных политических убеждений**;

- современные политические психологи стали гораздо более терпимыми в отношении методов сбора данных и исследовательских процедур, полагая, что **методологический плюрализм** – неизбежное явление на нынешнем этапе развития теории.

Заметим, что если в работах конца XIX – начала XX вв. была отмечена лишь **негативная сторона массового поведения**, его опасные последствия, то в дальнейшем исследователи, напротив, уделяли больше внимания позитивным аспектам массовых форм политического участия в развитии демократии. Так, современная политическая психология много внимания уделяет массовым движениям (от движения за права

женщин до экологических движений). Другой темой, вызывавшей интерес у ранних политических психологов, была психология народов и рас, национальный характер. Опираясь на идеи антропологической школы Ф. Боаса и Б. Малиновского, психологи пытались соединить знания о личности с анализом более широких социальных и культурных феноменов, в частности, политики.

Раздел II

Участники политического процесса: психологические и нравственные аспекты

2.1. Психология политиков и участников политического процесса: общие проблемы

Человек является политическим «существом» в такой же мере, как и биологическим, и физиологическим, и социальным и т.д. Вне политики он рассматривается как оператор, член малой группы, коллектива, учащийся, пациент, клиент, испытуемый в процессе изучения и т.д. Политическим человек становится, когда вступает в отношения с властью по поводу контроля своих доходов и расходов, своих гражданских прав и обязанностей, свободы передвижения и свободы совести, когда он становится избирателем или избираемым. Каждый человек непременно осуществляет власть и как минимум повинуетя власти, находясь в ее поле.

Человек в политической психологии рассматривается в треугольнике отношений «человек – политика – власть», как, например, сознание рассматривается в треугольнике отношений «сознание – память – внимание». Власть воспринимается, переживается в терминах политики – политика не функционирует в отсутствие власти – власть не реализуется в отсутствие политики – человек не может сохранить свои гражданские качества в отсутствие как власти, так и политики. Власть – психологический механизм и не имеет своего содержания. Политика является содержанием власти, точно так же, например, как память является содержанием внимания. Таким образом, политический человек находится в сложной зависимости от власти и политики и поэтому весьма разнообра-

зен. Можно попробовать определить психолого-политические черты:

а) **«человека дополитического»**, когда он воспринимает власть как действие естественной среды обитания и не интересуется политикой как законами ее функционирования;

б) **«человека политического»**, когда он активно пытается вмешиваться в функционирование власти в своих интересах и интересуется политикой как конструкцией организации власти.

Конкретизируем:

1) **«человек дополитический без власти»** – житель, по разным причинам повинующийся власти и поддерживающий функционирование ее механизмов и достижение ее результатов;

2) **«человек политический без власти»** – гражданин, осознавший значение власти в его жизни, сформулировавший свое отношение к действующей власти и добивающийся внесения изменений в ее конструкцию;

3) **«человек дополитический при власти»** – криминальный авторитет, эксплуатирующий естественные законы власти как стихийного явления при благоприятном для него отсутствии политики в государстве;

4) **«человек политический при власти»** – государственный лидер, проектирующий и эксплуатирующий естественные законы власти при поддержке научных исследований механизмов управления поведением общества.

Психолого-политические качества политического человека проявляются в политической активности, политическом поведении, политической работе и политической деятельности. Политическая активность является отражением целесообразности политики. Если реактивность – вынужденная реакция

человека на действия политической власти, то активность — это психолого-политическое самодвижение гражданина, возбуждаемое *запаздывающими* действиями власти. Вся психология политической пропаганды, избирательных кампаний ориентирована на управление политической активностью населения. Политическая работа имеет в основе целеустремленность политики, которая демонстрируется наемными, оплачиваемыми лицами, структурами, объединениями субъектов политики в соответствии с их задачами, правами и обязанностями. Деятельность правительственных органов, армии и т.п. полностью подчинена достижению политических результатов. Политическое поведение регулируется целенаправленностью политики, соответствующей социальной, экономической, национальной природе его носителя. Плоды политического поведения поддаются наблюдению, регистрации, измерению, оценке в форме политических документов, акций, экономических и социальных действий партий, лидеров и т.п.

Политическая деятельность вообще появляется под влиянием сознательного целеполагания. Поэтому **политика — профессиональная трудовая деятельность и, более того, можно сказать, деятельность научно-практическая. В такой же мере как физика, математика, биология, только ее предметом является власть, психологическое поле власти, и тоже природное, как и поле гравитационное или магнитное.** Политика — это борьба и часто — за власть между классами, группами, личностями. Системы власти в политике столь же стремительно устаревают, как, например, и системы энергообеспечения человечества, и требуют не меньше фундаментальных научных открытий, чем атомная энергетика и т.п. Итак, продуктом труда в политической деятельности является система власти, которая способна обеспечивать достаточный уровень

жизнеобеспечения общества. Систему жизнеобеспечения составляют элементы, регулирующие властными методами адаптацию общества к: 1) физической среде обитания (гелиоценоз), 2) геологическим условиям жизни (геоценоз), 3) биологическим факторам жизнедеятельности (биоценоз), 4) психологическим возможностям населения (психоценоз), 5) политической системе власти (политоценоз), 6) техническим возможностям производства (техноценоз), 7) уровню потребления (консоценоз), 8) состоянию культуры (культуроценоз). Перечисленные структуры создают совокупность физических, биологических, социальных условий, более или менее пригодных для жизни людей⁸⁴.

Продукт труда политики имеет и свою стоимость, ибо в ней происходит расходование интеллектуальной энергии, воли, эмоций, характера и др. Расходование рабочей силы в политике осуществляется на запредельном уровне возможностей человека, часто приводя к стрессам, срывам, депрессиям, нередко к гибели политиков, а стоимость обнаруживается в процессе обмена продукта политической деятельности на широкую известность политиков, любовь и ненависть, которую они вызывают, комфортные условия, которыми обставляются их работа и жизнь.

Предметом труда в политике является, вероятно, состояние народа – психологическое, экономическое, социальное, демографическое и др. Ученые изучают состояние народа, применяя самые разные категории: состояние народа изучают методами искусства, литературы, истории, экономики, дипломатии, философии, социологии и политологии. В политической психологии предмет труда политики характеризуется психолого-политическими состояниями населения, начало изучению которых было положено трудами

Н. Д. Левитова⁸⁵ (1964), определившего состояние как целостную характеристику психической деятельности и поведения за некоторый период времени, показывающую своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых объектов и явлений действительности, предшествующего и предвосхищаемого состояний и психических свойств личности⁸⁶.

Предметом труда в политической деятельности являются четыре группы психолого-политических состояний (терминология введена В. А. Ганzenом⁸⁷):

1) **группа эмоциональных состояний** – реакции на меру удовлетворения потребностей организма в жизненных ресурсах (вызываемые влиянием материальных факторов внешней среды и организменных факторов внутренней среды – жажды, голода, гипоксии, сексуального напряжения, страха, ужаса, паники и др.);

2) **группа практических состояний** – реакции на объем расходования рабочей силы для достижения своих целей (возникающие в процессе трудовой деятельности – утомление, напряжение, монотонность, тревожность, стресс, функциональный комфорт, отсутствие мотивации, индифферентное состояние);

3) **группа мотивационных состояний** – реакции на характер межличностных отношений в обществе между участниками политического процесса (связанные с осознанием своей причастности, необходимости полезности всему обществу и конкретному человеку: атараксия и волнение, радость и горе, наслаждение и страдание, эйфория и гнев, экстаз и ярость и др.);

4) **группа гуманитарных состояний** – реакции на качества политической информации, сопровождающие процесс познания политической картины мира. Эти психические состояния обусловлены потребно-

стью в информации, в ее достоверности, полноте, организованности, конкретности, достаточности и т.п.⁸⁸

Содержание труда в политике проявляется в соединении предмета труда (психического, экономического, социального состояния народа) с целеобразованием конкретной государственной политики, политики партий, лидеров и др. Осуществление такого соединения требует фундаментальных знаний, умений и навыков для научного формулирования целеполагания лидеров, целеустремленности народа, целенаправленности развития, затрат человеческих сил и человеческого материала для достижения политической цели.

Целеобразование власти имеет своим источником информацию, само состоит из информации и представлено в виде информации: необходимой, системной, достаточной, конкретной и др. Причем информация является не столько средством регистрации, сколько средством прямого, косвенного, опосредованного воздействия на состояния людей. Как своими успехами политика обязана полноценной информационной подготовке, так и всеми своими неудачами политика обязана информационным ошибкам. Поиск, получение информации, ее обработка, принятие решения и его исполнение – основа политического процесса.

Процесс взаимодействия политических идей и человеческой природы имеет сложные психологические закономерности. Восприятие населением политических проектов часто парадоксально, плохо прогнозируется с позиций здравого смысла, не объясняется формальной логикой. История, например, хранит факты, когда население с восторгом поддерживало гибельные для себя политические проекты и отвергало спасительные преобразования.

Итак, «средством труда» в политике являются различные варианты воздействия на общество и государство: интеллектуальная экспансия (распространение идеологии), правовое регулирование (изменение законодательства), экономическое принуждение (реформа системы доходов и расходов) и, нередко, физическое насилие (прямое подавление инакомыслящих). Политика выбирает между ними и их сочетаниями, потому что другие средства являются частными случаями вышеперечисленных.

Выбор средств воздействия на предмет состояния людей и применение к ним методов управления предполагают исключительно высокие характеристики для политика – обладание развитыми самоконтролем, саморегуляцией, самоуправлением и самовоспитанием. Решение политика о способе стимулирования людей расходовать человеческую силу – чрезвычайно ответственное решение.

Выбирая между средствами труда, политик рискует – от ответственности освобождает только успех, победа. В случае поражения его ждет или прекращение карьеры (политическая смерть), или осуждение, или террор (физическая смерть), или запрет на профессию (профессиональная смерть), или дискредитация в средствах массовой информации и исторической литературе (моральная смерть).

Психолого-политическая стабильность общества формируется из политического безразличия или инициативы людей, их консерватизма или радикализма, соперничества или адаптивности, творчества или иждивенчества. В совокупности эти параметры формируют:

а) **предельную психологическую нагрузку общества**, показывающую способность населения сохранять целесообразное политическое поведение (требующее предельного напряжения мышления, воли,

эмоций) под возрастающим давлением социальной, экономической, правовой, физической жизни (снижение личной безопасности, покупательной способности, возможности обеспечивать себя своим трудом, понимания происходящего вокруг);

б) **психологическую устойчивость общества**, оценивающую психологическую способность населения сохранять целенаправленность своего поведения в моменты серьезных воздействий политического характера (стремительных изменений законодательства, уклада жизни, всей системы отношений в обществе, замены одних гражданских ценностей на другие). Психика играет роль более или менее тяжелого кля, сохраняющего нормальное эмоциональное, правовое и эмоциональное поведение населения;

в) **психологическую энергичность населения**, измеряющую его способность поддерживать достаточно длительное время целеустремленность своего поведения (без снижения нормальной трудовой, личной, семейной жизни) в условиях разрушения системы жизнеобеспечения общества. И физическое, и психическое, и нравственное здоровье населения имеет свои конечные пределы. Политика вынуждена соизмерять свои планы с длительностью их осуществления, чтобы не исчерпать полностью запасы нервно-психической и физической энергии населения;

г) **психологическую управляемость людьми**, которая характеризует способность населения так быстро усваивать новое целеполагание в своем поведении, чтобы успевать адаптироваться к инновационным изменениям политических целей и механизмов власти. Инерционность целеполагания зависит от национальных традиций, социального состава населения, уровня культурного и образовательного развития, распределения людей по полу, возрасту, профессиям. Расчет пси-

хологической управляемости населения не менее важен, чем точное знание радиуса циркуляции поворота океанского лайнера, который может вписаться в поворот, а может потерпеть аварию.

Политическая психология должна преодолеть и упрощение того, что является политической деятельностью, и унижение политики до уровня «грязного дела», которая сводится к околополитическому интриганству. В действительности, политическая деятельность относится к видам профессиональной трудовой деятельности высшего уровня сложности, направленной на обеспечение жизнеобеспечения общества. Незнание этого или неспособность выполнять деятельность такого уровня приводит к попаданию в политику случайных людей или деградации лиц, неспособных ее выполнить. Введение строгих научных критериев оценки труда политиков – единственный способ вернуть политике и политикам их законное место в общественном сознании.

Политика, естественно, не может быть реализована без поддержки объединений людей, которые вне служебных обязанностей, по своей инициативе занимаются ее, так сказать, *распространением*. Именно в этой среде вырастают, готовятся, воспитываются политические лидеры. Для этого требуется точное обладание способностью к обучению, общению и сотрудничеству. Такого рода **психолого-политические массовидные явления** условно можно разделить на четыре типа:

- **партия** – создается для распространения политики кругом лиц, борющихся за свои материальные интересы, моральные ценности и личную безопасность. **Ведущей характеристикой партии является психология политического воспитания.** Партия отстаивает и *навязывает* обществу свою волю методами организованной борьбы. Выполняет свои функции, опираясь на

практические состояния: спокойствие и тревожность членов партии. Несогласных с деятельностью партии подвергают остракизму (изгнание, изоляция), который в современной политической жизни именуют: исключение, выведение из состава, уход в отставку, увольнение, сокращение, уход на пенсию, отъезд, арест, осуждение, ссылка, расстрел, исчезновение без вести. Все это методы лишения подвергнутого остракизму влиять на политическую жизнь общества. Изгнание физическое, или информационное, или материальное, или административное распространяется как на отдельных лиц, так и на целые народы – достаточно примеров в истории нашей родины;

- **аудитория** – возникает для распространения политики из числа специалистов методом обсуждения и понимания ее механизмов и методов ее реконструкции. **Определяющей характеристикой аудитории является психология политического обучения.** Формирует новые психолого-политические знания, умения и навыки. Действует, используя психологию доказательства. Выполняет свои функции с опорой на гуманитарные состояния общества: конформность⁸⁹ и фанатичность общества. Аудитория – уникальное место, единственное в своем роде, предназначенное для достижения понимания, как суд предназначен для достижения истины в споре. Аудитория, заметим, не всегда выполняла свое предназначение и, более того, часто трансформировала непонимание в судилище – достаточно вспомнить судебные процессы в Советском Союзе в 30-е годы XX века;

- **малая группа** – создается для распространения политики непосредственным образом на основе неформальных отношений случайно объединенных лиц. **Основой малой группы является психология психического заражения.** Малая группа предназначена

для организации моральной, физической, экономической, правовой самозащиты своих членов. Выполняет свои функции на основе эмоциональных состояний дружелюбия и враждебности членов малой группы. В случае напряжения в отношениях членов малой группы развивается конфликт – столкновение противоположных сил и интересов, распря, разногласие, спор, грозящий осложнениями. Выступает в форме:

1) **межличностного конфликта**, который определяется как ситуация, где действующие лица либо преследуют несовместимые цели и реализуют противоречивые ценности, либо одновременно в конкурентной борьбе стремятся к достижению цели, которая может быть достигнута лишь одной из сторон;

2) **в форме межгруппового конфликта**, когда конфликтующими сторонами выступают социальные группировки, преследующие несовместимые цели и препятствующие друг другу на пути их осуществления.

- **публика** – создается для распространения политики в местах сбора людей, наблюдающих за специально организованным зрелищем (концерт, спектакль, художественная выставка, религиозная служба и т.д.). **Основной характеристикой публики является психология политического заражения.** Публика выполняет функцию распространения стереотипов восприятия и стандартов политического поведения среди членов общества. Выполняет свои функции с опорой на мотивационные состояния: симпатии и антипатии к искусственно спроектированным политическим образам и моделям поведения в произведениях театрального, изобразительного, литературного искусства. В случае политических затруднений публика организует заговоры – тайное соглашение о совместных действиях против власти. Это уговор, сговор нескольких лиц, выступающих индивидуально или в качестве лидеров

политических сил о совместных действиях против кого-либо или для достижения определенных политических целей. Заговор – особая разновидность политической интриги, отличающейся максимальной конспиративностью и негативной, деструктивной направленностью. Заговоры направлены на интеллектуальное и моральное подавление соперника, политическое отстранение оппонента. Заговоры возникают среди людей, не имеющих прямого отношения к власти. Общественной средой для заговора выступает публика, имеющая право и возможность собираться в пивных и пр. Лица, собирающиеся там для созерцания зрелища, отправления гражданских актов, ознакомления с произведениями искусства, именуется публикой. Подражают новой манере поведения, способу понимания общественных явлений, стилю в одежде форме выражения своих чувств, оценке действующих политиков, манере общения с представителями существующей власти.

В принципе, хотя и сказано ясно, можно добавить и следующие типы:

- **электорат** – круг избирателей, голосующих за определенную партию на парламентских, президентских или муниципальных выборах. В более широком значении употребляется как синоним избирательного корпуса страны;

- **маргинальные личности** – колеблющиеся, не примыкающие к постоянному электорату;

- **«великое молчаливое большинство» (great silent majority)** – часто понимаемое как публика, однако добавим – бесправная, ничего не могущая сделать, следовательно, пассивно поощряющая официальную политику власти.

Психолого-политическая классификация массовидных явлений, которые, в основном, фундаментально

изучены в различных науках, позволяет, указать полный список психолого-политических объединений людей, знать психологические особенности людей, которые обнаруживаются в этих массовидных явлениях, и прогнозировать и предвидеть содержание как позитивных, так и негативных событий в каждом массовидном явлении.

Итак:

- **политика – особая область деятельности, в которой работают специальным образом подготовленные психологи.** Политика – наука, исследующая, проектирующая, формирующая и эксплуатирующая психологические конструкции власти. Поэтому политическая деятельность – скажем так, экстремальный вид профессиональной трудовой деятельности, цена ошибки в которой – страдания и гибель политиков, целых народов, и самих психологов;

- **право на деятельность в области политики дают уникальные способности к политическому целеобразованию, которое и является основанием для реальной политической власти.** Политика несет ответственность за смысл жизни масс людей, ценности общества, цели его развития, что и дает ей право на власть. Политическая психология работает с массовидными явлениями типа толпы, публики, собраний, митингов аудиторий, парламентов и т.д. Политические психологи создают психолого-политические основы политических партий;

- **инструментом психологии политики является информация, как универсальное средство воздействия на поведение людей через систему психических состояний человека.** В исследовательской деятельности политические психологии используют психологическое тестирование и интервьюирование политических лидеров, что делает их работу чрезвычай-

чайню конфиденциальной. Они широко применяют телефонные опросы и уличное анкетирование, анализируют продукты деятельности политических лидеров в форме их выступлений по телевидению, в прессе, в электронных СМИ, что накладывает на них особую ответственность за предание результатов их исследований широкой гласности;

- **политическая психология не имеет никакого отношения к так называемым избирательным технологиям, имиджмейкерству, PR, GR и прочим (часто) спекуляциям, маскирующим и исправляющим неспособность псевдополитиков или псевдопартий сформулировать научно обоснованное целеобразование для жизнеобеспечения страны.** По существу, избирательные технологии не имеют ничего общего с политикой и являются продолжением криминального бизнеса. Этим объясняется появление около политики методов, не связанных с наукой: шантаж, провокации, угрозы, подкуп, обман, покушения и пр. Именно это, порой, приводит не к правильным, а к выгодным решениям, не к обоснованным, а к вынужденным назначениям, не к воссозданию великой страны, а к ее сползанию в трясину политического сутенерства, где действуют не законы науки, а нравы криминальной зоны;

В качестве вывода отметим, что политическая психология изучает:

1. **Субъект политики** (лидеров политических движений, государственных политических деятелей и других лиц, изучающих, проектирующих, создающих и применяющих политическую власть).

2. **Объект политики** (людей и массы людей, реагирующих на применение власти в качестве избирателей, граждан, участников забастовок, демонстраций, мятежей и т.п.).

3. Политическую деятельность (идеологические дискуссии о формах и проявлениях власти, процесс законодательного изменения структуры и функций власти, управление экономикой за счет властного ее регулирования, применение силы в управлении политическим поведением масс людей или ее лидеров).

Во избежание дискредитации политической психологии как науки и политических психологов как ученых, необходимо разумное и дозированное самоограничение в исследованиях, публикациях, рекомендациях, требующего от политического психолога изучать научные закономерности сопряжения людей и власти в качестве ученого, а не действовать в качестве члена той или партии, участвующего в политической борьбе за власть, требующего, придерживаться принципа не навреди, делая только то, что заведомо поможет людям, обратившимся к ним за советом, помощью, поддержкой; не позволяющего ставить под сомнение право политических психологов исследовать политические феномены, свидетелями и участниками которыми они стали. **Законы политической психологии людей вечны, а вот их применение в борьбе за власть отдельными лиц и группами суетно и преходяще...**

Добавим о наличии замечательного документа, конечно, не столь официального, как хотелось бы – «Этического кодекса политического психолога», являющегося своеобразным пособием по технике безопасности как для лиц, являющимися объектом его исследования, так и для самого политического психолога, работающего ради научной истины, а не против конкретного человека. Этический кодекс разъясняет цели, задачи, методы, результаты работы политического психолога. Ознакомление представителей государственных организаций, частных фирм, политических партий и

политических лидеров с ним, вероятно, облегчит совместную работу, формулировку проблем, задач и результатов деятельности политического психолога.

1. Цели, методы и результаты деятельности политического психолога.

1.1. Целью деятельности политического психолога является объективное и беспристрастное изучение закономерностей связи психологических феноменов и политических явлений. Под политическими явлениями понимаются все действия политиков по изучению власти, ее проектированию, формированию и применению к объектам политики. (Вне науки эти действия политиков приобретают признаки борьбы за власть, ее удержанию и использованию). Под психологическими феноменами понимаются реакции на применение власти в изменениях психического состояния и поведения людей (вне науки эти действия квалифицируются как результаты выборов, гражданского согласия или неповиновения вплоть до патриотических акций или терроризма).

Смыслом деятельности политического психолога является согласование политики с закономерностями поведения «человека разумного», и предотвращение политических ошибок власти, которые могли бы нанести ущерб людям и человеческому в жизни общества.

2. Задачи политического психолога:

2.1. Понимание закономерностей изменения психических состояний человека в процессе его взаимодействия с властью как у ее субъекта, так и у объекта власти.

2.2. Анализ соотношения политических явлений и психических процессов человека и общества.

2.3. Изучение взаимного влияния психических свойств и особенностей человека и политических явлений.

3. Методы деятельности политического психолога:

3.1. Психолого-социологическое индивидуальное и массовое интервьюирование людей, осуществлявших политическую деятельность или являющихся ее субъектами и объектами.

3.2. Исследование влияния психологических особенностей людей а) проектирующихся структурам действия, б) их осуществляющих и в) повинующихся структурам власти – на эффективность и адекватность политики.

3.3. Психологическое изучение продуктов политической деятельности человека, регистрируемых в форме его выступлений в СМИ, экономических, военных, административных действий.

3.4. Включенное наблюдение, осуществляемое в процессе сотрудничества с людьми участвующими в политической деятельности.

3.5. Психологическое моделирование типичных ситуаций политической деятельности в процессе подготовки у участников, политических событий к их планированию и осуществлению.

3.6. Психологическое экспериментирование в области исследования, проектирования, осуществления перспективной политики и ее психолого-политических последствий.

4. Результаты деятельности политического психолога

4.1. Разработка психологического основ для понимания, проектирования политики ее целей, средств и результатов.

4.2. Разработка психологических методик подготовки профессиональных политиков – конструкторов и управляющих научных систем власти.

4.3. Разработка психологических рекомендаций для политиков и политических партий в целях гуманизации методов достижения политических целей.

4.4. Разработка научных психологических основ политики, ее формирования, распространения и исполнения.

5. Этические принципы политической психологии и правила их достижения

(В соответствии с Уставом международной Ассоциации Политической Психологии (ISPP), принятом 31.8.1985., члены ISPP могут заниматься политической деятельностью (принимать участие в предвыборных собраниях лидеров политиче-

ских партий), но они обязаны при этом дать понять, что любые позиции или предпринимаемые ими действия не являются позицией или действиями, принимаемыми ISPP).

Главный принцип политического психолога состоит в том, что он сознательно и добровольно контролирует все моменты своей научно-практической деятельности. Он делает это во избежание создания опасности для политики, объекта и субъекта политики и самого себя.

5.1. Принцип не нанесения ущерба объекту политики

Исследование политического психолога должны быть направлены только на создание и осуществление адекватной политики, не имеющей целью морального, экономического, физического подавления оппонентов субъектов политики.

5.1.1. Правило взаимоуважения политического психолога и объекта политики. Высказывания политического психолога не должны содержать оскорбительных намерений, рекомендаций, оценок, комментариев.

5.1.2. Правило безопасности действий политического психолога для объекта политики. Исследования политического психолога и его рекомендации не должны составлять основу опасности не для кого из участников политического процесса.

5.1.3. Правило предупреждения не адекватных действий субъекта политики относительно объекта политики. Субъект политики не должен требовать, а политический психолог не должен позволять использовать результаты своей работы для нанесения ущерба объекту политики.

5.2. Принцип компетентности политического психолога.

Политическим психологом является специалист, имеющий соответствующее его деятельности образование и квалификацию, а также опыт работы, подтвержденный государственными документами.

5.2.1. Правило обоснованности результатов деятельности политического психолога. Политический психолог должен обла-

дать знаниями, умениями и навыками формулирования научных итогов своей деятельности.

5.2.2. *Правило сотрудничества политического психолога и субъекта политики (депутата, лидера партии, государственного и общественного деятеля и т.д.). Политический психолог и субъект политики должны информировать друг друга по всем моментам своего сотрудничества без скрывания действительных мотивов своей деятельности.*

5.2.3. *Правило профессионального поведения политического психолога относительно объекта политики (избирателя, демонстранта, бастующего и т.д.). Политический психолог должен обладать способностями и навыками общения взаимодействия с объектом политики.*

5.3. Принцип беспристрастности политического психолога

Практикующий политический психолог не должен быть руководителем, соруководителем, активистом какой-либо политической организации, борющейся за власть.

5.3.1. *Правило научности результатов деятельности политического психолога. Политический психолог в своих исследованиях или практических действиях может опираться только на научные знания, умения и навыки, за получение которых он получил соответствующий диплом.*

5.3.2. *Правило адекватности методов деятельности политическом психолога относительно объекта политики. Политический психолог не должен использовать незаконные или аморальные методы получения информации или воздействия на субъектов и объектов политики.*

5.3.3. *Правило взвешенности сведений, передаваемых политическим психологом гласности. Высказывания, рекомендации, действия политического психолога не должны содержать причин или оснований, создающих любую форму опасности для людей, вовлеченных в политику.*

5.4. Принцип конфиденциальности деятельности политического психолога

Политический психолог ни в какой форме не должен разглашать полученных им конфиденциальных сведений о субъектах и объектах политики, если эти сведения могут быть приравнены к врачебной или государственной тайне.

5.4.1. Правило кодирования сведений психолого-политического характера. Все исследовательские материалы политического психолога должны содержать указания на исследуемого носителя психологических качеств в закодированной форме: любая произвольная комбинация чисел или букв число вместо имени и фамилии.

5.4.2. Правило контролируемого хранения сведений психолого-политического характера. Политический психолог хранит сведения психолого-политического характера о субъекте или объекте политики в месте и условиях, исключающих их неконтролируемое использование.

5.4.3. Правила корректного использования сведений психолого-политического характера. Все сведения психологического характера, полученные политическим психологом, используются только лишь в тех целях, ради которых проводилось исследование.

При соблюдении настоящих принципов и правил деятельности политического психолога гарантируется профессиональная и личная безопасность субъектов и объектов политики, самого политического психолога, адекватной политики не наносится ущерба.

И еще: роль духовных факторов, о которых не стоит забывать, в политике не ограничивается воздействием на людей идеологических доктрин и программ. Политическая психология как форма политического сознания имеет часто и более существенное значение для политики.

Политическая психология представляет собой совокупность духовных образований, содержащих в основном чувственно-эмоциональные представления людей о политических явлениях, складывающихся в процессе их непосредственного взаимодействия с институтами власти и осуществления своего политического поведения при различных режимах правления. К политико-психологическим явлениям относятся как универсальные чувства и эмоции человека (гнев, любовь, ненависть и т.д.), так и те ощущения, которые встречаются только в политической жизни (чувства симпатии или антипатии к определенным идеологиям и лидерам, чувства подвластности государству и пр.).

В силу неустранимости у человека эмоционально-чувственного восприятия действительности политическая психология опосредует все формы и разновидности его политических взаимодействий и, таким образом, присутствует на всех этапах политического процесса.

Постоянное присутствие политической психологии как науки в политической сфере превращает психологию в своеобразный универсальный измеритель всей политики в целом. Иными словами, власть, государство, партии, разнообразные политические поступки субъектов, а также другие явления политики могут быть представлены как формы психологического взаимодействия людей. Такая универсальность политической психологии, кстати, породила целое направление в политологии, абсолютизирующее роль психологических факторов в политике. Его представители сводят причины возникновения революций и тираний, демократизации или реформирования к психологическим основам политического поведения лю-

дей. Даже массовые политические процессы объясняются психологическими качествами индивида или малой группы. К таким исследователям относятся Э. Фромм, Г. Олпорт и др. В их понимании «человек политический» определяется как продукт личностных психологических мотивов, перенесенных в публичную сферу. Сама же политика толкуется как явление психологическое, в первую очередь, а потом уже идеологическое, экономическое, военное и т.д.

Взгляд на политику, с психологической точки зрения, не только заставляет учитывать зависимость осуществления тех или иных ролей политического субъекта от его чувств и эмоций, но и психологические свойства рассматриваются как фактор, который влияет на его поведение и предопределяет возникновение самих этих ролей и функций. От того, является ли человек более склонным к экзальтации или рационализму, относится ли он к ригидному или лабильному типу, обладает ли он другими психологическими свойствами, в значительной мере зависят и содержание политических требований людей к власти, и характер их реального взаимодействия с государством. Нельзя не отметить и громадное значение для политики психологических свойств политических лидеров, которые могут существенно повлиять на характер принимаемых в государстве решений и даже изменить некоторые параметры политической системы в целом. Необходимость учета психологических свойств субъектов политики диктуется и тем, что эмоционально-чувственные ощущения нередко решающим образом влияют на восприятие человеком политических явлений. Например, недоверие к той или иной партии или режиму в целом может сформироваться у человека

не на основе анализа их программ и действий, а за счет негативного отношения, скажем, к неэтичному поступку их лидера или просто на основе неизвестно откуда взявшейся симпатии или антипатии.

Политическая психология – внутренне противоречивое явление. Одной из причин такой противоречивости выступает многообразие механизмов идентификации. Ведь человек отождествляет себя с самыми разными группами и ролями. Поэтому в психологии всегда присутствуют различные чувства: долга и желания освободиться от обязательств, потребность в самоуважении и жажда подчинения более сильному, общительность и чувство одиночества, осуждение власти и желание быть к ней поближе и т.д. **Существование разнонаправленных чувств и эмоций обуславливает неравномерный и скачкообразный характер развития реальных политических процессов. Благодаря этому свойству политической психологии в политику привносится элемент стихийности, непредсказуемости событий.**

Еще одной причиной, связанной с внутренней противоречивостью политической психологии, является ее сложное внутреннее строение. Прежде всего, это связано с тем, что психология содержит в себе как социальные, так и физиологические механизмы восприятия чувств и эмоций. Благодаря этому психология соединяет логику социального взаимодействия с логикой инстинктов, осмысленность и рефлексивность, характеризующую бессознательные формы мышления. Роль иррациональных механизмов тем больше, чем меньше человек понимает суть и причины политических событий. Более того, в определенных условиях физиологические чувства способны вытеснить все другие формы оценки и регуляции человеческого поведения.

Психологические типы (личности, лидера) или психологический склад группы являются результатом длительного формирования стандартных реакций этих субъектов на постоянные и типичные вызовы политической среды. Индивиды или группы сообразно особенностям своего темперамента, характера, ролевым назначениям, привычкам и традициям на протяжении длительного времени вырабатывают свои собственные им психологические ответы на политические раздражители в виде устойчивых эмоциональных стандартов и стереотипов мышления и поведения. Эти психологические элементы помогают определить те или иные особенности национального, цивилизационного развития, использования ролей, отдельных исторических периодов и т.д. – исходя из этого можно отличить политико-психологические черты россиянина или канадца, политического лидера или рядового гражданина, политического деятеля XVIII или XXI в. и т.д.

Очень четко целостность психологических черт и механизмов проявляется на уровне различных групп. Например, молодежи как особой социальной группе присущи эмоциональная неустойчивость, максимализм, повышенная возбудимость и подверженность неосознанным психическим реакциям, незавершенность системы функций контроля и самооценки.

Весьма устойчивые черты психологического склада существуют и у наций. Причем характер этих чувственных механизмов и черт зависит непосредственно от того, какую роль в социальном самовыражении человека играет национальная идентификация. Ведь **главный психологический механизм образования облика нации – межнациональное сравнение**, поэтому люди, не испытывавшие серьезных ущемлений в области изучения родного языка, вероисповедания, приобщения к культурным ценностям, а также

участвовавшие в широких инонациональных контактах, редко преувеличивают факт национальной принадлежности и страдают национальными предрассудками по отношению к другим народам. В основе их психологического склада лежит усвоенное с детства нейтрально-естественное отношение к ведущим национально-культурным ценностям, выражающееся в их спокойном социальном темпераменте по отношению к людям другой национальности. Такие черты не являются психологически доминирующими в поведении человека и их довольно трудно политизировать и придать им агрессивную форму. Напротив, возникшая по тем или иным причинам гиперболизация национальной идентичности, привлечение национальных чувств для выполнения защитных, компенсаторных функций ведет к преувеличению несходства различных наций, а впоследствии и к чрезмерному приукрашиванию своей нации и преуменьшению достоинств других. Устойчивость таких чувственных стандартов столь высока, что даже при очевидном несоответствии взглядов и действительности люди продолжают верить в их справедливость. **Психологическое доминирование национальной идентичности нередко приводит к тому, что раздражение, вызванное самыми разными социальными причинами, автоматически переносится на сферу национального восприятия.** Такой механизм психологического переноса заставляет даже собственные ошибки перекладывать на плечи других (врагов народа, врагов нации), а чаще всего заставляет человека жить по законам двойного стандарта: все, что задевает его национальные чувства, наделять негативным смыслом, а на собственные действия, способные обидеть другого, не обращать никакого внимания.

2.2. Единые аспекты морали, политики и психологии

Моральные аспекты политики приобретают в наше время редкостно заметную актуальность, активно обсуждаются и в СМИ, и в научной литературе. Нередко ставится вопрос: совместимы ли вообще понятия политики и нравственности, не являются ли эти категории взаимоисключающими? Проблема соотношения политики и морали особенно обостряется во время избирательных кампаний, борьбы за власть, посты, должности, противоборства с политическими противниками. А в борьбе за политическую власть, дескать, все средства хороши... Именно тогда политические действия развертываются в конкретном «поле напряжения» между политикой и моралью. И все это – теневая сторона политики, изнанка, подрывающая ее нравственный авторитет. Соотношение политики и морали, естественно, напрямую зависит от политического режима. В странах с антидемократическими, реакционными режимами, где процветают насилие, террор, злоупотребление властью, бюрократизм и коррупция, происходит разрыв морали и политики. Напротив, в условиях демократического режима политика реализуется в рамках законности, пронизывается принципами гуманизма и нравственности. Еще Макиавелли утверждал, что право и мораль разные и не соприкасающиеся сферы человеческой деятельности. Его взгляды и рекомендации, кстати, находят сторонников и сегодня. По этому поводу русский философ В. С. Соловьев в конце XIX в. писал: «Полное разделение между нравственностью и политикой составляет одно из господствующих заблуждений и зол нашего века. С точки зрения христианской и в пределах христианского мира эти две области – нравственная и политическая – хотя и не

могут совпадать друг с другом, однако должны быть теснейшим образом между собой связаны»^{90!}

Современная политическая и психологическая ситуация в России сложна, противоречива и трудно предсказуема. Основная причина тому – глубокий социально-экономический и духовный кризис во всем мире и в стране, обостряющийся накануне выборов президента (2012 г.). В этих условиях обострились противоречия между политикой и моралью, чему во многом «помогают» крупные ошибки политического руководства, которые усиливают безнравственность российской политики, углубляют духовный кризис в обществе. Опасность такого пути очевидна. Назрела жизненная необходимость повернуть российскую политику в русло подлинного гуманизма и нравственности. Без этого не может начаться духовное возрождение общества.

И мораль, и политика представляют собой организационные, регулятивные, контрольные сферы общества, но их существование и функционирование существенно различаются.

В отличие от известных организационно-контрольных сфер, мораль и психология не имеют вещественных форм, не материализуются в аппаратах управления, институтах власти, лишены центров управления и средств связи и объективируется лишь в языке, речи, эмоциях, волевых проявлениях и т.д., и, прежде всего – в отражении, в признаках и свойствах практически всех общественных явлений. Вместе с тем, они присутствуют, охватывают управляющие обществом сущности, все феномены политики. Эта специфика морали и психологии существенно отличает их от этики (политической). Если мораль и психология могут так или иначе характеризовать политическое действие, но стоять при этом вне его и лишь отражать те или иные отношения, то этика присутствует в политике,

она неотделима от нее как одно из направляющих начал. Поэтому и политическая философия, и политическая психология, и нормативные теории, касающиеся политической сферы, так или иначе связаны с поисками ответа на вопросы, поставленные еще политической этикой и учениями о морали. Уже древнегреческое искусство исследует основную проблему политической этики. Это императивные требования полиса к гражданам, с одной стороны, и, с другой стороны, семейно-правовые и общечеловеческие обязательства отдельного человека, связанные с заповедями нравственности, психология личности, втянутой волей богов в противоборство сторон. Возникает противостояние нравственной автономии человека и притязаний на универсальность любого рода политических образований.

История политических и этических учений позволяет выделить три основных варианта взаимодействия морали и политики:

- 1) полное подчинение моралью политики;
- 2) полный разрыв между политикой и моралью;
- 3) попытка сохранить аутентичность политики и морали с поддержанием их напряженного взаимодействия.

Психология своеобразно перекрывает все эти три аспекта, врываясь в «зазоры» между ними.

Каждый из названных вариантов взаимодействия предполагает свою аргументацию. Во-первых, это двойное подозрение в аморализме и иррационализме. Задача заключается в выяснении всех аспектов отношений политики и морали, дабы их интеграция исключила взаимные несоответствия. Во-вторых, возможно *гиперморализирование* политики, согласно которому последней приписывается большее право в решении сомнений и раздумий, вытекающих из

моральных принципов индивидуального сознания. В-третьих, феномен политизации морали нередко ведет к попыткам оправдания политических преступлений.

Одним из центральных критериев моральности традиционно признается справедливость суждений и действий. В христианской философии средневековья справедливость рассматривают как основу и критерий моральности политики. Классические тексты различают политические объединения и их действия, пользуясь критерием наличия или отсутствия в них справедливости. С этим связана легитимация⁹¹ компетенций в сфере предписаний либо выяснение отсутствия таковой с вытекающими отсюда последствиями. Следует принимать во внимание историческое содержание и полисемантическую категорию *справедливость* и связанной с ней категории *равенство*. Аристотель различал *распределительную и уравнительную справедливости*. Первая основана на геометрическом, или пропорциональном, равенстве, а вторая – на арифметическом, или нумерическом. Оба вида способны войти в конфликт друг с другом. Конфликты в политическом поле возрастают оттого, что оба вида справедливости могут быть определены как содержательно, так и формально⁹². Содержательные представления о справедливости подвержены историческому изменению. Вопрос о масштабе формируется следующим образом: если справедливость должна быть масштабом политического действия и политических состояний, то каким должен быть масштаб справедливости? Раннеевропейское мышление, исследуя состояние напряжения между моралью и политикой, в то время как Аристотель проводит различие между хорошим человеком и хорошим гражданином, непрестанно подчеркивает несовпадение мира нравственного и мира политического. Средневековая мысль говорит о соподчинении морали и политики

(Августин, Лютер и др.). Политической сфере приписывается относительная автономия, связываемая с теологически интерпретируемым царством добродетелей. В Новом времени в отношениях между моралью и политикой наступает определенный разрыв. Его связывают с понятием государственной выгоды и с именем Макиавелли, хотя последний и не применяет это понятие. Государственная выгода охватывает всеобщее. И, напротив, все частное сводится только к партикулярному интересу. Всеобщее истолковывается различным образом: **технически** – в той степени, в какой государственная выгода в корреляции с учением об интересах предлагает рациональные нормы, в соответствии с которыми можно вычислить волю и исполнение институциональной власти; **экзистенциально** – постольку, поскольку существование государства мыслится как предварительное условие всего того, что в состоянии использовать или пожелать его подданные, что может быть упрочено или усилено; **нравственно** – поскольку государство может служить универсальным воплощением того, что для отдельного гражданина является частным интересом. Тем не менее, мы понимаем, что отдельный человек, душа его и порывы ее не волнуют уже ни государство, ни политику – психологии отдельного человека не существует вовсе либо она полностью включается/поглощается властью и власть предерживающими.

Немецкий идеализм, исходя из допущения о государственной выгоде, определяет государство в образе нравственности. Выдающийся немецкий философ Гегель (1770–1831) пишет: «В недавние времена активно обсуждалась противоположность морали и политики и формулировалось требование, согласно которому второе должно соответствовать первому... Мнение о мнимой несправедливости, согласно которой политике

следует всегда пребывать в состоянии мнимой противоположности морали, поконится... на поверхностном представлении о моральности, о природе государства и его отношении к моральным воззрениям»⁹³.

Казуистическое выражение, согласно которому цель оправдывает средство, имеет своим истоком аналитическое отношение целей и средств. Кто желает цели, желает использовать и необходимое средство, имеющееся в его распоряжении. В Новое время, по мере отдаления политики от морали, формируется **деятельная максима**⁹⁴, согласно которой фиксированные цели достигаются любыми эффективными средствами. При этом допускается, что используемые средства теряют значение в процессе оправдания цели. Последние, соответственно, получают приоритет по отношению к средствам.

В понятии *целерациональности*, введенном М. Вебером⁹⁵, эта проблема обнаруживается достаточно очевидно. Имеет место рациональное соотношение целей и средств, целей и побочных последствий и, наконец, целей. Мотивация? Но соотносительность целей и средств теряет критерий по мере инфляции самой идеи разума. Любые средства отнюдь не ведут к одной и той же цели, способной к тому же не только меняться в зависимости от набора средств, но и взаимопревращаться. И цели не реализуются иначе, нежели через соответствующие средства, которые завоевывают благодаря этому опасную самостоятельность, превращаясь в цели. Моральный нейтралитет средств оказывается сомнительным допущением. Последний момент нигде не проявляется столь отчетливо, как в отношении к проблеме насилия, Безоговорочный отказ от насилия, вытекающий из христианских или любых гуманистических убеждений, предполагает возможность претерпеть и худшие виды зла. Отказ в таком случае носит инди-

видуальный характер. Легитимация применения насилия заключается в понимании его как ответного насилия, как средства, используемого в процессе угрозы и имеющего тенденцию превращения в единственно возможное. Право личности на насилие, согласно современным взглядам, допускается лишь в случае необходимой самообороны.

Война и ее оправдание представляют особую сложность для оценки моральности политики. Ее преодоление, еще со времен размышлений Августина, привело к созданию учения о справедливой войне, примечательного тремя моментами: а) авторизованная компетенция ведения войны (исключение частной войны); б) легитимирующая причина; в) правовой умысел, опирающийся на содержание и восстановление мира и права.

В последние десятилетия складывается интеллектуальная и инструментальная традиция рассматривать права человека в качестве универсального фундамента взаимоотношения политики, психологии и морали. Права человека образуют ту границу, о которую разбивались бы возможные посягательства самых различных политических сил. На международно-правовом уровне основные положения изложены во Всеобщей Декларации прав человека, принятой ООН в 1948 году и кодифицированной в ряде позднее заключенных конвенций. Моральную значимость указанных документов трудно переоценить. Дialeктически взаимосвязанными теперь являются распространение и признание универсальной ценности прав человека и готовность следовать им в практической политике. Постановка требования о правах человека восходит к традициям европейского Просвещения и поначалу охватывало европейское социокультурное пространство. Здесь необходимо различать права человека как право защиты от

притязаний государства (человеческие права) и как право участия в политическом процессе (гражданские права). В рамках политического объединения они становятся действенными и реальными только в том случае, если закреплены институционно и, соответственно, в случае их нарушения санкции осуществляются незамедлительно и институциональными средствами. Дилемма прав человека заключается в том, что их гарант – государство выступает одновременно кандидатом в обвиняемые в их нарушении. В условиях слома тоталитарных структур и формирования гражданского общества одним из основных моментов выступает идея единственного права – права вообще иметь права. Все другие права лишь объективируют это право человека.

А чувства, эмоции и прочее, прочее? Ответственность, долг, правдивость, вера, доверие, престиж (власти), благо человека и общества и вообще все, составляющее культурную и общественную, а также эмоциональную основу политической нравственности? Это все усиливается: сложившейся в обществе системой культурных норм, правил, традиций, настроений, комплексом эмоциональной жизни общества; актуальными потребностями общества, которые обычно связаны с процессами обновления, введения инноваций (пусть даже нежелательных), нуждающихся в моральных обновлениях и оценках. Наконец, устранение из политики моральных суждений – это определенная, хотя и негативная, нравственная установка, иллюзорная по самой своей сути и ошибочная по существу ориентация на полную автономность политики. Попытки обосновать полную автономность политики от других организационных и регулятивных систем общества оказываются неубедительными. Подобно тому, как политика связана с идеологией, правом, экономикой, культурой, наукой, она не может избежать контактов и

с психологией, и с моралью. Подчас, это самые слабые места политики и власти, отсюда и попытки уклониться от морали и моральных оценок.

Нам ясно, что политическая психология составляет единое исследовательское поле с такими основными научными областями человеческого знания как общая, социальная, историческая, этническая, экономическая психология, с одной стороны, и политология, социология, политическая экономия, политическая социология – с другой. Чтобы выделить ее специфический предмет в континууме социальных реалий, необходимо разобраться с пониманием феноменов «политика», «политическая активность», «политические отношения» и другими. Особую актуальность приобретает уточнение психологических признаков взаимоотношений внутри самой политики и между политикой, психологией и моралью.

Наши обыденные представления о политике чаще всего ограничиваются обозначением ее как сферы, достаточно далекой от повседневной жизни (что-то, чем занимаются там, «наверху»), и эпитетом «грязная», который чаще других соседствует со словом политика. Но если отойти от поверхностных стереотипов, то следует признать, что, хотя политика действительно включает в себя борьбу за власть, она не сводится только к грубому выяснению отношений между политиками, в котором любые средства хороши. Это все же, в основном, цивилизованная форма отношений в области власти.

Одни исследователи акцентируют в политике ее управленческие функции, говоря, что политика – это искусство управлять обществом, другие подчеркивают ее связь с властными отношениями, причем, имеют в виду, прежде всего, силовые методы осуществления власти. Третьи указывают на связь политики с правом. Есть и немало других точек зрения. В целом, **полити-**

ческая психология рассматривает политику как многомерный континуум, в котором можно выделить систему, процесс, совокупность детерминант, моделируемых политических связей и отношений (политические игры), систему ценностей, область субъектной самореализации человека и, наконец, интегративный социально-психологический феномен.

Политика как система моральных и правовых отношений – это, прежде всего, политика как система государственных институтов. Действительно, говоря о политике, следует иметь в виду государство как систему политических институтов, куда входят президент и парламент, армия и система безопасности, министерство внутренних и министерство иностранных дел, финансы и социальное обеспечение и др. Собственно, политологи изучают, как устроено то или иное государство, как оно регулирует отношения граждан и власти, отношения властных структур между собой. Зрелая политическая система предполагает, что разные институты выполняют различные функции и между ними существует разделение труда: внешняя и внутренняя политика имеют свою специфику, а для обеспечения эффективного управления нужны профессионалы, знающие свое дело. Многие проблемы в осуществлении власти возникают тогда, когда происходит смешение разных видов, или, как их принято называть, *ветвей власти*. Принцип разделения властей предполагает, что независимо друг от друга и с равной степенью ответственности перед обществом действуют *законодательная, исполнительная и судебная власти*. В современном обществе к ним принято добавлять и *четвертую власть* – средства массовой информации, которые освещают жизнь общества и служат каналом обратной связи между гражданами и

политиками, а главное, обладают собственным и подчас уникальным инструментарием психологического воздействия.

Важной частью политической системы являются **политические организации, партии, общественные объединения и движения**. Граждане объединяются в них, чтобы защищать свои права, отстаивать свои интересы. Политические партии, число которых в нашей стране в начале XXI века, по данным ИТАР-ТАСС, превышало две сотни, с одной стороны, отражают разнообразие политических интересов, с другой – в силу своего различного социального статуса, состава, политического опыта – оказывают различное влияние на ход политического процесса.

Вторым важнейшим измерением политики является динамика функционирования системы политических институтов. Политический процесс – это генезис политических институтов, субъектов политики, политических ценностей, правил и непосредственно политических связей и отношений. В мире происходят войны и революции, реформы и стагнации. **Политические процессы бывают мирными и насильственными, постепенными и скачкообразными, но, в любом случае прямо или опосредованно влияющими на психологическую составляющую участников процесса**. Важно то, что, изучая политику только как набор законов, правил, как ту или иную конфигурацию институтов, необходимо помнить: эта система [очень] подвержена изменениям. Современная политика быстро и драматично изменяется, порождая множество сложностей как для самой системы, не успевающей приспособиться, так и для конкретных людей, теряющих почву под ногами, нуждающихся в специальных механизмах ориентации в неустойчивом политическом мире. В последние десятилетия психологическая наука

стала все чаще обращаться к анализу политического процесса, который не всегда превращается в форму устойчивых политических институтов. Среди проблем, которые интересуют и теоретиков политики, и тех, кто принимает решения, назовем, например, проблему формирования политических взглядов граждан и профессиональных политиков, культурный и национальный контекст политического процесса, становление новых политических движений, вхождение человека в политику и ряд других, включающих прямые взаимодействия морали, нравственности, политики и психологии участников.

Сегодня часто становится все труднее самостоятельно разобраться в смысле происходящих процессов, определить, какие события могут стать значимыми для каждого из нас, а какие окажут влияние лишь на верхушку политической пирамиды. Ряд исследований выявил, например, что некоторые важные политические события (например, перестроечные процессы и распад СССР, перераспределение собственности и сфер политического влияния в России, военные акции на территории СНГ и в мировом сообществе, капитальные изменения в современной геополитике, глобальный мировой кризис и др.) оказали на политический процесс и на сознание целого поколения граждан определяющее воздействие, вполне, скажем так, диагностируемое и поддающееся специальному анализу.

Еще один важный аспект понимания политики – **систему правил политической игры**. Как и любая другая социальная система, политика подчиняется регулирующим ее законам. Эти законы бывают как писаными (нормы права), так и неписаными (традиции, обычаи, правила поведения), совпадающими или нарушающими функционирование законов человеческой психики. В эпохи перемен практически всегда и едва

ли не в первую очередь подвергаются изменению официальные нормы и предписания. Пишутся новые конституции, принимаются своды законов, призванные регулировать официальные отношения между властвующими и подчиненными. Из опыта повседневной жизни мы хорошо представляем себе, как непросто добиться исполнения даже давно существующих законов, осуществить гарантированные ими права, пробиться сквозь частокोल всевозможных бюрократических инструкторий. Конечно, представители исполнительной власти сетуют на то, что законы не исполняются. И слишком частая смена «правил игры» приводит к появлению правового нигилизма, к неуважению к законам, которые меняются так часто, что нет смысла принимать их в расчет. В такие периоды общество начинает управляться не столько писаными, сколько неписаными правилами, устанавливаемыми не официальной политикой, а группами, имеющими реальную силу (в том числе, и грубую силу, и силу денег). Именно они и «заказывают музыку». Нередко эти теневые структуры становятся реально более эффективными в осуществлении политических функций, чем те, кто формально считается властью. На рубеже 2–3-го тысячелетий в России с особой силой заявили о себе формирующиеся олигархия, бизнес, предпринимательство и маргинальные феномены, такие, как криминал, девальвация социальных ценностей, политическая отчужденность масс от реальной власти и др. Фамилии «героев» известны...

Между тем, в эпохи перемен неформальные политические ценности и правила игры диктуют не только те, у кого есть сила или деньги. Нередко именно люди, олицетворяющие неподкупность, справедливость и правду, моральную силу, задают тон в политической игре. Так было в первые годы перестройки, когда на

волне борьбы с несправедливыми привилегиями на политическую авансцену вышли Б. Громов, Б. Ельцин, А. Лебедь, А. Сахаров, А. Тулеев и др. Такие фигуры, олицетворяющие представление людей о справедливости, особенно заметны на фоне общего отношения граждан к официальной политике. При этом в обновляющейся России заметна тенденция неустойчивого отношения граждан к представителям официальной власти. Так, согласно данным, полученным летом 2010 года, подавляющее большинство респондентов (89,1%) недоволено тем, каким образом действует власть в России. Частично это объясняется тем, что власть воспринимается как коррумпированная и малоэффективная сфера, закрытая для всего общества: более 61% опрошенных уверены, что те, кто сегодня стремятся к власти, делают это для укрепления своего статуса и материального благополучия, 47% – для самоутверждения как властной элиты в обществе. Лишь 23,6% российских граждан сохраняют надежду на то, что политики идут во власть, чтобы принести пользу обществу!

Сложные зависимости между официальными и неофициальными политическими нормами складываются не только по поводу отдельных функций политической системы (охраны правопорядка, выдвижения лидеров, управления). В любой сфере политической жизни эти два свода правил действуют постоянно. Вопрос только в том, в каком они находятся соотношении. Если неофициальные правила преобладают, это приводит к деградации государства, утрате моральных ориентиров, изменения психологического настроения всех живущих в данном обществе, государстве, и, в конечном счете, к упадку системы. При другом варианте дисбаланса официальные ценности вытесняют неписанные правила, не оставляя места выражению личных и групповых интересов, контролируя все проявления дея-

тельности граждан. Такой тип политического устройства известен как тоталитарный. Он ведет к обеднению всех структур гражданского общества и враждебности проявлению индивидуальности каждого отдельного человека.

Еще одна сторона политики, как считают отечественные ученые, проявляется как **система ценностей, мнений, установок** граждан. Такое понимание политики выделяет в ней не только психологический компонент, но и уровень осознания доктринального, идеологического характера. У каждого человека есть свое понимание политики, свои оценки того, как работают ее субъекты и что происходит в политических институтах. Эти мнения носят, как правило, достаточно противоречивый характер, складываясь в пеструю мозаику «обыденного сознания». Такие политические ориентиры почти всегда складываются под влиянием многих воздействий: от чтения свежей газеты и просматривания интернет-сайта до разговора с соседом.

Некоторые из этих установок мимолетны, иные, сохраняясь в психологической структуре личности всю жизнь, принимают форму убеждений. И без этих психологических образований в головах людей никакое государство, партия или лидер не могут воздействовать на поведение граждан. Даже для того чтобы выполнить простейшую политическую роль – в качестве избирателя – необходимо определить приоритеты в предлагаемых политических ценностях.

Как показывают исследования, в самых разных политических системах большинство граждан не имеют четко сформулированной, согласованной системы политических взглядов. Их политические установки запутаны, противоречивы, не всегда рациональны и совсем не обязательно соответствуют их объективному

политическому интересу. Однако осознание своих интересов и консолидация ценностей лидерами, политическими партиями и движениями приводит к созданию политических доктрин, идеологических конструкций. **Политическая доктрина** – систематизированный, относительно (!) непротиворечивый набор политических ценностей. Главная цель политической доктрины – помочь каждому, кто разделяет эти ориентации, более полно отождествить себя со своей политической группой.

Еще одно измерение политики – понимание ее как **вида человеческой деятельности**. Данная трактовка политики связана с представлением о том, что политику делают люди, а, следовательно, их поступки и есть главный объект изучения политической науки. При таком подходе необходимость в привлечении психологических инструментов наиболее существенна. Еще в начале XX века немецкий психолог Э. Шпрангер⁹⁶ выделял среди других человеческих типов тип **человека политического**. Действительно, политики-профессионалы обладают рядом психологических характеристик, предопределяющих притягательность для них этой сферы жизни. Стройная система деятельности субъектов политики выстраивается на основе реализации деятельностного подхода, который предложили С. А. Рубинштейн⁹⁷, А. Н. Леонтьев⁹⁸ и другие отечественные психологи. Примечательно, что в современном обществе не только профессионалы, но и все дееспособные граждане включены в политический процесс, являются его неотъемлемой частью. Отсюда актуальность усиления интереса политических психологов к поведению и деятельности лидеров и рядовых граждан, роль которых в политике неизмеримо возросла.

Признание политики в качестве неотъемлемой части человеческой жизни, психологии человека – идея,

уходящая своими корнями глубоко в историю. Еще античные мыслители задавались вопросами о природе политической жизни. Аристотель доказывал, что заниматься политикой человека побуждает его собственная природа. «Государство, — подчеркивал великий мыслитель, — принадлежит тому, что существует по природе, и человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств, живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек»⁹⁹. Заниматься политикой человека подталкивает его природный инстинкт. Поэтому логично, что Аристотель называет человека **политическим животным**, не придавая, кстати, этому словосочетанию обидного смысла. Ведь в самой нашей психологии заложены такие естественные потребности, как потребность властвовать и подчиняться. И последующая история политической мысли обогатила представления о политике как системе разнообразных человеческих потребностей, приобретенных и врожденных. Среди них благородство и жадность, любовь и ненависть, стремление к доминированию и солидарность, потребность в свободе и желание быть частью группы.

Таким образом, **политика в рамках политической психологии предстает как совокупность моральных и психологических отношений между большими социальными группами (макрогруппами): этносами, нациями, сословиями, классами, профессиональными общностями, партиями, государственными образованиями и т.д.** Соответственно, политическими в рамках психологии можно считать действия, в которых практически воплощаются формальные или неформальные межгрупповые отношения. При этом сфера политической активности включает огромное разнообразие и социальных, и конкретно психологических событий — от индивидуального лидерства до государственного регулирования

жизнедеятельности общества, публичных акций, гражданских и международных взаимоотношений, конфликтов, войн и т. п. Все они образуют ту реальность, которая интересует политическую психологию как науку.

Признание важности изучения психологии как движущей силы политического поведения в наши дни получило уже не только общефилософскую, но и конкретно-научную форму. Именно политическая психология во второй половине XX века приступила к исследованию тех факторов, которые мотивируют включение человека в политику и участие в различных ее формах. Психологическая наука, используемая для понимания политических феноменов, диктует и свой подход к исследованию, свой угол зрения на человеческое измерение политики.

Добавим: одна из наиболее перспективных концепций в современной политической психологии исследует процесс принятия политических решений как во внутренней, так и во внешней политике. Моральность этих решений на основе экспериментов, эмпирических исследований и теоретических разработок политическими психологами рассматривается с точки зрения конкретных технологий эффективного политического управления, достижения поставленных политическим руководством целей. Правда, следует заметить, что, какими бы совершенными ни были научные разработки, рациональные расчеты не дают стопроцентного успеха. Как, согласно не совсем проверенным легендам выразился в свое время бывший председатель Правительства России В.С.Черномырдин: «...хотели как лучше, а вышло как всегда». Это высказывание звучит как формула соотношения рациональных и иррациональных факторов, воздействующих на политический процесс. Для политической психологии в равной степени важны

оба ряда феноменов: психологически и нравственно осознанное политическое участие граждан, рациональная постановка ими политических целей и проявления иррациональных импульсов, неосознанная политическая активность. Чтобы более предметно представить себе, чем занимается политическая психология, важно выделить и другие качественные стороны политических явлений, которые привлекают особенно пристальное внимание исследователей. Все они образуют интегральный психологический феномен.

Здесь обращает на себя, прежде всего, **непосредственно психологический феномен в политическом процессе**. Откройте свежую газету или включите программу телевизионных новостей. О чем в первую очередь сообщают нам информационные агентства? Боевые действия в Чечне и на Балканах, волнения в Азии и Африке, чрезвычайные ситуации, демонстрации протеста, выборы, сообщения о принятых правительством решениях, скандалы, затрагивающие ту или иную партию или конкретного политика. Попробуйте самостоятельно проанализировать, что в этих текущих политических событиях определено объективными политическими или экономическими законами, а что результат усилий конкретных людей или партий. Провести границу между этими двумя рядами факторов очень нелегко. Однако сегодня уже ни у кого из серьезных политических психологов, политологов и политиков не вызывает сомнения факт, что психологический компонент происходящих событий необходимо специально выделять, изучать и учитывать при принятии решений.

Другой проблемой, над которой работают современные политические психологи, являются **насилие и агрессия** в политике. Появились целые отрасли знаний, получившие название **биополитика и вайленсология**.

Биополитика – раздел политической психологии, исследующий проявления альтруизма, насилия, агрессии, защитных реакций, доминирования и других фундаментальных свойств природы человека в политике. Вайленсология (от английского слова violence – насилие) – раздел биополитики, который изучает природу человеческой агрессивности вообще и ее политические проявления в частности. Среди ученых нет единодушия в понимании природы насилия и агрессии в человеческом обществе. Одни убеждены в том, что агрессия – это естественная реакция индивида на фрустрацию и изначально необходима человеку – следовательно, избежать ее нельзя, хотя можно найти безопасные для самого человека и его окружающих каналы отвода агрессии (например, спорт). Другие авторы делают акцент на роли воспитания в проявлении насилия и агрессии.

Остановимся еще на одном любопытном психологическом феномене: восприятие партнерами друг друга. Многие национальные лидеры не замечают угрозу своей стране на международной арене в силу того, что их внимание сфокусировано на проблемах внутриполитической борьбы. Другой причиной неверного восприятия своих международных партнеров и последующих ошибок политиков является искажение их образа стереотипами, действие которых усиливается состоянием стресса. Руководители государств должны быстро отреагировать на ситуацию, в силу чего стресс усиливается. Одним из характерных примеров осложнения отношений стран НАТО и других ведущих держав мира является приверженность их принципу «двойного стандарта». Это было правилом и в отношениях с СССР и в отношениях с современной Россией, где сопрягаются национальные интересы. Непосредственно это проявилось в Кубинском кризисе, в чехосло-

вацких событиях 1968 года и в процессе решения проблем СНВ и ПРО, в ходе военных действий в Афганистане, Югославии и Чечне, при оценках двусторонних и многосторонних отношений с участием России, например, по вопросам Ирака, Китая, Северной Кореи, Югославии, Палестины и других экономико-политических эпицентров современного мирового общества. Причиной того, что политические лидеры стран и движений шли на прямую конфронтацию, были неверные представления о возможных действиях друг друга. Риск был усилен феноменом группового мышления. Советники каждого из вождей по отдельности давали более осторожные рекомендации. Собравшись в группу, они пришли к гораздо более рискованному выводу.

Человек всегда пристрастен в своем отношении к миру, и без учета данного факта ни одно социальное событие (складывающееся из совокупности целенаправленных человеческих действий) не может быть ни понято по существу, ни, тем более, предвосхищено или подвергнуто сознательному регулированию. Наивный субъект, не отягощенный опытом психологической рефлексии, склонен считать собственные восприятия и действия естественными, единственно разумными при данных обстоятельствах и замечает наличие «психики» у другого человека только тогда, когда тот реагирует на ситуацию необычно с точки зрения наблюдателя. Особенно часто такое происходит при контакте представителей различных культур, исторических эпох. Здесь существенное влияние оказывают не только внутренние, но и внешние детерминанты экономического, политического и непосредственно психологического характера.

Исследования кризисных ситуаций демонстрирует, насколько значимостью психологического контекста

способна перекрывать значимость экономических и прочих «объективных» обстоятельств. Последние воспринимаются сквозь призму неудовлетворенных ожиданий. Фрустрация порождает аффективные состояния, которые усиливаются механизмом эмоционального резонанса (заражения) и, в свою очередь, упрощают образ мира, примитивизируют мышление и деятельность (аналогичная зависимость наблюдается психологами и в лабораторных экспериментах). Несвоевременный подвоз продуктов в магазины оценивается как «голод», попытки властей восстановить порядок на улицах — как невыносимые репрессии. Упрощенный, аффективно окрашенный образ ситуации ориентирует на поиск самых простых решений и энергичных лидеров, люди «обманываться рады» и охотно идут в сети более или менее добросовестных агитаторов. При этом радикально упрощаются образы не только настоящего и будущего, но и прошлого. В обыденном сознании отчетливо проявляется феномен, названный *ретроспективной аберрацией*: воспоминания, окрашенные в мрачные тона актуальных настроений, рисуют прошлое как бесконечную череду тягот и унижений, т.е. в некотором смысле «с точностью до наоборот». Потом с неизбежным разочарованием приходит ностальгия. Но летописцы и историки, особенно ангажированные, фиксируют преимущественно слухи, анекдоты и лжевспоминания...

Политическая психология как отрасль психологической науки и практики изучает и активно влияет на когнитивные и поведенческие, моральные, нравственные аспекты психологии субъектов политики, все многообразие политических феноменов и процессов, происходящих в обществе, их механизмы и факторы, а также всемерно содействует достижению политических

целей с учетом принятых в обществе моральных и правовых принципов и норм.

2.3. Толпа, масса, массовое сознание и массовая психология в аспектах политических процессов

Анализ феномена, получившего название «массы», «массового общества» находит отражение в самых разных современных философских, социологических, политологических, культурологических, психологических концепциях. Именно в этом разнообразии подходов заключается и большая сложность систематизации всего спектра концепций, изучающих эту проблему. Американский социолог и политический мыслитель Д. Белл в своей работе «Конец идеологии» одним из первых попытался дать систематизированный анализ многочисленных определений массы в американской и западноевропейской социально-политической литературе. Свою систематизацию Белл попытался провести исходя из анализа самого понятия «масса». По сути дела, он выделяет пять основных значений данного термина и считает, что все многочисленные концепции в той или иной форме употребляют одно из пяти значений «массы». Вот они: *«масса как недифференцированное множество»*, *«масса как синоним невежественности»*, *«масса как механизированное множество»*, *«масса как бюрократизированное общество»* и *«масса как толпа»*¹⁰⁰. Естественно, в политической литературе можно встретить и другие систематизации. Например, интересно подойти к проблеме массового общества с точки зрения исследовательской парадигмы. В данном аспекте можно остановиться на трех методологических подходах к изучению проблемы «массового общества». Эти подходы можно обозначить как феноменологический, психоаналитический и экзистенциалистский. Одним из

наиболее ярких представителей **феноменологического подхода** к анализу массового общества можно назвать известного европейского мыслителя и публициста Элиаса Канетти¹⁰¹. В Англии в 1943 году был начат и опубликован в 1960 году основной труд жизни Э. Канетти – книга «Масса и власть». Канетти интересовалась особая природа общества, появившегося в Европе в связи с приходом к власти Гитлера. Однако книга эта вышла за рамки описания конкретной исторической ситуации и поднялась до глубокого исторического обобщения многочисленных фактов появления в европейской истории все новых и новых фигур героев-завоевателей, черпающих свое могущество и силу из спонтанных, на первый взгляд, действий масс, покоряющих массы и использующих их для достижения своей цели. Мыслитель обращается к прошлому в поисках механизмов постоянного появления феномена массы. Метод Канетти можно назвать своеобразной *описательной феноменологией*, которая избегает общепринятых догм, клише, способных внести в текст нечто чуждое самому автору, неосмысленное им. Во многом писатель пользуется своим личным опытом для оценки той или иной ситуации. Описывая феномен массы, он вспоминает свои чувства и ощущения от столкновения с ней. При исследовании феномена массы, Канетти не пытался опереться на строгие философские и социологические теории. Он предпочитал пользоваться такими средствами, которые несут в себе элемент наглядности и самоочевидности. Это понятия-образы, такие как «открытая и закрытая масса», «замершая масса», «масса бегства», масса запрета», «разрядка», «распад массы» и многие другие. Однако именно эти образы и дают четкое и наглядное представление о том, что такое масса.

Материалом для анализа у Канетти выступают четыре вида источников. Это собственные «автобиографические» наблюдения феномена массы, мифы разных народов, исторические записки, письменные свидетельства душевнобольных (?!). В мифах Канетти ищет антропологические универсалии, свидетельства поведения людей в том виде, как они закреплены в культуре. Исторические описания его интересуют только тогда, когда в них отсутствует субъективная интерпретация описываемых событий. Понятно, что благодаря такому подходу анализ массы у Канетти носит абстрактный, отстраненный, внеисторический характер. Эти особенности его подхода, а также акцент на воспоминания о своем жизненном опыте и позволяет назвать этот метод феноменологическим. Элиас Канетти очень подробно описывает различные свойства массы и обобщает их следующим образом:

- 1. Масса всегда стремится расти.**
- 2.Внутри массы господствует равенство.**
- 3.Масса любит плотность.**
- 4.Масса требует направления¹⁰².**

В своих работах Канетти подчеркивает, что **масса – это новый организм, который не является простой суммой входящих в него индивидов. Такая масса всегда возникает вне зависимости от конкретных социально-экономических условий или политических обстоятельств. Во всех ситуациях она имеет одинаковые механизмы образования, существования, распада. При этом масса всегда коррелируется с властью.** Власть, как и масса у Канетти также является исторически универсальным феноменом.

Следует отметить, что работа Канетти «Масса и власть» проникнута глубоким пессимизмом. Человек оказывается

обреченным на постоянное повторение всех ужасов, которыми так богата история человеческой цивилизации. С другой стороны, у Канетти нет апокалиптических мотивов. Он, скорее, диагност, который способен распознать симптомы времени, пусть даже проникнутые агрессией масс и деспотизмом власти. Эти симптомы – не окончательная судьба человечества, а реальная предполагаемая опасность, которая коренится в современных политических структурах. Таким образом, феноменологический метод Э. Канетти приводит его к анализу абстрактной массы и абстрактных моделей власти. Такая масса внеисторична. Она появляется при любых экономических и политических видах правления и обусловлена постоянными инстинктами, абсолютными, константными моделями поведения, которые свойственны людям на протяжении их истории.

Следующим методологическим подходом к исследованию феномена массы можно назвать **психоаналитический подход**. Классиком его является основатель психоанализа Зигмунд Фрейд (1856–1939). Работа З. Фрейда «Массовая психология и анализ человеческого «Я» (1921), по сути, является критическим размышлением над книгой Г. Лебона «Психология толп». Фрейд выступает против предложенного Лебоном термина «внушение» в качестве магической силы, способной цементировать массы. Для уяснения массовой психологии Фрейд вводит понятие «либидо».

Чтобы усвоить, как с помощью психоаналитического метода Фрейд подходит к анализу массы и массовой психологии, целесообразно обратиться к основным положениям психоанализа: Фрейд впервые заменил идею целостной личности на идею о ее нецелостности. По его мнению, психика человека является ареной конфликта между сознательными и бессознательными психическими актами. Сознание, как его представлял Фрейд, вооруженное авторитетом культуры, подавляет инстинкты и чувственные начала. Однако владения бессознательного на-

столько обширны, что сознание только грубым, диктаторским способом, путем самого жесткого подавления сохраняет свои позиции в структуре личности. Сопротивление бессознательного не проходит бесследно. Оно порождает напряжение психики, невроз, который разрушительным образом действует на человека. Фрейд считал человека «вещью в себе», закрытой системой. Природа наделила человека биологическими стремлениями. Развитие личности служит реакцией на удовлетворение или фрустрацию этих стремлений. Фрейд указал также на процесс переключения, преобразования нереализованной сексуальной энергии индивида, его либидо, в иные формы деятельности, например, в творчество. Он назвал этот процесс сублимацией. Именно эти идеи, считал Фрейд, могут помочь понять не только психологию индивида, но и психологию масс.

В работе «Массовая психология и анализ человеческого «Я» Фрейд по аналогии с анализом сексуальных влечений в жизни человека анализирует роль этих влечений для уяснения природы массовой психологии и массовых неврозов. Таким образом, Фрейд предпринимает попытку на основе психоаналитической теории объяснить развитие человеческого общества, связать особенности психической структуры личности с поведением целых социальных групп. В этой работе Фрейд пытается дифференцировать массы. Одно дело толпа. Другое дело – войско или сообщество верующих. Они уже являются искусственными массами. В искусственных массах, в отличие от толпы, необходимо внешнее принуждение, чтобы удержать их от распада. Что же способно удержать массы от распада? По мнению Фрейда, искусственные массы имеют либидозную структуру. Поэтому ей необходимо ощущение, что она в равной степени любима вождем, верховным властителем. В церкви это Христос, в Войске – Полководец. Если у массы убрать эту иллюзию любви, произойдет

распад массы. Для своего анализа Фрейд выбирает католическую церковь. Он пишет, что к каждому члену верующей массы Христос относится как добрый старший брат, являющийся заменой Отца. Перед Христом все равны, все имеют равную часть его любви. Церковь сходна с семьей, недаром верующие называют себя «братьями» и «сестрами», то есть родственниками по любви, которую питает к ним Христос. Связь каждого члена церкви с Христом является одновременно и причиной связи между членами массы. Либидозную структуру имеет и другая разновидность искусственной массы – войско. Полководец – это Отец, одинаково любящий всех солдат. Фрейд анализирует военные неврозы германской армии периода Первой мировой войны, которые, по его мнению, и способствовали разложению армии. Эти неврозы были отражением протеста отдельного солдата против роли, которая отводилась ему в армии, против черствого обращения начальников с рядовыми. Фрейд немного места уделяет в своей книге массе как политической организации. Однако можно предположить, что она также имеет либидозную структуру, а политический лидер играет в ней такую же роль, как в церкви – Христос, а в войске – Полководец¹⁰³. В вышеназванной книге Фрейд говорит и о механизмах идентификации. В целом Фрейд рассматривает идентификацию как попытку ребенка (или просто слабого, неуверенного в себе человека) перенять силу отца, матери (или полководца, политического лидера). Человеку как слабому, мятущемуся существу необходимо соотносить свое поведение с неким персонифицированным образом. Механизм идентификации неразрывно связан с либидозной сущностью массы. Человек не только желает ощущать любовь властителя, но и старается отождествлять себя с ним, мысленно поставить себя на его место, перенять его

стереотипы поведения. В этом механизме кроется секрет популярности большинства политических лидеров. **В отличие от феноменологического метода Канетти, психоаналитический подход Фрейда к исследованию феномена массы делает акцент на индивиду, личность. Пружиной поведения массы является отношение ее членов к вождю, их любовь к нему. Масса складывается из суммы стремления ее членов. Каждый желает максимально приблизить себя к лидеру, идентифицировать себя с ним. Знаменитое фрейдовское «либидо» реализуется в обожании вождя, стоящего во главе массы.** Фрейдовский классический психоанализ часто обвиняли в пансексуализме. Как известно, мало кто из последователей и учеников Фрейда пошел по этому пути. Из известных имен можно назвать австрийского психоаналитика Вильгельма Райха, переехавшего в 1939 году в США и ставшего американским гражданином. В своей скандально известной книге «Психология масс и фашизм», написанной в 1930–1933 годах и впоследствии запрещенной в Германии, Райх пытался проанализировать **взаимосвязь сексуального угнетения и фашизма.** Исследуя политическую структуру различных государств, в том числе и СССР, Райх писал, что сексуальное угнетение способствует процессу превращения людей в механизированную и несамостоятельную массу. Везде, где встречаются случаи авторитарно-моралистского угнетения детской и юношеской сексуальности и соответствующее сексуальное законодательство, можно с уверенностью говорить об авторитарно-диктаторских тенденциях в сознательном развитии, независимо от того, какие лозунги на самом деле используют политики. По мнению Райха, демократия напрямую связана с раскрепощением сексуального поведения, и, наоборот, тоталитарное государство подавляет естественные и

прежде всего, сексуальные влечения человека, вытесняя их в бессознательное. Благодаря этому подавлению формируется «рабская психология», человек превращается в существо, неспособное к сопротивлению и готовое выполнить любой приказ «фюрера». **Психологические структуры характера масс имеют сходные черты при различных тоталитарных режимах. Это, прежде всего, нежелание и неумение брать на себя ответственность, в первую очередь, за свою жизнь, неумение проявлять инициативу, уважать личность и мнение другого человека. Согласно Райху, фашизм порождается не столько экономическими и политическими обстоятельствами, сколько самой структурой характера масс, подготовленными для принятия идей вождя**¹⁰⁴.

К анализу массового общества обращались и другие ученики Фрейда, например, Карл Густав Юнг (1875–1961). Однако, несмотря на значительные расхождения в вопросе о природе бессознательного, можно согласиться с высказыванием Сержа Московичи¹⁰⁵: «Нет, кажется, области, в которой бы между Фрейдом и Юнгом было такое согласие, как в вопросах массовой психологии. Оба они принимают классическое описание массы Гюстава Лебона и соглашаются в том, что индивид в массе опускается на более примитивный интеллектуальный и эмоциональный уровень»¹⁰⁶. В отличие от Фрейда, Юнг больше внимания уделяет духовным, политическим и экономическим предпосылкам появления массы. Для него масса – феномен современного мира. При этом Юнг предлагает и определенные пути излечения всего общества. Лекарство заключается в распространении глубинной, аналитической психологии, с помощью которой человек может прийти к согласию между сознательными и бессознательными процессами, враждующими внутри его личности.

Наконец, третий методологический подход к анализу массы можно обозначить как **экзистенциалистский**. Упомянем здесь таких мыслителей как Карл Ясперс¹⁰⁷.

Существование в мире, по Ясперсу, есть жизнь в толпе, следование общепринятым ценностям и стандартам. Унифицированность избавляет человека от необходимости принимать решения и нести полноту индивидуальной ответственности за них. Она избавляет от самого «бремени свободы», которое, как говорил Ф. М. Достоевский, ложится на него тяжким грузом. Жизнь по формуле «я как все» позволяет поделить ответственность за свои поступки со всеми, поступающими так же. Различие между существованием в мире и экзистенцией – это различие между неподлинным существованием и подлинным существованием, между массовым обществом и подлинной коммуникацией. Господство массы по Ясперсу – явление современного времени. *«Масса как толпа не связанных друг с другом людей, которые в своем сочетании составляют некое единство, как преходящее явление существовала всегда. Масса как публика – типический продукт определенного исторического этапа; это связанные воспринятыми словами и мнениями люди, не различенные в своей принадлежности к различным слоям общества. Масса как совокупность людей, расставленных внутри аппарата по упорядочению существования таким образом, чтобы решающее значение имела воля и свойства большинства, является постоянно действующей силой нашего мира»*¹⁰⁸.

Конечно, Ясперс не отрицает определенных преимуществ, появившихся в современном массовом обществе. Во-первых, эти преимущества относятся к самому уровню существования: *«Мы обеспечены так, как никогда еще на протяжении всей истории не были обеспечены массы людей»*¹⁰⁹. В современном обществе страхование на случай безработицы или болезни и социальное

обеспечение не дают умереть с голоду нуждающемуся человеку. Во-вторых, в современном производстве люди по своей воле (в отличие, например, от рабовладельческого хозяйства), каждый на своем месте, пользуясь полным доверием, участвуют в создании условий для функционирования целого. Политическая структура такого аппарата деятельности – демократия в той или иной разновидности.

Но в современном обществе коренится и угроза индивидуальности человека:

1. Техника преодолевает время и пространство, человек живет «в соприкосновении со всеми». Нет более ничего далекого, тайного, удивительного. Людей, занимающих ведущие посты в государстве, обсуждают так, как будто с ними знакомы.

2. Человека ценят не за его индивидуальность, а за деловитость. От него ждут не рассуждений о смысле жизни, а умелых действий, не чувств, а объективности. Лозунги современности: знание, гигиена, комфорт.

3. В повседневности на первый план выходит соответствие правилам. Основное желание современного человека – быть как все, не выделяться.

4. Человек мыслит свое бытие только как «мы», как «социальное бытие». То, что отдельному человеку казалось бы скучным, более того, невыносимым, в коллективе он спокойно принимает как бы под власть коллективного импульса.

5. Разложенное на функции существование «теряет свою историческую особенность». Молодость становится идеалом. В обществе, в котором человек приобретает значение функции, он должен быть молодым. Если человек не молод, он будет стремиться к видимости молодости. Массовый человек – всегда начинает сначала. Он может сегодня делать одно, завтра – другое. Для него все возможно и ничего не является действительным.

*6. **Общая деловитость ведет к единым проявлениям человеческого поведения во всем мире.** Едиными становятся моды, правила общения, жесты, отсутствие близости между людьми в личной жизни, самодисциплина и др. Все эти психологические особенности современного человека целесообразны для совместной жизни больших масс людей¹¹⁰.*

Для Ясперса современное массовое общество – это универсальный феномен, характерный для всех демократических стран с высоким уровнем техники. В отличие от многих критиков «массового общества», немецкий экзистенциалист относится к существованию в массе как к реальному факту, как к оптимальному способу существования больших скоплений людей. В этой жизнедеятельности есть свои достоинства и недостатки. Но достоинства – очевидны, а недостатки понятны только наиболее развитым в духовном плане людям, которые страдают от потери индивидуальности и ищут пути ее обретения.

«Массовый человек» в «массовом обществе» как раз может стать объектом исследования специальных наук, в том числе и политической психологии. В нем нет свободы. В подлинной же коммуникации к человеку не относятся как к объекту исследования. Каждый человек в ней понимается как индивидуальность, которая не подвержена типизации. В подлинной коммуникации, по Ясперсу, и заключается свобода.

В Советском Союзе в XX веке массы создавались искусственным путем, то есть целенаправленными действиями властей. Так, например, введение паспортной системы и коллективизация уничтожили класс крестьянства; закрытие бирж труда, запрет забастовок, стахановское движение – распылили силы рабочего класса; многочисленные чистки в партии; доносительство и публичные отречения разрушили святую святых любого общества – семью. К такого же рода действиям можно отнести массовые репрессии среди интеллигенции, приведшие

если не к исчезновению, то к значительному уменьшению и деформации данной прослойки общества.

Тоталитарные режимы, пока они у власти, и тоталитарные вожди, пока они живы, пользуются массовой поддержкой. Приход Гитлера к власти был законным, если помнить выборы большинства, и ни он, ни Сталин не могли бы остаться вождями народов, пережить множество внутренних и внешних кризисов и храбро встретить трудности беспощадной внутрипартийной борьбы, если бы не имели доверия масс.

А теперь снова вспомним Г. Лебона и Г. Тарда – создателей классического варианта социально-психологического подхода к исследованию и объяснению «массы». Пожалуй, главной их заслугой является научное описание, характеристика явления «толпы» – своеобразной первичной, «элементарной» формы социальной массы, выявление «законов толпы» («духовного единства толпы») и механизмов политического лидерства. Г. Тард был одним из тех, кто впервые обратил внимание на эволюционирование городской массы к новой, преимущественно «бесконтактной» форме ее интеграции – «публике», явлению, тесно связанному со становлением СМИ и растущей атомизацией городского сообщества. Г. Тард, а вслед за ним и Г. Лебон раньше других заговорили о том, что жизнь человека среди больших скоплений людей протекает по особым законам; о том, что нужно знать эти законы и обращаться с «наличной массой», толпой со знанием дела и подбаюющей осторожностью.

Сущность их подхода можно интерпретировать так: **в социальных общностях, связанных с «непосредственным» взаимодействием людей, поведение последних определяется не столько той или иной формой сознания, сколько эмоционально-психическими, бессознательными сопережива-**

ниями, то есть общими для всех, однотипными психическими переживаниями. По мнению Тарда и Лебона, в толпе стираются индивидуальные достижения отдельных людей и исчезает их своеобразие. Расовое бессознательное проступает на первый план, гетерогенное тонет в гомогенном: обессиливается психическая надстройка, столь различно развитая у отдельных людей, и обнажается, приводится в действие бессознательный фундамент, у всех одинаковый.

Лебон и Тард выделили три главные причины («закона») формирования новых качеств индивида в толпе:

1) осознание численности, *иллюзия всемогущества* толпы и ее *анонимность* ведут к исчезновению чувства ответственности у индивида в толпе;

2) «*заражаемость*» – в толпе заразительно каждое действие, каждое чувство, и притом в такой степени, что индивид легко жертвует своим личным интересом в пользу общего;

3) восприимчивость индивида в толпе к внушению¹¹¹.

«*Душа толпы*» (коллективное психическое состояние) тождественна душе примитивного человека, в ней преобладают эмоциональное, женское начало, дихотомия противоположных взглядов; ей свойственны легковерие и не критичность, жажда иллюзий, а не истины, раболепие перед силой, деспотизм, догматизм и нетерпимость к инакомыслию. Групповое, примитивно-корпоративное здесь может доминировать и противостоять общечеловеческому.

Итоговая оценка социальной и исторической роли масс весьма категорична: толпа может быть чем угодно! Реальная роль толпы («масс») в социальной жизни, особенно в политике, преимущественно, деструктивна,

она есть средство, орудие в руках безответственных политических краснобаев и шарлатанов.

Использование «законов толпы» и теории публики в качестве инструментария сегодняшнего научного познания не только позволяет во не изобретать колесо заново, а правильно объяснять и даже предвидеть и предотвращать многие негативные социально-массовые явления. Разработанный на основе идей Г. Тарда и Г. Лебона социально-психологический подход должен быть интегрирован в общую канву исследования социальной массы, массового сознания и массовой психологии.

Человеческая история с самых ранних своих этапов связана с социальной массой, с лежащей в ее основе социально-психологической природой. Это, прежде всего, **латентная или скрытая, потенциальная масса, реализующаяся в форме спорадически возникающих, как правило, на основе общего для всех ее участников психического переживания (сопереживания) неустойчивых ситуативных общностей. Действующая социально-психологическая масса – явление экс-групповое: она может быть проявлением и групповой, и межгрупповой, и внегрупповой активности.** Будучи полноправным компонентом исторического процесса, такая масса не может, однако, быть выявлена в статической структуре общества и обнаруживает себя лишь в динамических процессах, в социальных и психологических взаимодействиях. По целям и содержанию деятельности рассматриваемая масса может выступать как **аттрактивная и аффективная.**

Под аттрактивной мы подразумеваем массу, ориентированную на зрелище и основанную на рецепторной активности (внимание, активизация органов чувств). Основная цель совместной деятельности членов такой массы – получение впечатлений,

эмоций (при реализации развлекательной или эмоционально-компенсаторной функций, в том числе для подавления, вытеснения фрустрации). Объединяющим моментом в простейшем случае будет служить здесь коллективное любопытство («толпа внимающая»), в более сложных – целенаправленное получение эстетических впечатлений, информации. Взаимосвязь участников такой массы проявляется как совместное внимание к центру (фокусу) взаимодействия – зрелищу, актеру, оратору – и может перерасти под его влиянием в коллективный (массовый) аффект. После этого, в зависимости от характера и силы раздражения, на более или менее длительное время содержанием совместной деятельности членов массы может стать постзрелищная экспрессия: кратковременная, положительная, в цивилизованной, социально-санкционированной форме – аплодисменты; или же в затянутой во времени необузданной форме – восторженная массовая истерия поклонников поп-звезды, стремящихся разорвать на клочки одежду и аппаратуру кумира. Примером проявления противоположно направленной массовой аффектации могут служить послематчевые «сражения» раздосадованных поражением «своей» команды футбольных фанатов, чьими жертвами становятся болельщики, прохожие, витрины, автомобили и т.д. Однако аффективная масса, то есть масса, имеющая содержанием своей деятельности преимущественно эмоциональную разрядку – снятие стресса, фрустрации, социального перенапряжения, не обязательно имеет в качестве подготовительного этапа зрелищную, рецепторную активность. Эмоции такой массы могут быть как негативными, так и позитивными.

Более распространенным вариантом представляется **масса, действующая на основе негативных соперевживаний**. Искусные политики, религиозные

проповедники не в последнюю очередь снискали себе славу благодаря умению направлять эмоциональную энергию масс в организованное русло эмоций иного рода. Таким «иным» направлением аффектации является выражение восторга, радости, счастья как от победы (военной, спортивной, трудовой), так и от простого чувства солидарности, сопричастности к единому санкционированному действию. Противовесом злу, порождаемому «всякого рода сборищами», силой, играющей в высшей степени необходимую социальную роль, служит одушевленная любовью толпа – толпа праздничная, толпа радостная, влюбленная в саму себя. В основе формирования аффективной массы могут лежать факторы внегруппового, но, тем не менее, социально-детерминированного характера, например, демонстрация солидарности лиц в противовес обезличенным институтам, стихийный протест против общезначимых норм и социальных запретов, полубессознательное выражение недовольства социальными ограничениями как таковыми. Дополнительный стимул участник толпы может получать в упразднении в ее рамках всякой социальной иерархии.

Как правило, масса в своем развитии проходит две главные стадии:

1) **латентная (потенциальная, неоформившаяся) – некий зародыш будущей массы, ограниченный определенными человеческими пределами, за которые возникающая масса не может выйти.** Здесь можно говорить о рамках локальных (масса никогда не возникает всюду одновременно и никогда не охватывает одновременно всех), социально-групповых («гроздь гнева» редко зреет одновременно у представителей разных социальных слоев, этнических групп), культурно-антропологических (представители одного класса могут резко отличаться по уровню индивиду-

альной культуры, социальным качествам, этико-эстетическим поведенческим установкам: порядочный пролетарий, например, вовлеченный в массу на первом этапе, может сознательно выйти из нее накануне деструктивно-деятельностного «апофеоза», побрезговав участвовать в разграблении винной лавки или избивании «чисто одетой публики»);

2) **актуальная**, то есть оформившаяся, реально существующая масса, представляющая единство коллективного сопереживания и действия. Подобная масса, в свою очередь, может быть подвергнута более дробному делению по ряду оснований. По степени активности можно выделить:

– массу **«внимающую»**, относительно пассивную;

– **манифестирующую**, то есть демонстрирующую собственную численность, мощь, возможность прямого действия. Такая масса может быть проявлением организованной активности, связанной с высокой степенью эмоционального самоконтроля индивидов, но может быть и потенциальной аффективной толпой, вынужденной под давлением обстоятельств (контроль органов правопорядка, требования лидеров) воздержаться от асоциального действия, деструктивной разрядки;

– **действующую**, активистскую массу, которая реализует себя в совместном символическом акте: деструктивном – коллективном преступлении против отдельной личности, собственности, социального института, или позитивном – социально приемлемом действии (возгласы радости, одобрения, массовая жестикуляция и т.п.).

Итак, понятие «масса» подразумевает не любое множество, скопление индивидов, а такое их взаимодействие, в ходе которого возникает временное

единство характеристик духовной и практической активности, стираются социальные и индивидуально-личностные различия, возникает эффект массового сопереживания; такой эффект может быть отождествлен с «массовым сознанием» лишь с большой натяжкой.

В рамках такого рода массы психика индивида оказывается под сильным воздействием «законов духовного единства толпы», сформулированных еще на рубеже XIX-XX веков: «взаимозаражения», роста внушаемости индивидов в толпе, вытеснения сознательной личности «коллективным бессознательным», иллюзии всемогущества и анонимности толпы, стирающей чувство индивидуальной ответственности.

Данный подход связан с проявлениями сущностных, атрибутивных свойств психики человека как не исключительно социального, а биосоциального, в том числе эмотивного, существа. Это верно и для начала нашего века, когда стихийное втягивание масс в активное социальное действие сопряжено с возникновением угроз глобального масштаба, когда нарастающие социальные и техногенные стрессы в сочетании с затяжными региональными кризисами и «психологическим террором» СМИ подвергают психику человека все новым испытаниям, притупляя его сознание и грозя обнажить бессознательную составляющую психики индивидов.

Кстати, принадлежность к массе — признак чисто психологический, вовсе не обязательно, чтобы субъект физически к ней принадлежал. Масса — это множество людей без особых достоинств, ее элемент — средний, заурядный человек. Но не только лишь отсутствие талантов делает личность «человеком массы»: скромный человек, осознающий свою посредственность, никогда не почувствует себя членом массы и не должен быть к ней

отнесен. Человек массы — тот, кто точь-в-точь, как все остальные... Необходимые черты его — самодостаточность, самодовольство: в отличие от человека элиты, предъявляющего к себе строгие требования, он всегда доволен собой, не знает сомнений. К массе духовно принадлежит тот, кто в каждом вопросе довольствуется готовой мыслью, уже сидящей в его голове. Ему не дано проектировать и планировать, у него ограниченные творческие возможности, нет подлинной культуры, в решении споров он игнорирует основные принципы разума, не стремится держаться истины. Сложность, многогранность, драматизм бытия либо недоступны, либо пугают; идеи, которые он приемлет, имеют цель раз и навсегда отгородиться от сложностей окружающего мира готовыми объяснениями, фантазиями, дающими иллюзию ясности и логичности. Человека массы мало беспокоит, что идеи могут быть неверны, ведь это просто окопы, где он спасается от жизни.

Ведущими признаками «человека элиты» являются компетентность, высокий профессиональный и культурный потенциал, самосовершенствование, творчество, «служение» как осознанный выбор, а «человека массы» — теоретическая «заскорузлость», иллюзия самодостаточности, отсутствие стимула к саморазвитию, самодовольное «пробывание» в глупости, «вождеделение». Первый исповедует ценности творчества, познания как служения общенациональным, общечеловеческим задачам, второй же привержен ценностям потребления, не выходит, в целом, за перспективу собственного одномерного существования. Цивилизация интересует его не сама по себе, а лишь как средство удовлетворения растущих вожделений.

Современным олицетворением, апофеозом «человека массы» является так называемый «специалист», человек, в совершенстве знающий какую-либо одну науку, свой крохотный уголок Вселенной, но абсолютно ограниченный во всем, что выходит за его пределы. В политике, в искусстве, в социальной жизни, в остальных науках он придерживается примитивных взглядов, но

излагает и отстаивает их с авторитетом и самоуверенностью знатока, не принимая возражений людей компетентных.

Во все эпохи происходит своеобразная борьба между массой и элитой за преобладающее влияние на «средний элемент». Сейчас, в эпоху глобального кризиса и глобального стресса, отставания человеческих качеств от быстротечных изменений, новых требований времени вопрос о лидерстве, вроде решенный опытом веков в пользу элиты, поставлен вновь. Ориентиры развития цивилизации могут быть деформированы в ходе такой «перестановки», приобрести взамен творчески-поступательного инструментально-потребительский характер, в перспективе – мещански-застойный, что может повести к ресурсно-экологическому коллапсу.

С позиций представителей культуроцентристского подхода масса может рассматриваться как качественно низший слой социума, чьи жизненные потенции и потребности практически не выходят за рамки «чистого бытия», простого и расширенного потребления. И если предположить, смоделировать доминирование этого элемента в регулятивной (политика, общественные связи) и духовной сферах, в сфере массовых коммуникаций, то резонно предположить и вытекающее из этого измельчание, выхолащивание содержания деятельности этих сфер и общественных связей. Мерилом оценки произведений культуры все больше выступает их популярность, коммерческий успех, налицо гипертрофия развлекательной функции искусства по отношению к развивающей.

Можно говорить и о вытеснении представителей квалифицированных меньшинств из сферы политики, выдвижении массой себе подобных политиков, что является весьма характерным для современной политиче-

ской жизни России. Такого рода власть, как правило, живет нуждой сегодняшнего дня, но не планами будущего: ее деятельность сводится к тому, чтобы как-то увертываться от осложнений и конфликтов: проблемы не разрешаются, а лишь откладываются. И «человек массы», и его власть живут фактически по одному принципу: «После нас хоть потоп!». Масса нередко легко расстается с элементами свободы ради благ, реальных или обещанных в перспективе, в пользу государства, что служит основой для утверждения этатизма¹¹² и тоталитаризма. Господство массы, олицетворяющей функционально-потребительскую сторону жизни общества – необходимую, но не достаточную с позиций полноценности человека и человечества, может осуществляться в разных формах. Как ни парадоксально это звучит, но внешне демократический и тоталитарный режимы могут иметь тождественное сущностное наполнение.

Следует еще помнить, что радикальное деление общества на массу и элиту достаточно условно. Даже в относительно чистом виде эти социальные типы крайне малочисленны, если не единичны. Так же, как в душе большинства людей, мы видим дихотомию добра и зла, так и конкурирующие системы ценностей оставляют на ней свои отпечатки. Далеко не всегда личность обладает достаточной внутренней зрелостью для собственного однозначного выбора, тем более нонконформистского. В такой ситуации множество «скромных тружеников», очевидно, испытывают растерянность и находят критерий истины среди мнений большинства. Фетишизация жизненного успеха «человека массы», этого нового мифологического героя (в России 90-х он стал известен под именами «нового русского», «малинового пиджака»), насаждение донныне все же стыдящейся себя вульгарности, как нормы жизни, может

встречать молчаливое неодобрение, скрытую иронию у «скромного труженика», но мало-помалу идет и смещение ценностей, если не сегодня, то у потомков. Сообщество «людей массы», прививая новообращенным свою систему ценностей, ширится за счет бывших «скромных тружеников» и их потомства, формирующегося в новой социокультурной среде, на новых «идеалах». Так масса из второсортного фрагмента общества поднимается до большинства, а затем захватывает «командные высоты» в обществе через институты демократии.

Резюмируем:

- термин «массы» впервые появляется в контексте аристократической критики социальных перемен в XVII-XIX веках. Тогдашних аристократов пугали «толпой» или «массой»;

- первым теоретиком масс в конце XIX века стал Г. Лебон. Главной моделью для него была толпа, которая рассматривалась как психологический феномен, возникающий при непосредственном взаимодействии индивидов независимо от их социального положения, национальности, профессии, даже случайности повода, вызвавшего образование данной толпы. В толпе образуется социально-психологическое («духовное») единство массы – «душа толпы». Она проникается общими чувствами, а взаимовнушение способствует значительному росту энергетики, в толпе глушится, исчезает сознательная личность. В современной науке толпа рассматривается лишь как один из видов массы;

- основные виды масс выделяются по ряду ведущих признаков. Массы делятся:

- 1) по размеру – на большие и малые;
- 2) по стабильности – на устойчивые (постоянно функционирующие) и неустойчивые (импульсные);

3) **по компактности** – на сгруппированные и негруппированные, упорядоченные или неупорядоченные в пространстве;

4) **по формам внутренней связи** – на контактные и неконтактные (дисперсные);

5) **по особенностям возникновения** – на спонтанные, стихийно возникающие («естественные») и специально организуемые («искусственные»);

6) **по гомогенности** – на социально однородные и неоднородные.

- конкретные наблюдения и эмпирические исследования позволяют прийти к трем основным конкретным разновидностям «массы», встречающимся на практике:

1) *Толпа.*

2) *«Собранная публика».*

3) *«Несобранная публика».*

- основные характеристики массы:

1) **статистичность, то есть аморфность** массы, ее несводимость к самостоятельному, системному, структурированному целостному образованию (группе), отличному от составляющих массу элементов;

2) **стохастичная, вероятностная природа** массы, то есть открытость, размытость ее границ, неопределенность ее состава в количественном и качественном отношении;

3) **ситуативность, временность ее существования;**

4) **выраженная гетерогенность, разнородность состава массы;**

– **стержневым элементом психологии масс является массовое сознание.** Массовое сознание – один из видов общественного сознания, наиболее реальная форма его практического существования и воплощения. Это особый, специфический вид общественного сознания, свойственный значительным неструктурированным множествам людей («массам»). Массовое

сознание определяется как совпадение в какой-то момент (совмещение или пересечение) основных и наиболее значимых компонентов сознания большого числа весьма разнообразных «классических» групп общества (больших и малых), однако не сводится к ним. Массовое сознание, в основном, носит обыденный характер в силу недостаточной специфичности источников своего появления и неопределенности своего носителя;

- в массовом сознании запечатлены знания, представления, нормы, ценности и образцы поведения, разделяемые той или иной возникающей по тем или иным обстоятельствам совокупностью индивидов – массой. Они вырабатываются в процессе общения людей и совместного восприятия ими социально-политической информации (в ходе политического митинга);

- массовое сознание отличается: **общесоциальная**, а не только групповая типичность всех образующих его компонентов; их общесоциальное признание, санкционированность той или иной массовой общностью. Таким образом, **массовое сознание представляет собой надиндивидуальное и надгрупповое по содержанию, но индивидуальное по форме функционирования сознание**. Хотя массовое сознание и реализуется в массе индивидуальных сознаний, оно не совпадает по содержанию с каждым из них в отдельности. Для зарождения функционирования массового сознания как такового совершенно не обязательна совместная деятельность членов общности («массы»), что традиционно принято считать обязательным для появления классических вариантов группового сознания. Содержание массового сознания может быть определено практически как бесконечное, если попытаться предвосхитить все возможные варианты возникновения;

- **общественное мнение действует практически во всех сферах жизни общества.** Вместе с тем, границы его суждений достаточно определены. В качестве объекта высказываний выступают лишь те факты и события действительности, которые вызывают общественный интерес, отличаются значимостью и актуальностью. Если в стабильные периоды развития субъект общественного мнения обычно находится в четких рамках принадлежности к тем или иным группам, то кризисное политическое развитие разрушает эти рамки. Тогда общественное мнение способно обобщить те или иные индивидуальные и групповые мнения, нивелировать характерные для них специфические различия и образовать, тем самым, массу людей, придерживающихся единого, теперь уже в самом широком смысле общественного мнения. Такое массовое общественное мнение и становится макроформой массового сознания. Выражаясь в виде более или менее стихийного поведения, оно проявляется в более легитимных или менее легитимных формах. К первым относятся выборы органов власти, референдумы, средства массовой информации, социологические опросы и т.д. Ко вторым – митинги, манифестации, акции протеста, восстания и т. д.

- **массовые настроения включены в политическую культуру а) как компонент актуального политического сознания, б) как часть его прежних вариантов, в) как идеологический прообраз будущего сознания.** Массовые настроения связаны с политическим поведением как механизм инициирования и регуляции такого поведения. Массовые настроения включены в политическую систему, служа субъективной основой функционирования как ее отдельных элементов, так и системы в целом. Массовые настроения относятся к политико-психологическим механизмам,

связанным с политикой как деятельностью значительных масс людей и обеспечивающим мотивационную сторону этой деятельности;

- на индивидуальном уровне, **настроения – это специфические состояния, сутью которых является интеграция влияния объективных событий, происходящих с человеком, и их субъективного переживания.** Настроения – один из высших уровней субъективного осмысливания (наделения личностными смыслами) того, что объективно происходит с человеком и воспринимается им. Это своего рода «предсознание», резерв сознания, его чувственно-эмоциональная основа. Настроения тесно связаны с потребностями человека, выполняя две функции: сигнальная функция: настроения – сложная аффективно-когнитивная сигнальная реакция, указывающая на расхождение потребностей с условиями жизни и возможностями их удовлетворения; побудительная функция: настроения – мощный регулятор психики и стимулятор поведения. Массовые настроения развиваются на основе индивидуальных – как одинаковые переживания массой индивидов соответствия нормативного «общественного настроения» их внутреннему состоянию. Массовые настроения – особые состояния, отражающие переживания теми или иными множествами людей соответствия диктуемых обществом норм и нормативных «общественных настроений» реальным возможностям их осуществления. С точки зрения психологии, настроения – особый феномен, сущность которого заключена в переживании субъектом и наделении неким смыслом своей принадлежности к социальной общности или общественно-политической системе в целом;

- в политической психологии массовые настроения рассматриваются как однородная для множества людей субъективная реакция, отра-

жающая удовлетворенность социально-политическими условиями жизни; оценку возможностей реализации социально-политических притязаний; стремление к изменению условий ради достижения притязаний. Природа настроений связана с взаимоотношением притязаний (ожиданий) людей и условий жизни. Это специфическая реакция на рассогласование потребного и наличного. Субъект массовых настроений – общность людей, объединенных единым переживанием. Зарождаясь в конкретных группах и слоях, настроения быстро распространяются, формируя специфические по своим характеристикам массы в качестве субъектов этих настроений. В конкретном выражении – это толпа, в более широком – массовое движение, в экстремальном – большинство общества;

- истоки развития настроений связаны с разными субъективными оценками действительности. Оценки могут совпадать, порождая ситуации, когда значимые для людей события оцениваются одинаково. Развитие настроений носит циркулярный характер, подчиняющийся законам «эмоционального кружения». Возможности воздействия на массовые настроения связаны с изменением притязаний и возможностей их реализации. Стабилизация позитивных настроений достигается за счет уравновешивания этих моментов. Отставание возможностей вызывает недовольство. Их совпадение с притязаниями, а тем более опережение, – подъем позитивных настроений. Массовые настроения, формируя субъекта политического действия, спланивают людей в политические движения совместным переживанием расхождения притязаний и возможностей их достижения, а также позитивной оценкой вероятности реализации притязаний посредством определенных действий. Основываясь на расхождении потребностей и возможностей (недовольство), настроения

различаются интенсивностью оценки существующей ситуации, отношением к прошлому и будущему, а также оценкой направленности необходимых действий. Иницируя политическое поведение, массовые настроения ведут к модификации политической системы. Это происходит либо «снизу» – выделяется политическая сила, способная оформить настроения и повести массы, либо «сверху» – правящие круги побуждаются к реформам. В психологически динамичном обществе даже незначительные колебания настроений вызывают резкие изменения. В статичном обществе необходимо, чтобы однородные настроения охватили большинство – только тогда произойдет радикальный слом системы. Особый случай – опыт самообновления системы, разрушающий настроенческую однородность ради избежания ее саморазрушения. Решаясь на перестройку под влиянием предвосхищаемого давления массовых настроений, такая система попадает в зависимость от ею же инициированных процессов и оказывается вынужденной ускорять и углублять преобразования под давлением уже реального недовольства;

- политическая психология различает две основные формы поведения: зависящее от воли и сознания индивидов и независящее от них. В последнем случае говорят о стихийном поведении. Стихийное массовое поведение – это неорганизованное, но аналогичное и сравнительно необычное поведение большого количества людей. Анализ такого поведения включает два направления. Во-первых, рассмотрение субъектов этого поведения: толпы, «собранной публики» и «несобранной публики». Во-вторых, анализ его наиболее демонстративных форм: стихийной паники и массовой агрессии. Базовыми механизмами стихийного поведения являются: взаимное заражение, внушение и массовое подражание индивидов друг другу, возни-

кающие в непроизвольно складывающейся общности (массе). Совместное действие этих трех механизмов обеспечивает эмоциональное «взвинчивание» вначале отдельных индивидов, а затем и всей общности, что и является условием массового стихийного поведения;

- для конкретного обозначения того, что происходит с людьми в общностях, склонных к неуправляемому поведению, обычно используют выражения **«циркулярная реакция»** и **«эмоциональное кружение»**. Эмоциональное «взвинчивание», приводит субъект в такое состояние, при котором он теряет способность к самоконтролю и оказывается во власти мощных иррациональных импульсов. «Циркулярная («круговая») реакция» – первый этап действия такого общего механизма. Та или иная эмоция, подхватываясь другими людьми, обычно возвращается к вам как бы по кругу. Это этап первоначального эмоционального самоиндуцирования общности. Постепенно усиливаясь, та или иная эмоция может циркулировать определенное время. Разумеется, процесс циркуляции может прерываться, и тогда эмоция постепенно сойдет на нет. Однако при включении в общность новых людей она будет каждый раз как бы воспроизводиться заново. Это происходит в тех случаях, когда именно эта эмоция и повод для ее возникновения достаточно актуальны и значимы для людей. Тогда их переживания достигают определенного уровня. Тем самым обеспечивается следующая стадия эмоционального «взвинчивания». «Эмоциональное кружение» – второй этап развития психофизического состояния в общности. Достигнув, в силу циркулярной (точнее, спиралевидной) реакции, определенной интенсивности, эмоция стремится сохранить себя на достаточно высоком уровне. Суть данного этапа проста: в стихийно складывающейся общности та или иная эмоция как бы кружится, уже не усиливаясь,

а просто непрерывно поддерживая саму себя. Так, собственно, и складываются стихийные эмоциональные общности;

– дополнительное стимулирование и побуждение членов общности к действиям по отношению к объекту общего внимания – завершающий этап в формировании субъекта стихийного поведения. Такое стимулирование обычно происходит на основе прямого внушения, которое осуществляют лидер общности или средства массовой коммуникации и стоящие за ними силы. Следует учитывать, что, хотя описываемые процессы действительно имеют стихийный характер, всегда находятся политические силы, готовые использовать эффекты стихийности в своих интересах и получать от них определенный политический капитал. Наиболее характерно это для экстремистских, националистических движений. Им особенно свойственно стремление воздействовать на бессознательную, иррациональную сферу субъектов политических процессов, так как они склонны к авторитарному агрессивному поведению, частому применению насилия, они побуждают членов общности к конкретным, нужным им действиям. При отсутствии лидеров или политических сил целенаправленного побуждения не происходит. Тогда общность сама, стихийно, находит объект непосредственных действий.

Данные механизмы проявляются не только в сфере положительных эмоций. Таким механизмам подчиняются и негативные эмоции, за счет чего возникают не только толпы фанатов футбола, но и банды погромщиков-националистов и разнообразные панические, агрессивные и прочие эмоциональные общности.

2.4. Национальный менталитет с точки зрения политической психологии. Российский менталитет

Важным условием успешной политической деятельности служит четкое понимание того, что психический склад человека имеет множество более или менее ярко выраженных особенностей, составляющих в совокупности с другими качествами то, что принято называть **национальным менталитетом**.

О том, что нравы различных народов своеобразно преломляются в их политической жизни и способе правления, было понятно и известно еще древним. Геродот¹¹³, Тацит¹¹⁴, Полибий¹¹⁵, Светоний¹¹⁶ оставили потомкам зарисовки социально-политической организации персов, скифов, германцев, галлов, римлян, других современных им этносов и племен, а также их поведения в различных ситуациях, связанных с борьбой за власть. В середине XVIII века в европейской истории народы начинают трактоваться как своего рода коллективные личности, наделенные индивидуальными характерами (Монтескье¹¹⁷, Кондильяк¹¹⁸ и др.). Несколько позже романтики, а вслед за ними Гегель¹¹⁹, развивают учение о духе народа, понимаемом как заданная свыше форма отношения к миру и соответствующая этому программа его исторической самореализации. Эти теории, кстати, оказали заметное влияние и на русскую философию, стремившуюся осмыслить природу российской государственности и своеобразие путей развития российского общества, что нашло свое выражение в понятии русской идеи.

Проблема перехода от **метафизики национальных различий** к их собственно психологической интерпретации была поставлена во второй половине XIX века М. Лацарусом¹²⁰ и Х.Штейнталем¹²¹, сформулировавшими концепцию нового направления в науке – *психологии народов*. Каждый народ (нацию) предлагалось

рассматривать как особую психологическую связь, состоящую из отдельных звеньев – индивидуальных сознаний. В дальнейшем эта концепция была развита основоположником экспериментальной психологии В. Вундтом¹²², который совершенно отказался от неопределенного и весьма абстрактного понятия «народного духа» и поставил задачу выявления глубинных слоев человеческой психики путем изучения внешних проявлений в языке, мифах и обычаях. Психология национальных различий в таком ее понимании, в первую очередь, ориентировалась на своеобразие культур. Вместе с тем, в рамках общей проблемы реконструкции психологических основ национальной культуры она затрагивала и вопросы политической жизни. В качестве примера можно привести полный весьма пронизательных характеристик труд А. Фулье¹²³ о психологии французского народа. Полагая важнейшей чертой французского ума склонность к логически ясной схематизации, четкой определенности, максимально полному сведению эмпирических многообразий к общим идеям, столь ярко проявившимся в философском мышлении Декарта, Фулье выводит из нее безграничную веру французов в сильное государство. Оно означает для них не только собственно политический институт, но и некий универсальный логический принцип, приводящий всю социальную действительность к некоему рационально выстроенному порядку¹²⁴. Поэтому, считал Фулье, фрондирующие при всяком удобном случае, недисциплинированные, дорожащие больше правом говорить, чем возможностью действовать, французы обыкновенно легко подчиняются сильной власти, полагая, что она сделает их счастливыми. Касаясь теоретических проблем психологии народов, Фулье связывает формирование национального менталитета с общением. Именно в процессе общения, осу-

ществляемом на базе национального языка, вырабатывается, с его точки зрения, единый способ чувствовать, думать и желать, отличный от присущего психике отдельных членов общества или их арифметической сумме. Стало быть, **национальный ум как таковой нельзя реконструировать путем простого наложения множества отдельно взятых индивидуальных умов.** Дело здесь не просто в каких-то повторяющихся или широко распространенных чертах, а в том, что **национальный ум действует на индивидуальные как причина на следствие.** Можно даже говорить об определенном давлении, которое он способен оказывать на психологию отдельных индивидов. Кроме того, национальный ум шире, чем совокупное сознание ныне живущих представителей данного народа; он включает в себя и мышление прошлых поколений, действующее в веках через запечатленные в культуре идеи, чувства, нормы, эталоны и т.д. Поэтому о нации нельзя составить правильного и полного представления, изучая ее лишь в наличном на данный момент составе¹²⁵.

Вопрос о том, как возникает и развивается национальный склад ума и национальный характер, психология обычно трактовала плюралистически. Значительное место в этом процессе отводилось биологической наследственности, в частности, расовым особенностям. Но наряду с этим рассматривались природно-климатические факторы, географическое положение страны, культура, транслируемый из поколения в поколение коллективный исторический опыт, память о крупнейших событиях прошлого и т.д.

В целом здесь психологи пользовались преимущественно описательными характеристиками. Они выявляла национальные особенности мировосприятия, мироощущения и мышления, показывали их связь с

языком, а также с условиями формирования данного народа и его историческим развитием, но не объясняли собственно психологических механизмов реализации этой связи, особенно в плане политических движений народных масс.

Уже упоминавшийся нами Карл Густав Юнг выдвинул положение о том, что наряду с индивидуальным бессознательным, которым ограничивался классический фрейдизм, в психике человека существует еще более глубинный слой — коллективное бессознательное.

Именно коллективное бессознательное, по Юнгу, и впечатлевает в себе совокупный опыт предшествующих поколений, в том числе, память о природной среде, исторических событиях, моделях социальной деятельности и т.д. Содержание этого слоя психики составляют особые обобщенные первообразы (архетипы), представляющие собой коллективно наследуемые формы восприятия и понимания. Архетипы недоступны непосредственному наблюдению, но могут реконструироваться путем анализа их внешних проекций. При этом наиболее отчетливо глубины подсознания проявляются в сновидениях и творческих интуициях, не регламентированных рациональным самоконтролем (мифы, художественные сюжеты, символы и т. п.). Часть архетипов, по Юнгу, носит общечеловеческий характер (например, любовь к матери). Однако некоторые из них связаны со специфическими особенностями национальной жизни и представляют собой своего рода порождающие структуры национального менталитета. Центральное место среди архетипов Юнг отводил образу самого себя («эго-символ»), играющему основную роль в самоидентификации и соотношении субъекта с окружающим миром.

В 30-х и 40-х годах XX века Юнг неоднократно обращался к анализу генезиса нацистского режима в Германии. Он считал крайне наивным выражавшееся в те годы многими интеллектуалами изумление по поводу

того, что народ великих мыслителей и писателей Шиллера, Канта и Гете мог породить такое политическое чудовище. На самом деле, доказывал швейцарский психолог, подсознательные импульсы, способствовавшие утверждению нацизма, глубоко укоренены в национальном менталитете немцев и естественным образом воспроизводятся на базе его внутренних противоречий. Наиболее полным выражением национального архетипа немцев Юнг считал образ древнего германского бога Вотана – неистового воителя, вносившего в мир стихию разрушения и раздора, но вместе с тем склонного к мечтательности кудесника, любившего уединение и дальние странствия (неслучайно в германской мифологии он числился еще и покровителем поэтов). Таким образом, импульсы творчества в коллективном бессознательном немецкого народа, по Юнгу, неразрывно переплетены с импульсами разрушения. Этот тезис подтверждали и данные клинических наблюдений швейцарского психолога за некоторыми пациентами-антифашистами, в сновидениях которых якобы также присутствовал бессознательный комплекс насилия¹²⁶. «Вотановский архетип», полагал Юнг, был в свое время укрощен христианством, но он никуда не исчез, а лишь отеснился в самые глубины психики. Тем не менее, истинным богом немцев оставался именно Вотан, а не Христос. Упадок же христианства в начале века, особенно в период после Первой мировой войны, вновь вызвал к жизни теперь уже ничем не сдерживаемые древние порывы. Симптомы грядущего возвращения Вотана, по наблюдениям Юнга, можно было проследить по самым, казалось бы, невинным увлечениям и чертам социального поведения немцев в 20-х и начале 30-х годов – например, по пробудившейся вдруг у них массовой страсти к бродяжничеству и путешествиям (напомним, что эта же черта отличала и мифического бога воинов). Так что приход

к власти нацистов, с точки зрения Юнга, закономерно следовал из скрытых в темных глубинах психики процессов. По сути своей он был ни чем иным, как возвращением немецкого национального духа к самому себе. Господство нацистов, считал Юнг, основано на превращении маниакальной личности Гитлера в эго-символ целого народа. А это уже служит очевидным симптомом коллективного психического заболевания. Вместе с тем, такое отождествление было подготовлено трагическим раздвоением немецкой души между стихией Востока и упорядоченным, цивилизованным миром Запада, которое породило массовые невротические реакции. В конце концов, немцы осознали себя как народ, принадлежащий Западу, но сделали это значительно позже, чем другие европейцы. Отсюда неизбывный комплекс неполноценности, компенсируемый манией величия. Германия, ставил свой диагноз Юнг, всегда была страной психических катастроф¹²⁷.

Изучение национального менталитета в параметрах психологии опирается на многочисленные эмпирические данные, полученные в результате сравнительного исследования национальных (этнических) культур, их воздействия на восприятие мира, способы мышления и социальное поведение (кросс-культурные исследования). Вопросы политики в таких исследованиях поначалу практически не затрагивались. Однако события Второй мировой войны и стремление лучше понять мотивацию воюющих сторон привели к значительному расширению проблематики. И, как оказалось, знание основных принципов репрезентации мира в той или иной национальной культуре и вытекающая из этого общая логика действий способны не только удовлетворить ученых, но и служат даже одним из необходимых условий выработки политической стратегии.

В целом же опыт прикладных исследований, направленных на решение задач практической политики и политической психологии, выявил неоднозначность связей между коллективными национальными архетипами и конкретным индивидуальным поведением. Иными словами, реконструкция архетипов как таковых сама по себе еще не дает достаточной информации, позволяющей прогнозировать поведение конкретных людей в различных обстоятельствах. Это ставит проблему обоснования дифференцированного подхода к изучению национальных различий на уровне психологии личности. Надо отметить, что по глубине проникновения в строй мыслей и чувств, формируемых различными национальными культурами, российская интеллектуальная традиция всегда была одной из сильнейших в мире. В целом, она сохранилась и в советское время, но, к сожалению, мало использовалась в политике. Неумение учитывать особенности национального менталитета было одной из хронических болезней советского руководства, что неоднократно приводило его к политическим просчетам и, возможно, стало одной из главных причин развала СССР в 1991 году. Корни этого кроются отчасти в том, что марксизм, более чем на семь десятилетий утвердившийся в нашей стране в качестве официальной идеологии, вообще склонен к недооценке национального вопроса и полагает возможным, в конечном счете, свести его только к социальным проблемам. Эта тенденция многократно усиливалась характерными для высшей советской номенклатуры догматизмом и недостатком настоящей гуманитарной образованности, дающей живое представление о многообразии человеческого духа. Так, пренебрежение мнением ученых-востоковедов и уверенность в том, что сознание всех народов в основе своей одинаково, способствовало втягиванию страны в афганскую авантюру, с последствиями которой мы не разделились вплоть до настоящего времени.

Впрочем, не надо думать, будто задача проникновения в особенности национального менталитета относится лишь к другим странам. Считаться надо и с психологией собственного

народа, хотя политикам очень часто кажется, что знание этой психологии приходит чуть ли не автоматически и не требует каких-то особых усилий и специальных знаний. Примечательно, что практически во всех странах, добившихся значительных успехов в развитии, исследованиям, помогающим понять самих себя, уделяется очень большое внимание, а научная, научно-популярная и публицистическая литература на эту тему насчитывает множество названий.

История не раз свидетельствовала о бесплодности попыток механически копировать опыт других стран и народов; в силу многих причин, значительная часть которых связана с особенностями национальной психологии, они обычно приводят к совсем иным результатам, нежели те, на которые рассчитывали их инициаторы. В России на протяжении последних полутора десятилетий это происходило уже дважды. В первый раз при Горбачеве, который, судя по всему, надеялся разрешить назревший системный кризис советского общества путем его перестройки по западной политической модели, но не учел реальных интересов и природы боровшихся за власть в стране политических сил. II второй раз – при Ельцине, когда была предпринята попытка перенести в Россию неолиберальную модель экономики вместе с соответствующими ей жизненными принципами, психологическими ориентациями и формами социального поведения, исторически сформировавшимися на почве протестантизма (так называемая этика успеха).

Исторические сдвиги XX века стимулировали огромный интерес россиян к особенностям российского, в том числе русского, менталитета, проявляющийся не только в научных исследованиях и аналитических выкладках политологов, но и в дискуссиях, направляющих движение самой общественной жизни.

В последние лет двадцать изучение особенностей российского менталитета на основе философского осмысления культуры, психологии и истории обогащалось эмпирическими данными психологического тес-

тирования и социологических исследований. Это позволило новому поколению ученых и политиков рассматривать национальный менталитет не только в определенных результатах его деятельности, но и в живом процессе функционирования и приспособления к различным ситуациям и сферам деятельности, выявляющем характерные реакции и способы структурирования информации, склонности, динамику психических процессов, ассоциативную логику, уровень и взаимосвязь различных способностей. В большинстве работ, посвященных проблемам психологии русского политического менталитета и русского национального характера, отмечается ярко выраженная своеобразность, которая накладывает неизгладимый отпечаток как на государственный строй, так и на течение всей политической жизни, в особенности на формы политической борьбы.

Одна из особенностей любого, а значит, и российского национального менталитета – поразительная устойчивость, которая обеспечивается наличием в его структуре определенных **психологических констант**. Поэтому массовые психологические реакции и поведение россиян в типологически близких исторических ситуациях обнаруживают заметные черты сходства даже тогда, когда эти ситуации разделены столетиями. Довольно легко увидеть их, сопоставив, скажем, психологическое состояние российского общества и поведение россиян в смутные времена: начало XVII – начало XX – конец XX века (распад Советского Союза в 1991 году).

Среди констант национальной психологии отметим и **всечеловечность** русской души, ее открытость иным культурам и влияниям, что проявляется, в частности, в весьма высоком уровне межнациональной терпимости, умении адаптироваться к разным этнокультурным

условиям, в обостренном интересе к опыту других стран и народов, сопровождающемся готовностью опробовать и применять его у себя. Исторически такие черты способствовали успешному созиданию огромной многонациональной империи, которую цементировало умение русских находить общий язык с представителями самых разных культур и вероисповеданий. Психологии русских всегда была свойственна и способность принимать как своих выходцев из любых других национальных групп, что, кстати, всегда придавало российской государственной экспансии весьма специфический характер. Во всяком случае, ни одна другая империя на этом никогда не строилась. Например, англичане в Индии составляли особую касту, с закрытыми жилыми кварталами и клубами, куда практически не имели доступа даже представители местной знати. Точно так же речи не шло о том, чтобы индеец или тем более африканец стал высшим офицером британской армии. Напротив, среди русских генералов XIX – начала XX века были и немцы, и армяне, и грузины, и евреи, и финны, и представители мусульманских народов, причем, каких-либо значительных психологических трений это обстоятельство не вызывало. Вместе с тем, стремясь стать на точку зрения другого, русский человек подчас настолько боится чем-то задеть партнера, что проявляет поразительную уступчивость. Этот своеобразный комплекс не раз изумлял не только друзей, но и недоброжелателей, которые просто не могли взять в толк, как можно, например, раздавать с таким трудом когда-то приобретенные земли, или, пытаясь снискать расположение соседей, идти на явно невыгодные для себя уступки в вопросах юрисдикции над акваториями Арктики и Каспия.

Еще исследователей прошлого удивляла свобода, с которой неграмотные русские крестьяне рассуждали на

самые разные социальные и политические темы. Это качество сохранилось и в советскую эпоху. Проводившиеся в 1960–70-х годах исследования показали достаточно высокую компетентность простых советских людей в вопросах внешней политики, по крайней мере, на уровне знания имен и специальной лексики. Это, кстати, заметно отличает наших соотечественников от жителей некоторых других стран, в том числе американцев, которые, по признанию американских же исследователей, нередко лучше знают состав местной бейсбольной команды, чем имена лидеров крупнейших государств мира.

Отметим, однако, что широкий интерес к народам, культурам, политическим событиям в разных точках земного шара сочетается в психологии россиян с чрезвычайно развитой самокритичностью. Эта черта слишком часто принимает гипертрофированные формы, вплоть до пренебрежения собственным опытом и самоуничижения, доходящего до стремления к отказу от собственной идентичности.

Объясняется это, вероятно, в известной степени особенностями генофонда нации, определяющими частоту распространения устойчивых личностных характеристик. Так, психологические исследования зафиксировали у наших соотечественников сниженные показатели по уровню самоуверенности по сравнению с представителями других этнических групп. Уступаем мы другим национальностям (в частности, американцам) и по такому связанному с чувством уверенности психическому параметру, как «упругость эго» (способность восстанавливать ровное и хорошее расположение духа), зато превосходим их по фактору депрессии.

Архетипической чертой «русской души» многие русские мыслители признавали горячее стремление дойти до корня, отыскать настоящую правду,

воспринимаемую как некий абсолютизм. Причем, на пути к этому абсолютизму русские часто готовы беспощадно крушить то, что еще недавно казалось священным, правильным или, по крайней мере, вполне приемлемым...

А вот ссылки на **русский мессианизм**¹²⁸ не раз использовались в политике как доказательство особой опасности, исходящей от СССР, будто бы органически склонного к тотальной геополитической и идеологической экспансии. На самом деле мессианизм присущ не только русскому самосознанию. Самый яркий пример, конечно, США, где основатели видели возведенный Господом «град на холме».

Надо признать, что идеология исторической избранности неотделима от малопривлекательной склонности к поучениям, навязыванию своих, якобы универсальных представлений о жизни и от стремления вмешиваться в чужие дела. И все же русский «мессианизм», в отличие от других его вариантов, никогда не опирался на чувство национального превосходства, а, напротив, был тесно связан с идеей жертвенности (пострадать за все человечество), пусть даже эта жертва оказывалась никому не нужной и даже навязанной. Психологически русский мессианизм всегда коренился не столько в инстинкте преобладания (доминирования, господства и т.д.), сколько в стремлении к абсолютной правде и готовности идти за ней до самого конца.

Вообще, политические психологи, особенно сегодня, прекрасно понимают, что национальную психологию надо принимать как данность. Ее можно в определенных рамках корректировать, культивируя одни черты и сглаживая другие, но любые попытки сломать ее стереотипы, заставить людей быть другими не просто утопичны, но и вредны по своей сути. Кстати, не подлежит сомнению и то, что многие из психологиче-

ских черт массы тесно связаны со способностью к творчеству. Правда и в том, что некоторые качества, стимулирующие творчество, в других отношениях могут быть весьма неудобными. В частности, они сопряжены с некой неровностью в выстраивании социальных контактов и некоммуникабельностью. Так, например, не уступая американцам в склонности к самоанализу, личной автономии и мотивациям на достижения, русские заметно отстают по таким параметрам, как собранность, склонность к порядку, навыкам мысленного проектирования жизненных стратегий.

Психологические особенности ментальности позволяют понять некоторые стороны политической жизни вообще и российской в частности: крайняя неустойчивость, даже эфемерность подавляющего большинства политических движений, партий и объединений или неразвитость инфраструктуры гражданского общества.

Процесс общественной самоорганизации на протяжении всего периода становления молодой российской демократии поражал лавинообразным развитием – (новые общественные объединения в России возникали и возникают буквально сотнями) на фоне крайне низкого «коэффициента полезного действия». Вспышки активности моментально гаснут и не имеют устойчивого продолжения. Многочисленные и, казалось бы, весьма перспективные общественно-политические проекты захлебываются, потому что их инициаторы быстро охлаждаются к собственным начинаниям, и вместо слаженного хора всякий раз получается множество исполняемых в разной тональности сольных партий. Относительная устойчивость наблюдается лишь там, где структура не создавалась заново, а бралась уже готовой и лишь наполнялась

человеческим материалом (Федерация независимых профсоюзов, КПРФ и ряд др.).

Одна их специфических черт электората часто заключается в устойчивой ориентации на внешние признаки «силы». А вот интеллигентность в политике связывается с такими смысловыми оттенками восприятия, как «слабый», «зависимый», «неуверенный», вследствие чего она приобретает негативную окраску. Нетрудно представить, как влияет такая установка на состав и характерологические черты властных элит и опосредствованно на наличие у представителей верхов тесно связанных с интеллигентностью качеств: широту кругозора, профессионализм, способность справляться со сложными вопросами стратегического планирования.

Важным политико-психологическим фактором в современных условиях становится противоречие между самооценкой и политическим выбором. Наконец, сегодня обращает на себя внимание психологическая раздвоенность массы или электората: с одной стороны, ностальгия по основательности, порядку, с другой – сохраняющаяся, несмотря ни на что, симпатия к таким качествам, как рискованность, непредсказуемость, нетрадиционность, нередко сопряженные с «легкостью» и даже легкомысленностью. Получается, что, несмотря на горький опыт многих лет, массы психологически отнюдь не застрахованы от увлечения каким-либо понравившимся своей молодостью, бойкостью и раскованностью новым реформатором (даже авантюристом). Таким образом, многие бытующие в современном обществе политические стереотипы на поверку оказываются неадекватными, а основанный на использовании этих стереотипов политический выбор раз за разом приносит жестокие разочарования. Хотя люди, как правило, не склонны связывать неблагоприятное раз-

витие событий с собственными политическими установками. Неудивительно, что охвативший мир кризис принял затяжной характер, а не устраивающая большинство людей ситуация воспроизводится на протяжении уже нескольких избирательных циклов, хотя и с новыми действующими лицами. Это неизбежно ведет к массовым социальным неврозам, создает у рядового гражданина чувство бессилия, вызывает политическую и психологическую апатию.

Подмеченная многими исследователями сегодняшняя антиномичность, неудержимость народных масс, склонность увлекаться различными идеями и, в то же время, самокритичность, несистематичность в стратегии достижения целей, граничащая с неуверенностью в себе, во многом объясняют своеобразную цикличность мировой политической истории с присущим ей чередованием политических катастроф и периодов восстановления порядка, когда государственный деспотизм снова одерживает верх над стихией неистовой вольницы. И это объяснение вполне применимо к бурным событиям 2010–2011 XXI века (Африка, Азия, исконно «тихие страны» Европы и т.д.) совершившихся уже непосредственно на наших глазах.

Как же при таком порывистом и в чем-то даже безоглядном характере удастся поддерживать ритм мощной территориальной экспансии, осваивать огромные пространства и вообще решать организационно-политические задачи, требующие большой систематичности и целеустремленности?

Очевидно, пресловутая стихийность сочетается с другой константой – способностью к очень быстрой психоэнергетической мобилизации. Благодаря этому многие страны, в том числе и Россия, во всей своей мощи не раз возрождаются буквально из пепла, поражая мир исключительной быстротой и интенсивностью

этого процесса. Вместе с тем, как отмечается в трудах психологов, способность эта часто проявляется в достаточно специфической форме. Люди в массе своей не особенно склонны тратить избыток энергии на обустройство жизни в смысле изобилия материальных благ и удобств. По-настоящему они «выкладываются» обычно тогда, когда чувствуют, что их усилия направлены на достижение больших целей, способных удовлетворить потребность в осуществлении мессианского призвания. А если жизнь становится особенно тяжелой, безрадостной и, главное, бесперспективной, психическая энергия «переключается» на поддержание психического равновесия (пресловутое народное терпение), фактически это та же энергетическая мобилизация, но направленная на иную социальную задачу.

Психологическая конституция общества такова, что оно нуждается в некоторых внешних инструментах психологического саморегулирования. В качестве важнейшего из таких инструментов и выступает государство.

Неистребимое влечение простых людей к «сильной стране», резко контрастирующее с концепцией «минимального государства», дает повод говорить об отсутствии в менталитете идеи свободы, о невыделенности личности из социального целого, о психологической несамостоятельности сограждан и отсутствии духа инициативы. На самом же деле различия между, скажем, российским и западным обществом связаны не с оппозицией индивидуализма и коллективизма, а со спецификой проявления психологии индивидуалистических настроений. Причем распространились последние в России отнюдь не в результате перехода к рынку и демократии. Строго говоря, современный рыночный индивидуализм надо рассматривать как прямое продолжение адаптационного индивидуализма советского времени, формировавшегося на фоне офици-

ально декларируемого коллективизма в качестве стратегии личной конкуренции внутри общности.

Реальная проблема состоит в том, что дух личного соперничества у россиян часто проявляется в настолько эмоционально напряженной форме, что выходит за пределы разумного и принимает деструктивный характер. Вследствие этого стихия индивидуалистической энергетики у нас нуждается в сдерживающих ее твердых рамках, одной из которых и является государство. Чем сильнее индивидуализм, тем прочнее должна быть оболочка. Таким образом, стремление к усилению государства в России вырастает вовсе не из неразвитости индивидуального начала, а напротив, из его чрезмерности и связанного с этим инстинктом самоограничения.

Наличие устойчивых особенностей национального менталитета, конечно, не означает, что он представляет собой некую неподвижную метафизическую сущность. На самом деле, национальный менталитет меняется, хотя и очень медленно. Но механизм этого изменения носит весьма специфический характер: оно осуществляется не путем перестройки (как неизменно надеялись все российские утописты-реформаторы), а посредством наслаивания поверх древних архетипов все новых и новых смысловых пластов. Причем появление каждого нового пласта следует рассматривать не как простое добавление, а как изменение всего контекста смысловой репрезентации политической реальности.

К числу специфических особенностей политической психологии масс можно отнести и сохранение живого пласта ценностей, идей и представлений, формировавшихся в условиях традиционного общества. Часто носителем устоев традиционного общества вплоть до относительно недавнего времени были общины, деревенский мир, по законам которых много лет

назад жил большинство населения ныне развитых стран. Поэтому вполне уместно говорить о мощном деревенском пласте в национальной психологии как европейцев, так и американцев, и уж, конечно, россиян. Впитавший в себя эту своеобразную крестьянскую традицию человек всегда чувствовал, что он связан со своим государством тысячами тонких нервных нитей. И эта связь переживалась как очень личная. Посредническая роль каких-либо формальных институтов не признавалась, поскольку община ощущала себя не элементом гражданского общества, а базовой ячейкой государственности. Государство, с этой точки зрения, выступало как некое воплощенное «общее дело». И при этом некоторые элементы государственности могли мыслиться вне государства. И именно в соответствии с такими представлениями сегодня значительная часть населения как бы отделяет «собственно государство» от некоторых государственных же институтов (особенно от Государственной думы в России).

В полном соответствии с психологией общинной (артельной) жизни сограждане по-прежнему убеждены в том, что природные богатства страны составляют общее и нераздельное достояние: они должны принадлежать государству (мнение более чем 40% опрошенных) или народу (примерно 39% опрошенных). Рыночный же подход к этому вопросу (природные ресурсы должны принадлежать тому, кто стал их официальным собственником в результате реформ), судя по данным исследований, поддерживают лишь около полутора процентов россиян. Тем не менее, ценности и представления, восходящие к общинному быту и объединенные знаменитым у нас принципом соборности, все же нельзя считать выражением подлинной сущности народа. Дело в том, что в реальном политическом сознании народа они противоречивым образом

сочетаются с реформаторским комплексом, ориентированным на петровскую модель преобразований как на наглядный образец. Морфологически обособившейся в виде особой идеологии ипостасью этого комплекса, несомненно, является либеральное западничество. Но сами по себе реформаторские настроения шире, и их отнюдь не следует сводить к утверждению западных ценностей. Неслучайно, что несмотря на очевидные трудности и потери последних лет, почти 2/3 россиян выступают за продолжение реформ, настаивая, однако, на том, что они должны стать более разумными.

Нельзя не заметить, что психология наших сограждан по-прежнему отражает социально-исторический опыт советского времени. Именно отсюда россияне продолжают черпать представления о должном и справедливом; опираясь именно на этот опыт, строят модели ценностной самоидентификации. Там же локализованы и основные объекты и мотивы национальной гордости: это в первую очередь победа в Великой Отечественной войне (в ходе опросов данное событие неизменно выдвигают на первое место примерно 85% наших соотечественников, причем эта цифра практически не зависит от возраста, уровня дохода и образования), ликвидация неграмотности, создание мощной индустрии и освоение космоса (эти достижения набирают от 40 до 60% голосов респондентов). В то же время, выдающимися русскими самодержцами гордятся не более 12% наших сограждан, святыми и мучениками православной церкви – приблизительно 10%. Революция 1917 года уже не одобряется (ею гордятся только 8% респондентов), но и борьба белых с большевизмом находит эмоциональный отклик только у 2,5% россиян. С современными реформами также идентифицирует себя подавляющее меньшинство. Переход к демократии и

рынку в начале 90-х годов считают значительным достижением всего около 12% населения. Большинство же по-прежнему воспринимают как естественное и необходимое не только активное присутствие государства в экономике, но и его социальные обязательства.

Большое значение советского пласта в политической психологии россиян состоит в его всеобщности для представителей различных этносов. Единого советского народа не получилось, но степень психологической интегрированности многонационального российского общества за годы советской власти, несомненно, многократно возросла. Заметим, кстати, что этнические мотивы в современной России сравнительно мало влияют на идейно-политические предпочтения, тогда как, например, в США различия такого плана в ходе общенациональных голосований проявлялись достаточно сильно (известно, в частности, что афроамериканцы и наиболее бедные национальные меньшинства голосуют, в основном, за демократов).

Несомненно, рыночные и демократические реформы в России влияют на заложенные в структуре народной психологии базовые политические представления. Однако к чему это, в конечном счете, приведет, определить, подчас, сложно. Пока с уверенностью можно сказать, что стремление сломать традиционные стереотипы и модели мышления, привить россиянам миропонимание, сводящее смысл жизни к материальному потреблению, на сегодня не удалось. Начиная с середины 90-х годов в общественном сознании идет рода процесс восстановления шкалы ценностей, ставящей духовное выше материального, и реабилитации политической традиции исторической России. Одновременно, политический дискурс все чаще обращается к понятию национального интереса, отброшенного в сторону радикалами начала 90-х годов. Национальный

интерес и национальная безопасность выступают сегодня, по существу, как два главных, консенсусных, понятия, на базе которых сходятся различные политико-психологические типы российского общества.

Понятие государства включает в себя отчетливо выраженную **смыслополагающую функцию**. Это означает, что государство должно указывать общие цели и выстраивать вокруг них систему смыслов – картину будущей действительности, снимающую, в частности, психологически непереносимую противоречивость устремлений и ориентаций. Государство без концепции общего дела для большинства людей – не государство, а, в лучшем случае, его имитация. Такое положение психологически тяготит, делая и жизненные невзгоды, и прочую суету бессмысленными. Общество стремительно погружается в состояние эмоциональной напряженности и тотального разочарования, и только появление в новых президентов и премьер-министров с ясно заявленными программами восстановления сильного государства почти всегда может в значительной степени разрядить ситуацию.

Раздел III

Субъекты политического процесса с точки зрения психологии

3.1. Психология политического лидера

В начале главы рассмотрим достаточно известную традиционную типологию:

Типы политического лидера

- **1-й тип** – «аполитичные» политики. Высокая самооценка + сложность Я-концепции. Они ассимилируют новую информацию (без угрозы для Я-концепции), но для их реактивности существуют серьезные ограничения. Они чувствуют себя оторванными от других и с трудом реагируют на поведение своих последователей;

- **2-й тип** – «прагматики» (наиболее удачливый тип в политике). Низкая самооценка + высокая сложность Я-концепции, отвечающая на широкий круг социальных стимулов. Они прислушиваются к мнениям других и модифицируют свое политическое поведение на основе обратной связи;

- **3-й тип** – «идеологи». Высокая самооценка + низкая сложность Я-концепции, не реагирующие на мнение других. Их познавательные процессы и поведение очень жесткие, а самооценка чрезвычайно стабильна;

- **4-й тип** – «недетерминированные». Низкая самооценка + низкая сложность Я-концепции, которая сильно реагирует на узкий круг социальных стимулов.

Добавим:

- если у политического лидера **самооценка занижена**, то недовольство собой может быть движущей силой, толкающей на взятие все новых и новых барьеров в сфере внутреннего или внешнего поведения;

- **самооценка завышена** – не замечают реакций на свое поведение, упиваются собственным успехом, нарушена обратная связь. Или же, сталкиваясь с критикой, страдают от аффекта неадекватности;

- **самооценка адекватна** – лучший образец лидеров на политической арене. Политика их не детерминирована стремлением к самоутверждению; обратная связь работает стабильно. Такой политический лидер уважительно и высоко оценивает других лидеров.

Что движет политиком?

Попробуем рассмотреть потребности и мотивы лидеров, влияющие на их политическое поведение:

- во власти;
- в контроле над событиями и людьми;
- в достижениях;
- в аффилиации¹²⁹.

Желание власти – вот его причины:

- чтобы доминировать над другими или депривировать их;
- чтобы другие люди над ними не доминировали, или не вмешивались в их дела;
- чтобы осуществлять политические достижения (власть-инструмент).

В порядке компенсации политический лидер всегда старается найти себе сферу деятельности, в которой он мог бы продемонстрировать свою компетенцию и достоинство. При достижении власти и пользовании ею, политический лидер уменьшает напряжение. В ряде случаев он испытывает чувство эйфории.

Ряд американских специалистов в области политической психологии выделяет и виды эйфорических чувств (корни можно обнаружить в концепциях А. Адлера):

- чувство собственной незначительности компенсируется чувством уникальности;

- чувство моральной неполноценности компенсируется чувством превосходства;
- чувство слабости компенсируется чувством обладания высшей силой;
- чувство посредственности компенсируется чувством обладания высшими способностями;
- чувство интеллектуальной неадекватности – чувством интеллектуального превосходства и компетентности.

Есть и такое суждение: **власть – влияние политического лидера на другого; сила власти – максимальная потенциальная способность лидера влиять на другого человека в некоторой заданной системе.** В связи с этим определим источники власти:

- наградительные** (убеждение, что носитель власти способен наградить);
- принудительные** (убеждение, что способен наказать);
- законные** (убеждение, что имеет законное право);
- референтные** (основаны на идентификации другого человека с политическим лидером);
- **экспертные** (убеждение в том, что лидер – авторитет, эксперт).

На сегодняшний день мы можем определить и различные образы власти, к которым стремится политический лидер в своей деятельности, исходя из собственного восприятия:

- а) личная власть над другими политическим лидером – например, субъектом международных отношений – **образ-знание** о личной власти над другим политическим лидером, исходящий из имеющейся информации о том, как эта власть может осуществляться, какие средства нужны для ее поддержания, какие плюсы и минусы она дает и т.д.; **образ-значение** личной власти над другими политическими лидерами,

личностный смысл этой власти; **образ потребного будущего** состояния этой власти, желаемого политическим лидером; то, к чему он в конечном итоге стремится; **образ-прогноз** – насколько вероятно достижение такой личной власти над другими политическими лидерами на международной арене;

б) власть государства на международной арене. Стремление к утверждению власти своего государства над другими политическими лидерами исходит из образа-знания государств – объектов, типа отношений между ними и многого другого. От адекватности этого образа-знания зависит продуктивность избранного внешнеполитического курса. **Образ потребного будущего** отражает одну из главных стратегических целей политического лидера – мотивирует его внешнеполитический курс.

Если говорить о потребности политического лидера в личном контроле над событиями и людьми, то эта потребность – проявление базовой человеческой потребности в контроле внешних сил и событий, влияющих на нашу жизнь. Личный контроль имеет два измерения: **степень и сферу**. **Степень личного контроля** имеет прямое отношение к убеждению человека в его способности контролировать события и людей. Это связано с двумя важными способностями:

- способностью развивать и использовать навыки в достижении личных целей;
- способностью к успешной проверке реальности.

Сфера контроля – широта области жизненного пространства и деятельности, которую политический лидер ищет для своего влияния. Чем шире сфера личного контроля, тем обычно меньше его степень, поскольку у политического лидера

ограниченные возможности и навыки. Правильность и успешность выбора политическим лидером области для своего контроля зависит во многом от адекватности его Я-концепции и самооценки.

Потребность лидера в контроле над международными событиями тесно связана с потребностью во власти. Если политический лидер убежден, что история прогнозируема, контролируема и управляема, то международные события представляются объектом приложения его силы для придания им нужного направления развития. Возможен широкий спектр: от моментальной реакции в виде военного вмешательства или экономических санкций. Если политический лидер убежден, что история развивается по собственным, независимым от человека законам, что контроль над событиями желателен, но почти невозможен, то в этих случаях внешнеполитический курс, нацеленный на пассивное наблюдение и невмешательство во внешние ситуации, будет, скорее всего, изоляционистским.

Потребность в контроле над другими политическими лидерами проявляется в том, что политический лидер – субъект восприятия должен определить для себя ряд существенных характеристик политического лидера – объекта восприятия. Является ли объект лидером государства-союзника, нейтрала или же противника. Если объект – лидер государства союзника, то какого: старшего, младшего или равного. То же по отношению к государствам-противникам. Также важно: стиль лидерства (авторитарный или демократичный); сильные и слабые стороны его личности; внешнеполитические цели и убеждения объекта.

Потребность политического лидера в достижении проявляется в заботе о совершенстве, мастерстве, поведении, направленном на достижение. Президент с потребностью в достижении будет активным, хотя и не

обязательно любящим свою работу. Такие политические лидеры ищут власти, чтобы достичь своей цели. Они более спокойно относятся к изменениям в окружающем мире. Люди обычно воспринимаются как факторы, помогающие или мешающие достижению. Политические лидеры с высокой мотивацией достижения избегают зависимости: от кого-либо или чего-либо.

Потребность в аффилиации подразумевает дружественные, социабельные отношения с другими людьми. Более вероятно, что выберут своими советниками лояльных друзей, а не экспертов. Характерно предпочтение диадических¹³⁰ отношений групповым. Такие президенты менее популярны в обществе, легко подвергаются влиянию других людей. Можно увидеть это и так:

а) поиск одобрения со стороны других людей:

- политическая деятельность как способ заслужить одобрение внутри собственной страны у референтных для него лиц;

- лидер может действовать таким образом, чтобы его одобрили референтные лица – лидеры других стран, движений, блоков; положительный образ в массовом сознании его не трогает;

б) поиск одобрения со стороны своей страны; нередко опирается на некие усредненные нормы;

в) поиск одобрения со стороны других стран.

Несколько слов о модели мотивационных комбинаций у политических лидеров:

1. Модель мотивации создания личных анклавов. Политический лидер заинтересован в установлении контроля над происходящим, и в то же время культивирует дружественные отношения с теми, над кем имеет власть. Потребность во власти равна потребности в аффилиации.

2. **Модель имперской мотивации** (потребность во власти выше потребности в аффилиации). Приобретает власть, подчиняя свою волю воле группы. Любит работать, чувствует обязательства перед группой.

3. **Модель мотивации конкистадора**. Подобны феодальным господам. Контролирует ситуацию в целом, власть достигается с помощью грубой силы.

Разговор о том, как лидер *ориентируется* в самой политике, станет основой для размышлений об убеждениях, влияющих на политическое поведение – **философские (стратегические)**: природа политики; образ оппонента; образ союзника; о контролируемости истории; оптимизм-пессимизм; **инструментальные (тактические)**: выбор цели с помощью прагматического решения проблемы или моралистической идеологии; приоритеты; своя способность контроля над риском; выбор времени действия; используемые средства.

Система убеждений выполняет такие взаимодополняющие функции: помогает определить ситуацию и установить ее наиболее выделяющиеся характеристики; создает средства для понимания политической и международной систем и потенциала для действия в них; задает параметры, которые устанавливают круг возможных действий и приоритетов среди них.

Системы убеждений различаются и по своей форме. Их важные параметры: степень открытости и степень сложности системы убеждений политического лидера.

Система политических убеждений тесно связана с мотивами. Выделяют два основных типа политических убеждений (А и В) и кластер системы убеждений типа DEF. Для кластера системы убеждений типов DEF ведущей потребностью будет потребность во власти и низкая потребность в достижении аффилиации.

А – сильная потребность в аффилиации и низкая – во власти и достижении. Характерны убеждения:

-конфликт в международных отношениях – ненормально;

-существует временная (по крайней мере) гармония интересов;

-источник конфликтов в человеческой природе.

В – все наоборот – убеждения:

-конфликт – явление временное;

-источник конфликта – агрессивные государства;

- необходимы силовые методы.

Стиль принятия политических решений – это, прежде всего, индивидуальные методы принятия решения.

Их компоненты:

- подход к получению новой информации;

- характеристики мышления;

- предпочтение определенной величины риска;

- когнитивная сложность, т.е. способность к анализу и синтезу;

- информационные процессы;

- способность противостоять двойственности.

Стиль принятия политических решений может быть:

-гибкий со склонностью к риску;

- гибкий со склонностью к осторожности;

- жесткий с риском;

- жесткий с осторожностью.

Отметим и **стили межличностного общения** политического лидера: доминирование, экстраверсия, недоверие, макиавеллизм.

А теперь о важном сегодня: как политик реагирует на кризисный синдром: устойчивость к стрессу, механизмы его преодоления, измененная речь, напряженность тела, сопровождающаяся необычными движениями, перверсии, мигание, жестикуляция, игра с

разнообразными предметами, мимика и пр. Мы только что здесь упомянули об устойчивости к стрессу – активизация защитных личностных механизмов; борьба с угрожающей ситуацией; бездействие.

Теперь, когда, кажется, расставлены все точки над *i*, поговорим о влиянии, как процессе взаимодействия между людьми, и через него-то поведение одного или нескольких людей производит изменение в состоянии других. Важными механизмами и краеугольными камнями в основании власти становятся акцентирование на иррациональных моментах и влияние на основе внушения и гипноза. **Личностное влияние лидера проявляется через составляющие его имиджа, то есть, через персональные и социальные характеристики лидера и, конечно, его внешность.**

Социальные характеристики – достаточно подвижная часть имиджа лидера, тесно связанная с требованиями реальности. Символические характеристики являются крайне устойчивым и неизменным компонентом. Они связаны с идеологиями и культурными архетипами. Это некий постоянный набор черт и качеств, который обязательно должен демонстрировать политик, чтобы его последователи увидели в нем лидера: лидер должен конструироваться как лицо деятельное, активное. Образ деятельного лидера составляется в глазах публики не только и не столько реальными действиями и инициативами, а с помощью слов и речей. Впечатляющие решения, предложения и перспектива, предложенные им в выступлениях, будут способствовать его популярности больше, чем неуклонные, постепенные и малозаметные действия. Чтобы действия были восприняты публикой с энтузиазмом, они должны быть достаточно решительны и поражать воображение. А как это сделать?

- чрезвычайные события и критические ситуации могут быть созданы с помощью слов;
- конструирование врагов;
- грандиозные планы и проекты, которые либо воплощаются в жизнь, либо нет.

А уж действия лидера всегда должны оцениваться как успешные, правильные и победоносные!

Примечательно и то, что мы можем здесь отметить явную власть языка при особом языке власти:

- информация, которая содержится в речи;
- как преподносится эта информация, какие логические или эмоциональные аргументы приводятся в защиту рекомендуемого мнения. И здесь всю используют следующие методы:

- засекречивание информации;
- предоставление информации именно той, которую выбирает лидер;
- цензура, обработка готовых материалов;
- внешний контроль над прессой;
- утечки информации;
- драматизация политических событий;
- создание политического спектакля.

А как все это проговаривать, произносить?

Определим:

- контекст влияет на восприятие сообщения;
- любая речь должна быть услышана и понята;
- речь должна быть проблемной;
- неплохо пользоваться риторическими вопросами;
- язык, используемый оратором, должен быть понятен, родственен языку аудитории;
- максимальное членение речи на тезисы;
- личное обаяние, умение эмоционально уговаривать;
- вначале следует выражать взгляды, которые разделяются аудиторией;

- в начале сообщения можно высказать взгляды, якобы противоречащие собственным интересам говорящего;
- источник называть в конце сообщения;
- воздействовать на толпу лучше без логических доказательств;
- чаще повторять.

Политические мифы – эмпирический, но обычно не проверяемый объяснительный тезис, который предопределяет простейшую причинную теорию политических событий и широко поддерживается публикой. Мифы определяют отношение человека к определенным событиям, его поведение, возможно, всю жизнь.

В политике используются и особые психологические сигналы, основанные на том, что многие слова, предметы, события имеют для ряда людей, помимо их общепринятого фиксированного значения, еще и некоторую эмоциональную нагрузку, ассоциативную связь с другими словами, предметами или смыслами.

А сейчас рассмотрим, как политический лидер выглядит со стороны.

Информация о конкретном политическом лидере концентрируется в некоем образе-знании, формируемом у социальных групп. Формирование этого образа определяет несколько факторов: особенности коммуникативной системы, комплекс ценностей, свойственных данной группе последователей; своя система представлений и установок; социальное приписывание, включающее мотивационные факторы (влияние идеологических и партийных предпочтений, личности политика, других мотивационных факторов); существующие уже прототипы политического лидера; ролевые предпочтения группы; восприятие массами партии, нации и социальных групп как референтных; эмоциональные факторы.

Каждый лидер, конечно, обладает специфическими чертами характера, своими, только ему свойственными методами руководства, воздействия на массы, способами достижения поставленных целей и т.д. Исходя из различных критериев, можно достаточно конкретно выделить разные типы лидеров.

По масштабности различают лидеров **общенациональных, определенного класса, тех или иных социальных слоев.**

Лидеры разделялись **на львов и лис.** Тип политика-лисы соединяет в себе такие качества, как умение лавировать, предугадывать ход событий, скрывать свои истинные цели, намерения, быть хитрым, осторожным, уметь не попасть в расставленные капканы, запутать свои следы и т.д. Политики-львы чаще всего действуют прямолинейно, методом силового давления и чаще всего попадают в капкан. Их основной принцип – сокрушить противника в решающий момент в открытом бою. **Идеальный тип – политик, обладающий сокрушающей силой и твердостью льва, ловкостью и хитростью лисы.** Редкое явление, кстати. Если проецировать данную типологию на прошлых лидеров нашей страны, то в характере и деятельности М. С. Горбачева преобладают черты лисы, а Б. Н. Ельцина – черты льва, хотя, по мере приобретения политического опыта, деятельность последнего становилась все более гибкой, маневренной.

Еще одно деление лидеров на две категории: **преобразователи и дельцы.** Первые действуют в соответствии со своей концепцией общественного развития. Вторые – сосредотачивают внимание на деталях, без формирования глобального взгляда на то, каким должно быть общество в конечном итоге. По-видимому, лидерство, вытекающее из партийно-

политической деятельности, в нормальных условиях приводит к «деловому» типу, а в революционных – к «преобразующему».

Известна типология, разработанная немецким философом и социологом М. Вебером. Он выделил **традиционное лидерство**, основанное на вере в святость и неизменность традиций (лидером становятся в силу традиций, например, когда сын монарха наследует пост отца после его смерти); **харизматическое лидерство**, опирающееся на веру в исключительные способности вождя, который обладает харизмой, ниспосланной ему Богом; **рационально-легальное лидерство**, основанное на вере в законность существующего порядка, избрании и деловой компетенции индивида¹³¹. Наиболее интересным Вебер считал **феномен харизмы**. Он основан исключительно на личности лидера, которому приписываются божественные способности. Взаимоотношения между ним и массой носят эмоционально-мистический характер. От масс требуется полная личная преданность вождю, который выполняет «историческую миссию». Смена у власти такого лидера связана с большими трудностями, ибо не может осуществляться в соответствии с укоренившимися традициями или действующими юридическими нормами. Обычно начинается ожесточенная борьба за власть, что ведет к неустойчивости политической системы. Харизматический тип лидера исторически встречается в самых разных политических системах¹³². В качестве примера подобного типа можно привести Ю. Цезаря, Наполеона, Гитлера, Муссолини, Ф. Кастро, Ким Ир Сена, Мао Цзэдуна, Ленина, Сталина. Такой тип лидера нельзя оценивать однозначно. В период глубоких структурных трансформаций харизмати-

ческий лидер иногда самим фактом своего существования способен сплотить нацию, вселить веру в успех преобразований. Вместе с тем, у масс нередко формируется патерналистское¹³³ сознание, они перекладывают заботу о своем существовании, разрешении всех возникающих проблем на плечи руководителей.

Известный польский ученый Ежи Вятр (род. 1931) выделяет тип **лидера-идеолога** и **лидера-прагматика**. Первый верен идеологии своего движения даже при угрозе потери власти и влияния, второй способен отказаться от идеологических принципов во имя сохранения власти. В зависимости от отношения к сторонникам **лидер-харизматик** формирует волю других, **лидер-представитель** выражает волю тех, кто за ним стоит. По отношению к противникам Вятр выделяет тип **лидера-соглашателя**, который, насколько это возможно, стремится к смягчению конфликта, нахождению компромисса, и **лидера-фанатика**, стремящегося к максимальному обострению конфликта, уничтожению противника любой ценой. В зависимости от степени, в какой политик способен пересматривать ранее сформулированные суждения, учитывать чужие мнения, воспринимать критику в свой адрес, Вятр выделяет тип **открытого лидера** и **лидера-догматика**¹³⁴.

Любопытная типология, с точки зрения национально-эпических архетипов, предложена отечественный исследователь, писателем Константином Плешаков. Он считал, что Сталин – это Георгий Победоносец, Хрущев – Иван-царевич, Брежнев – Емеля...

Типологий много, но, в основном, созданы они не психологами, а социологами, поэтому за основу берутся, в основном, следующие критерии: отношение

к власти, способы и методы достижения поставленных целей, тип деятельности, отношение к действительности. Для нас интерес может представлять, например, деление лидеров на **эгоцентрический** и **социоцентрический** типы.

Эгоцентрический тип лидера ориентирует власть на себя. Власть может иметь различную ценность для того или иного политика. Она может рассматриваться как инструмент компенсации неполноценности, изначальных физических или психических недостатков личности, которые мобилизовали ее на большие достижения (эта идея высказывалась Лассвеллом и др.). Такой подход не лишен основания - известно, что Дж. Кеннеди с детства страдал от травмы позвоночника, Сталин – от дефекта руки, рябинок на лице, маленького роста. От комплекса неполноценности в детстве страдали Вильсон, Рузвельт. Имея право на существование, такая точка зрения, пожалуй, является узкой, не отражающей всей сложности жизни, ибо среди страдающих от комплекса неполноценности чаще встречаются пассивные люди. Власть может рассматриваться также и как средство получения материальных и нематериальных благ (богатство, слава, престиж, известность, популярность, доступ к высшим слоям общества и др.) или как способ господства над другими, получения удовольствия от чьей-то зависимости по отношению к себе (своеобразный политический садизм).

Социоцентрический тип властвующего лидера главный смысл деятельности видит в служении Отчизне, выполнении общественного долга. Социоцентрическую ориентацию невозможно определить по тем или иным заявлениям лидера. Оценки делает сама история. Кроме того, эгоцентрические и социоцентрические мотивы не

обязательно должны исключать друг друга. Можно одновременно испытывать желание служить Отчизне, народу и тут же прославиться, разбогатеть.

По отношению к действительности можно выделить такие типы лидера: **реалист, фанатик и романтик**. Как известно, политика – искусство возможного.

Реалист, выдвигая адекватные общественным потребностям цели и задачи, исходит из объективной реальности, какой бы хорошей или плохой она ни была, из соотношения сил, уровня сознательности масс, степени их подготовленности к выполнению поставленных задач.

Фанатик руководствуется своими идеологическими устремлениями, навязывая их обществу, совершенно не считаясь с реальностью. В центре его ориентации – гипертрофированная потребность во власти, достижении своих целей любой ценой. Отсюда – нетерпимость к инакомыслию, любым возражениям, представлениям, отличным от его понимания способам и методам осуществления власти, решения тех или иных проблем, патологическая подозрительность, настороженность ко всему, что противоречит созданному им образцу, мнению.

Лидер-романтик на первых порах может воодушевить, увлечь массы какой-либо яркой идеей, обещаниями скорейшего воплощения мечты в жизнь. Такой тип политика не обладает развитой способностью адекватно реагировать на изменившиеся условия и корректировать свои действия. Это вовсе не означает, что он не замечает изменений, но он не осознает, что для реализации выдвинутой идеи необходима, прежде всего, зрелость общественных отношений, а не простое ее провозглашение. Неизбежные трудности приводят

романтика к растерянности, он действует порой необдуманно, поспешно. Острый ум, неуемная жажда перемен, смелость, склонность к риску, торопливость, скоропалительность, эмоциональность, растерянность и отчаяние при первых трудностях – характерные черты политика-романтика.

Любой политик нуждается в поддержке масс, без которой невозможно воплотить в жизнь выдвинутую программу. Что же отличает политика, за которым идут массы? Следует отметить, по крайней мере, два момента. Во-первых, лидер должен вести за собой массы. Выражая их чаяния, настроений, интересы Он обязан видеть отдаленную перспективу, просчитывать политические и социальные последствия идей, лозунгов, реальных шагов. А лидер-популист¹³⁵ плетется в хвосте масс, потакая настроениям, эмоциям толпы. Во-вторых, в политическом процессе массы всегда стремятся действовать путем прямого, силового давления. Поэтому лидер должен не только активизировать, но и сдерживать там, где это необходимо, революционное нетерпение масс. Популист же, играя на эмоциях толпы, подогревает ее недовольство и озлобление, разжигает страсти. В условиях сегодняшнего неустойчивого состояния общества, нетерпимости, нестабильности вывести страну на цивилизованный путь развития способен лидер, обладающий выдержкой, способностью к консенсусу, принятию решений, отвечающих долговременным целям и интересам народа.

Мы представили несколько фрагментов типологий политического лидера, которые, конечно, не являются исчерпывающими. Кроме того, теоретический анализ, даже самый тщательный, не может охватить всей сложности и многогранности жизни. Реальная политическая практика всегда богаче теории и

порождает чаще всего **комбинированные типы лидеров и их различные модификации.**

Итак, **резюмируем: феномен лидерства – нечто совершенно особенное в политической психологии.**

Во-первых, это, безусловно, одна из наиболее ярких и ведущих проблем. Если для политической науки в целом главной проблемой является власть, то для политической психологии – конкретное выражение этой власти в том самом «человеческом факторе» политики, который она изучает. И это конкретное выражение имеет две ипостаси. **С одной стороны, власть в политико-психологическом измерении – это способность властвующего («верхов») заставить себе подчиняться, то есть некоторая потенция лидера, политического института или режима. С другой стороны, власть в том же самом политико-психологическом измерении – это готовность «низов» подчиняться «верхам». Так возникают две стороны одной медали феномена лидерства: способность «верхов» и готовность «низов». И каков «удельный вес» каждого из этих компонентов, зависит от многих обстоятельств, а точнее, от каждого конкретного случая. Изучение феномена лидерства позволяет рассматривать названные компоненты в единстве и взаимодействии.**

Во-вторых, феномен лидерства – наиболее активно изучаемая проблема политической психологии. Именно здесь накоплен основной массив исследований, концепций и попыток теоретического обобщения. Именно здесь наиболее полезно и продуктивно постоянное обращение к истории проблемы, углубленный исторический экскурс в проведенные ранее исследования. В изучении

феномена лидерства, в отличие от ряда других разделов политической психологии, пока еще нет «окончательного диагноза», который позволил бы кратко суммировать и обобщить имеющиеся достижения, отбросив заведомо неверные концепции.

В-третьих, это наиболее продуктивная и благодарная для политических психологов проблема. Занятие ею обеспечивает интерес широкой публики и, одновременно, спрос со стороны самих политиков. То есть, одновременно приносит редкое сочетание – и славы, и денег. Все сказанное и объясняет то повышенное внимание, которое проявляется к данной проблеме во всей науке.

Личность политического лидера действительно является сложнейшим многомерным образованием и состоит из множества различных взаимосвязанных структурных элементов. Не все они в одинаковой степени ответственны за политическое поведение и проявляются в нем. Однако, после многочисленных исследований удалось выделить наиболее влиятельные личностные характеристики, которые можно сгруппировать так:

- представления политического лидера о себе самом;
- потребности и мотивы, влияющие на политическое поведение;
- система важнейших политических убеждений;
- стиль принятия политических решений;
- стиль межличностных отношений;
- устойчивость к стрессу.

Самооценка человека, будучи не всегда адекватной, может стимулировать поведение его в отношении политически релевантных целей – власти, достижений, контроля и других. Личные ценности или потребности могут быть рассмотрены как эго-мотивы, поскольку

они часть эго-системы личности. Низкую самооценку, например, могут составлять пять субъективных негативных чувств в отношении себя в различных их комбинациях:

- 1) чувство собственной неважности, незначительности;
- 2) чувство моральной неполноценности;
- 3) чувство слабости;
- 4) чувство посредственности;
- 5) чувство интеллектуальной неадекватности.

Вообще, политический лидер в любой ситуации за редким исключением ведет себя в соответствии с собственной Я-концепцией. Поведение его зависит от того, кем и как он себя осознает, как сравнивает себя с теми, с кем взаимодействует. Я-концепция, то есть осознание человеком кто он, имеет несколько аспектов. Наиболее существенные из них это – образ «Я», самооценка и социальная ориентация политического лидера. **А самооценка может быть выражена как отношение наших достижений к нашим претензиям.** Под социальной ориентацией подразумевается чувство автономности в противоположность чувству зависимости от других людей в самоопределении. По мнению американских ученых Д. Оффера и Ч. Строзаера, «Я» политика, разделено на шесть частей, тесно взаимодействующих. Это: физическое Я, сексуальное Я, семейное Я, социальное Я, психологическое Я, преодолевающее конфликты Я¹³⁶.

*По поводу **сексуального Я**, то есть представлений политика о своих претензиях и возможностях в этой сфере, ученые отмечают отсутствие статистических данных о том, как сексуальные предпочтения или сексуальное поведение связано с лидерскими способностями. Сомнительно, что президентом современного развитого государства может стать гомосексуалист или, к примеру, эксгибиционист. Прежде всего, такие*

наклонности закрыли бы ему путь в большую политику вне зависимости от лидерских качеств. Вообще, истории известны тираны, отличавшиеся патологией сексуальной сферы и нередко страдающие различными извращениями.

Семейное Я является очень важным элементом личности политика. Хорошо известно, и, прежде всего, из психоанализа, какое огромное влияние оказывают отношения в родительской семье на поведение взрослого человека. Некоторые политические лидеры преодолевают ранние травмы и конфликты, другие — нет, и, становясь лидерами, переносят фрустрации из своего детства на свое окружение в стране и в мире.

Для людей, находящихся на высшем государственном посту, очень важно обладать способностью к совместной деятельности с другими. Представления политика об этом качестве отражены в **социальном Я**. Политический лидер должен научиться тому, как вести переговоры и как стимулировать своих коллег к проявлению их лучших качеств. Он должен быть способным использовать навыки межличностных отношений для эффективной работы с различными, порой враждебными группами людей, с лидерами других стран.

Психологическое Я составляют представления о своем внутреннем мире, фантазиях, мечтах, желаниях, иллюзиях, страхах, конфликтах — важнейшем аспекте жизни политического лидера. З. Фрейд говорил, что психопатология — участь обыденной жизни. Как и у обычных людей, у лидеров нет врожденного иммунитета от невротических конфликтов, психологических проблем, а иногда и более серьезных форм психопатологии, таких как психоз. Страдает ли политик от осознания собственных страхов или относится к этому спокойно, или даже с юмором — проявляется в его поведении, особенно в периоды ослабления самоконтроля.

Преодолевающее конфликты Я — представления политического лидера о своей способности к творческому преодолению конфликтов и нахождению новых решений для старых проблем. Лидер должен обладать достаточными знаниями и

интеллектом, чтобы воспринять проблему. Он должен быть достаточно самоуверенным при принятии политических решений, чтобы суметь передать эту уверенность другим. Иной аспект преодолевающего конфликта Я — осознание лидером своей способности к преодолению стрессов, связанных с его ролью и деятельностью на посту, например, главы государства. Стресс может привести к тяжелым симптомам, которые самым серьезным образом ограничивают интеллектуальные и поведенческие возможности политического лидера. Он может увеличивать жесткость познавательных и мыслительных процессов в исторически сложные моменты, приводить к снижению гибкости и самообладания, в особенности тогда, когда они необходимы.

Самооценка политического лидера накладывает заметный отпечаток на внутри — и внешнеполитический курс его страны. Если у него в течение жизни сформировалась заниженная самооценка, то постоянное недовольство собой могло быть той самой движущей силой, которая толкала его на взятие все новых и новых барьеров в сфере внутренней или внешней политики. Таким был американский президент Никсон, таким был и президент Рейган. Каждой своей победой они постоянно доказывали себе, что чего-то стоят. Но взятые барьеры их уже не радовали. И они стремились к новым, чтобы опять удостовериться в собственной значимости. Заниженная самооценка толкает политического лидера к великим шагам на международной арене: крупномасштабные военные или, наоборот, миротворческие акции, неожиданные для окружения экстравагантные повороты во внешней политике и многое другое. Нынешний президент США Барак Обама войдет в историю, помимо прочего, и тем, что в его президентство были уничтожены великий террорист Усама бен Ладен и ливийский диктатор Муаммар

Кадафи. Для ряда политиков именно международные отношения становятся такой сферой, в которой они как лидеры государства могут самоутвердиться, компенсировать заниженную самооценку. И Никсон, и Рейган не были порождением американского истеблишмента, они явственно ощущали, что он не принял их – на международной арене никто не мог смотреть на них свысока. Наоборот, среди прочих глав государств они были лидерами самой сильной военной и экономической державы. Уважение к ним, страх перед ними, зависимость от них со стороны глав других государств, людей, стоявших над собственным истеблишментом, давали возможность этим президентам забыть об унижении и презрении, которые они ранее пережили. В отечественной истории заниженной самооценкой обладали Сталин и Хрущев.

Лидеры государств с завышенной самооценкой, переоценивая собственные качества политика и главнокомандующего, зачастую не замечают всеобщей и внешней, и внутренней реакции на свой курс на международной арене. Они упиваются собственным успехом (даже если он мифический) и относят критику к злобствующим завистникам – здесь можно говорить о нарушении обратной связи между последствиями политического действия и субъектом. Почти никакие последствия не способны заставить такого лидера испугаться или содрогнуться от мысли о том, к чему могут привести его поступки. Другой тип лидеров с завышенной самооценкой, сталкиваясь с недооцениванием их политики как в стране, так и за рубежом, страдает от аффекта неадекватности. Когда их политика строилась, с их собственной точки зрения, на принципах высокой морали или же казалась им продуманной и продуктивной, а воспринималась как безнравственная или же бессмысленная, такие политические лидеры шли на

самые неожиданные шаги. И чем больше они обижались и переживали, тем чаще повторяли аналогичные политические акции, еще больше вызывая неодобрение. Американский президент Джонсон очень страдал, что вьетнамская война стала вызывать негативное отношение и в США, и в мире. Его близкие советники отмечали, что часто, получив донесение об острой негативной реакции в других странах и в различных слоях американского общества, сетуя на то, что его не ценят, не любят и не понимают, он отдавал приказ об очередной бомбардировке Вьетнама – круг, как говорится, замыкался...

Лидеры с адекватной самооценкой представляют лучший образец партнеров на политической арене. Их внешняя и внутренняя политика не мотивирована стремлением к самоутверждению, обратная связь между последствиями акций и ними самими работает неукоснительно. Адекватно оценивающий свои политические способности лидер, как правило, уважительно и высоко оценивает и других. Не боясь, что его унижат, обидят, обойдут, твердо зная собственную цену, считая себя не хуже тех, с кем ему приходится взаимодействовать, такой лидер будет вести политику, которая позволила бы добиться поставленных целей и дала бы обоюдную выгоду. Отсутствие невротического компонента в самооценке означает и его отсутствие и в политическом поведении.

Принятое в психологии понимание лидерства как свойственного лишь малой группе было обусловлено не столько теоретическими позициями разных исследователей, сколько идеологическими и политическими заказами и запретами недавнего прошлого, когда недопустимо было даже теоретически предположить, что руководители партии и государства – не лидеры. Главой государства в течение десятилетий оказывались руководители, назначаемые на этот пост и не проходящие сложной

процедуры выборов, присущей феномену политического лидерства. Можно констатировать, что в нашей психологии вопрос о политическом лидерстве, т.е. о лидерстве на уровне больших социальных групп, вообще не поднимался, если не считать робких попыток рассмотреть феномен руководства. В западной же литературе возобладали тенденции прямого, механического перенесения личностных характеристик и механизмов лидерства в малых группах на личность политического, государственного деятеля и на механизмы лидерства в больших системах. В разрабатывавшейся у нас теории политической психологии (как и в других областях психологии) в качестве основы изучения проблемы лидерства был взят деятельностный подход, предложенный А. Н. Леонтьевым, в соответствии с которым главными детерминантами процесса лидерства были цели и задачи группы, определявшие, кто станет лидером и какой стиль лидерства окажется наиболее эффективным. До некоторой степени этот подход пересекается с американскими ситуативными теориями лидерства. Общее между ними в том, что оба подхода направлены на выявление связи и зависимости между явлением и институтом лидерства, с одной стороны, и той средой, в которой это лидерство осуществляется. Разница состоит в том, что ситуативные теории учитывают черты, характерные для среды лидерства: время, место, обстоятельства групповых действий, т.е. внешние параметры, относящиеся и к лидеру, и к возглавляемой им группе в целом. Деятельностный же подход акцентирует внимание на таких внутренних характеристиках группы, как цели, задачи и состав. Естественно, в советский период исследования феномена лидерства проводились исключительно с точки зрения деятельностного подхода и в русле проблематики малых групп. Основным акцентом в этих исследованиях было создание методик для выявления лидера в группе, определения его стиля. Однако один из важнейших вопросов, встающих при анализе проблемы, вопрос о происхождении феномена лидерства — конечно, не поднимался. Среди различных аспектов лидерства политическое лидерство занимает осо-

бое положение. Его отличительная черта – неразрывны связь с феноменом власти. Политическое лидерство, безусловно, шире, чем любая другая форма лидерства, и по этой причине оно представляет собой особый род власти. Это одна из самых высоких и самых всеохватывающих форм власти. Власть – главный ингредиент лидерства, поскольку оно состоит в способности одного или нескольких лиц, находящихся на вершине, заставлять других делать то позитивное или негативное, что они, вероятно, не делали бы вообще.

Наряду с формальным существует и неформальное политическое лидерство. Лидер может не занимать высоких государственных или партийных постов, но при этом оказывать значительное влияние на политические события.

Сам потенциал лидерства, с психологической точки зрения, представляет собой совокупность качеств, которые указывают на способность личности (или, реже, группы) побуждать других действовать, воодушевляя и уверяя людей в том, что избранный курс действий является правильным. Соответственно, для науки лидерство – это совокупность правил и процедур, в рамках которых осуществляется лидерская деятельность и которые могут носить либо рутинный характер (в стабильных политических системах) или отличаться спонтанностью в нестабильных ситуациях. Для политической психологии лидерство – это особая деятельность, требующая наличия определенных психологических свойств, характеризующих человека как лидера.

Основной политико-психологической характеристикой лидера является авторитет, т.е. влияние, значение, которым он пользуется в силу определенных заслуг, качеств или обстоятельств. Авторитет – это форма отношений власти, которая необходима любому руководителю для того, чтобы он мог руководить

другими людьми. Отсутствие авторитета равносильно утрате руководства и лидерства, исчезновению управления. У авторитета, как и у власти вообще, выделяются две стороны:

- 1) влияние руководителя на подчиненных людей,
- 2) подчинение людей этому влиянию.

Авторитет можно разделить на истинный и ложный.

Основными видами ложного авторитета считаются:

- авторитет подавления подчиненных,
- авторитет специально создаваемого «расстояния», дистанции с подчиненными,
- авторитет высокомерия лидера,
- авторитет постоянных поучений и резонерства,
- авторитет подкупа,
- авторитет «своего парня» и панибратства,
- авторитет псевдодоброты и либерализма в отношениях с подчиненными.

Ложный авторитет всегда основан на несовпадении интересов того, кто руководит людьми, и самих этих людей. Преследуя свои личные цели, такой руководитель идет на откровенный обман, используя перечисленные выше психологические приемы для насильственного (в буквальном или переносном, психологическом смысле) навязывания своей воли людям. Причем воли, противоречащей их подлинным интересам.

Истинный авторитет – такое влияние на людей, такая власть над ними, которые соответствуют подлинным интересам этих людей, и которые именно поэтому добровольно принимаются этими людьми. Истинный авторитет – это соединение влияния руководителя с собственными интересами людей. Влияние руководителя, обладающего таким авторитетом, обычно можно увидеть так:

- **формальное (официальное) влияние**, связанное с авторитетом организации и поста, занимаемого руководителем в организации,

- **неформальное (неофициальное), человеческое влияние**, связанное с личными качествами руководителя.

Только оптимальное соединение этих моментов является основой истинного авторитета. Упор лишь на один из этих двух взаимосвязанных моментов опасен, так как игнорирует другой аспект.

Здесь, разумеется, возникает естественный вопрос: а реально ли одинаково успешно сочетать и то, и другое? Может ли один и тот же руководитель обладать достаточно высокими деловыми (обеспечивающими инструментальное, обычно формализованное влияние) и человеческими (обеспечивающими эмоциональное, обычно неофициальное влияние) качествами? Человек, желающий быть эффективным лидером, должен к этому стремиться. Если этого нет, то обычно возникают компромиссные варианты – например, так называемое «коллективное руководство», которое включает людей и с теми, и с другими качествами.

Что же является главным: первая или вторая группа качеств? Все зависит от сферы деятельности руководителя. Естественно, что в производственной, скажем, сфере – первая. В политике же – вторая: ведь это работа с людьми. Авторитет политика складывается в процессе общения и связан с формированием доверия людей к его носителю, признанием превосходства его психологических качеств, правильности и справедливости его действий. Это и обуславливает добровольное подчинение ему людей.

Парадокс состоит в том, что **настоящий лидер обязан совмещать несовместимое**. С точки зрения эмоционального одобрения людей, он не должен

ломать ничего привычного: ведь любые перемены оборачиваются утратой чего-то, а люди не любят утрат. Лидер обязан быть консерватором и «охранителем», достойным порождением своей политической системы, группы, общества. Но, с другой стороны, для развития того же общества, для достижения нового уровня жизни он обязан быть инноватором, должен уметь ставить и достигать необычные, новые цели. А это значит неизбежно разрушать что-то привычное. **Чтобы стать лидером, надо быть идеальным детисцем политической социализации. Но чтобы оставаться им, надо уметь вступить в своеобразный конфликт «отцов и детей» и победить в нем.**

«Вечных» лидеров не бывает: рано или поздно любой из них нарушает баланс между эмоциональной привязанностью людей к старому и рациональным пониманием неизбежности нового, склоняется в какую-то одну сторону и, в результате, неизбежно умножает число своих недоброжелателей.

Образы мира, определяющие политическое поведение лидеров, имеют два истока. С одной стороны, психология самой личности лидера. С другой – влияние среды, культуры, факторов социализации. Главная проблема, с которой сталкиваются все лидеры и их ведомые, состоит в том, чтобы быть уверенными в адекватности лидера и его образа мира:

- а) реальной ситуации;
- б) объективным интересам группы, сообщества и мира в целом;
- в) самому себе.

И все упирается, в общем, в три главных вопроса:

- а) нужен ли данный лидер и его «образ мира» в данной конкретной ситуации?
- б) не вреден ли он с точки зрения интересов оптимального развития?

в) может ли он реализовать свой образ, соответствующий ли его «амбиции» его же «амуниции»?

Говоря о **личностно-психологических чертах лидера**, будем исходить из того, что традиционно в психологии выделяют три основные подструктуры или уровни структуры личности: биологический, психологический) социально-психологический и/или социальный уровни. В отношении политического лидера эти уровни могут быть дополнены политико-психологическим уровнем. Можно говорить о пятиуровневой структуре свойств и качеств (черт) лидера:

1. биологический уровень предполагает анализ таких компонентов как наследственность, темперамент, пол, состояние здоровья лидера. Эти качества выступают детерминантами поведения и определяют некоторые личностные черты. Темперамент, например, придает индивидуальное своеобразие поведению, поступкам, сказывается на особенностях эмоционального выражения своих взглядов. Возрастные характеристики также играют роль в проявлении различных черт и психических функций. Среди биологических характеристик играют роль и чисто физические данные, определяющие выносливость, силу, энергичность, работоспособность;

2. психологический уровень личности включает, прежде всего, такие факторы как эмоции, волю, память, способности, интеллект, характер;

3. социально-психологический уровень предполагает анализ таких компонентов как цели, ценности, интересы, мотивы, мировоззрение, установки, отношения и т.д.;

4. политико-психологический уровень требует рассмотрения вопросов политической социализации, политических ценностей, политического выбора, политических норм, образцов политического поведения и т. д.

5. социальный уровень отражает общесоциальные позиции и взгляды лидера.

Таким образом, мы определили основные уровни, на которых проявляется главное качество личности лидера – образ его Я. Что же и как проявляется конкретно? Как уже говорилось выше, прежде всего, проявляются особенности образа самого себя, «психологического образа» жизни человека и имеющегося у него психологического образа мира и жизни в этом мире. Таким образом, **основные личностно-психологические черты лидера – это особенности образа самого себя и «психологического образа» жизни как способа структурирования психологического пространства личности, требующие и/или позволяющие регулировать отношения доминирования-подчинения. Они проявляются на пяти основных уровнях:**

- 1) биологическом;
- 2) психологическом;
- 3) социально-психологическом;
- 4) политико-психологическом;
- 5) социальном.

3.2. Партии и организации: функционирование, выборы, голосование, поведение

Начнем главу с разговора о моделях электорального поведения и структуре классических партий, мотивах выбора и голосования.

Использование моделей дает возможность прогнозировать электоральное поведение, и как следствие – результаты выборов.

В литературе термин «модель электорального поведения» употребляется в четырех аспектах:

- модель как подход (например, PR-подход);
- модель как классификация, типология (какие бывают группы избирателей);
- модель как совокупность внешних факторов (что действует на электорат»);

- модель как совокупность внутренних факторов (исходя из каких мотивов и установок избиратель принимает решение).

Первый тип моделей таковыми, собственно, и не являются. К ним же относится, например, негативный подход, негативная стратегия или тактика кампании

Наиболее показательным является представление о модели электорального поведения как о совокупности параметров, в соответствии с которыми избиратели делятся на относительно гомогенные группы (причем, не все параметры в равной степени важны для определения специфики конкретной группы), то есть модели-классификации. При этом классификация – лишь основание модели, а суть ее заключается в определении веса факторов, в разной степени влияющих на поведение избирателей определенной группы. Таким образом, второй аспект модели – механизмы принятия решения (иначе – совокупность факторов), отличающиеся от одной группы избирателей к другой.

Вот перечень моделей:

Адресная. Подразумевает отсутствие четкого стабильного деления электората на группы по социально-экономическим или демографическим параметрам. Данная модель «ситуативная», то есть, в каждой избирательной кампании она различна (в смысле деления электората на разные группы). В США, правда, существуют определенные традиции (например, фермеры всегда голосуют за республиканцев). Избиратели делятся на три группы: «лично ориентированные», «идеологически ориентированные» и «подвижные». В двух первых группах есть подгруппы, склонные голосовать за определенный положительный образ кандидата – «как раньше», «как сейчас» и «как на Западе» («идейные» – КПРФ, «Партия власти», СПС); «самый сильный»,

«самый честный», «чудотворец» и пр. (Жириновский, Миронов, Путин).

Идентификации. Если выбор был сделан не совсем случайно, и избирателю не совсем все равно, за кого он проголосовал и кто победил (такие люди, кстати, вообще редко приходят на выборы), то происходит процесс идентификации с лидером и с другими его сторонниками. При этом группы поддержки (имеются в виду голосовавшие или собирающиеся голосовать за данного кандидата, а не члены его штаба) образуются не обязательно из-за соответствия программы кандидата и представлений избирателей о надлежащем государственном устройстве, а, например, из-за приятной внешности. Однако даже в случае столь вроде бы формальных признаков объединения можно говорить о некоторой степени общности, целостности группы поддержки. Ведь возникновение схожих эмоций в ответ на одни и те же особенности лидера (внешность, голос и т.д.) говорит о схожести психологических особенностей членов группы поддержки. В случае, когда формирование группы поддержки все же происходит за счет содержательных характеристик лидера (то есть поддержки программы), то гомогенность¹³⁷ становится еще больше. При этом следует отметить, что схожесть ценностей, установок членов подобной группы может быть сильнее, чем схожесть ценностей членов группы и истинных ценностей самого лидера. Данная модель предполагает стремление избирателей ассоциироваться с кандидатом. При этом мотивы могут быть как осознанными (он «наш»), так и неосознанными (сходство с близким родственником).

Идеологическая. Исходит из деления по шкале «левые-правые». Можно заметить, что с начала 1990-х значимость этой модели для российского

избирательного процесса существенно снизилась: в настоящее время политизированность практически всех слоев населения, возможность выбора своей идеологической и партийной приверженности приводит к тому, что фактор партийной принадлежности продолжает играть значительную роль, как в электоральном поведении, так и в общем мировоззрении людей.

Имиджевая. Предполагает, что избиратели голосуют только за определенный набор типажей – «свой парень», «хозяин» и т.д. Наиболее близка к модели доминирующего стереотипа (имиджевая является составной частью последней). Также схожа с моделью профиля черт, но более психологична, так как описывает образ политика как целое и допускает существование ряда стереотипных образов (а не единого профиля черт).

Классовая. Есть такая типология путей развития общества, которая наиболее показательна для данной модели: национал-патриотический, социал-коммунистический, социал-демократический, либерально-буржуазный, административно-буржуазный, национал-буржуазный. В основе модели лежит марксистский подход. Близка к социально-экономической, но более абстрактна.

Административная. Также называется моделью «кнута и пряника». Подразумевает, что избиратель голосует, исходя из надежды получить поощрение или избежать наказания. Имеется в виду, прежде всего, на работе, на службе, однако эффект может быть и отсроченным – например, «не проголосуете за меня – через месяц свет отключат». Реально оценивать значимость административного ресурса следует примерно в 8–12% голосов, хотя от региона к региону

эта цифра может значительно колебаться. При повышенной явке его значимость становится меньше.

Проблемная. Стратегия кампании строится, исходя из списка наиболее актуальных для региона/округа тем. Эта модель имеет ряд существенных недостатков, например то, что актуальность проблем – частично формируемый параметр общественного сознания, что наборы проблем, волнующие разных респондентов существенно отличаются, и ориентировать по усредненным данным нельзя.

Программная. Подразумевает, что избиратели делают свой выбор, исходя из программы. Модель не учитывает схожести и неконкретности программ, например, современных российских политических партий, отсутствия интереса у избирателей к этим программам (абстрактным, на их взгляд) и отсутствия достаточного уровня компетентности у подавляющего большинства избирателей для того, чтобы разобраться в серьезной программе. Практика избирательных кампаний в России показывает, что программа стала важна в последние годы, но скорее как символ: у нас есть программа!

Профиля черт. Можно назвать «моделью идеального кандидата». Исходит из того, что если объединить те черты, за каждую из которых кто-то готов проголосовать, то получится кандидат с имиджем, за который все проголосуют. Применимость этой модели ограничена эффектом рассогласования идеального и реального (по некоторым данным, 60% мужчин предпочитают блондинок ростом 180 сантиметров и пропорциями 90–60–90. Но жен эти мужчины выбирают себе по другим критериям...).

Референтной группы. Избиратели голосуют, исходя из доминирующей тенденции в своем окружении. Очевидно, что данная модель

преувеличивает конформистские тенденции в электоральном поведении.

Социально-экономическая. Похожа на предыдущую. Исходит из того, что избиратели голосуют, исходя из цели удовлетворения своих интересов (в первую очередь – экономических). В соответствии с ними избиратели делятся на группы, агитация идет среди своих «групп».

Традиционная. Избиратели голосуют «по привычке», то есть всегда за одни и те же партии. Не очень применима к российской действительности в силу отсутствия как привычки голосовать вообще (кроме части пенсионеров), так и стабильно существующих партий. Несложно понять, что данная модель объясняет поведение не всех избирателей. Соответственно, это еще одна модель «второго уровня», то есть объясняющая лишь один фактор (и преимущественно объясняет голосование за «старые» партии – КПРФ, «Единая Россия» и пр.).

Участия. Подразумевает, что наиболее близко сплачивает общее дело или действия. В соответствии с этим избиратели голосуют за кандидата, с которым их объединяет что-то подобное.

Клиентелистская (клиентская). Под клиентелизмом (клиентизмом) понимается социальное явление, характеризующееся формированием отношений доминирования, господства и подчинения, зависимости и независимости по принципу патрон – клиентских. Эта модель может иметь большую объяснительную силу, особенно в России. Однако для ее практического применения следует произвести ее уточнение, так как, на наш взгляд, данная модель включает в себя сразу 4 компонента:

- изменение установок (установки формируются из опыта, опыт состоит в том, что у власти конкретный лидер);

- подчинение мнению большинства (которое выбрало инкумбента¹³⁸);

- проявление архетипов;

- административная модель (опасения, страх вследствие угроз или уверенность в том, что только тот, у кого есть власть, может исполнить обещания).

Рекламная модель. Это, по сути, иерархия степеней воздействия. Степени воздействия – это разные стадии знакомства с «товаром».

Социологическая модель. Модель подразумевает, что решающими факторами для прогнозирования электорального поведения являются социально-демографические характеристики. Наиболее близка данная модель к социально-экономической, но более поверхностна. Она в явном виде не определяет, почему избиратели голосуют за ту или иную альтернативу. Наиболее правдоподобно объяснение действенности данной модели может быть с точки зрения теории социализации. Можно предположить, что возраст, пол и место работы определяют особенности социализации.

Модель политических свобод. Изначально модель политических свобод (автор – профессор Ноллан) не концентрируется на избирательном процессе. Суть модели состоит в возможности классификации субъектов политики на основании системы политических убеждений, понимаемой как совокупность представлений об оптимальном развитии свобод (политических и экономических, на данный момент исследователями предложена третья шкала – личных свобод). В качестве источника подобной классификации берутся тексты либо совокупность

действий, оцениваемая по степени выраженности свобод. Классическая версия анализа основывается на выделении ключевых проблем государства и оценке воззрений политика/партии по шкалам свобод по каждой из ключевых проблем. Данную модель можно включить в список моделей электорального поведения, так как соответствие убеждений политика/партии и избирателя классически считается одним из основных факторов электорального выбора.

Модель типов электоральных установок. Данная модель является синтетической по своему характеру. Суть ее состоит в использовании всей информации о мнениях и убеждениях респондентов, получаемой в количественных социально-психологических и социологических исследованиях в качестве оснований для классификации респондентов по всей совокупности их установок, проявляемых в ответах на вопросы исследования. Исходное предположение в том, что система установок, определяющая электоральный выбор, явным и неявным образом проявляется в ответах на вопросы. Ярким примером этого являются анкеты респондентов, склонных давать отрицательные ответы на все вопросы анкеты, выражая, таким образом, свою, в целом крайне негативную, позицию по отношению к выборам. Очевидно, что это – группа с определенными психологическими характеристиками, и не стоит их смешивать с более позитивно относящимися к выборам избирателями, которые при этом также не пойдут на выборы.

Рисунок 1. Условная классификация моделей в соответствии с доминирующим фактором.

Разговор о мотивах голосования, выбора и «прихода» в ту или иную партию может быть построен на попытке разделения их по степени конкретности- абстрактности. Так, мотив «материальная выгода» и мотив «общность людей» можно отнести к группе конкретных мотивов, а мотивы «общность идей» и «личность кандидата» – к группе абстрактных. А привязанность мотива к проявлениям психики человека? По этому критерию мотивы «материальная выгода» и «общность людей» можно отнести к группе внешних мотивов, а мотивы «общность идей» и «личность кандидата» – к группе внутренних.

Таблица 1
Характеристики мотивов

Характеристики мотивов	Рациональные	Эмоциональные
Конкретно-внешние	Материальная выгода	Общность людей
Абстрактно-внутренние	Общность идей	Личность кандидата

Таблица 2
Ключевые мотивы

Энергия Материальная выгода		Информация Общность идей
	Субстрат Мотив голосования	
Время Личность кандидата		Пространство Общность людей

Для понимания того, что значит общность идей, можно рассмотреть пятиуровневую модель: миссия, идеология, программа, стратегия и тактика. При этом отметим, что объединяющим фактором является наличие у партии миссии, то есть модели будущего. Особое внимание – уровневому характеру модели. Без модели будущего невозможно разработать идеологию, без идеологии невозможно написать программу, без программы не определить стратегию, без стратегии не выработать эффективной тактики. Психология ясна, и действует безошибочно!

Рисунок 2 Структура общности идей

Уже пестреют наши улицы, подъезды домов, останки и прочие присутственные места разнообразным агитационным материалом и листовками различных партий и кандидатов. Казалось бы, все правильно: люди как можно больше должны знать о тех, кого выбирают. Но, порой, не то что весь этот материал с обилием творчества PR-технологов, переварить сложно, он остается практически невостребованным так и не дойдя до адресата. И превращается в никому не нужную макулатуру и мусор в наших и без того не совсем уютных подъездах домов...

Итак, продолжаем разбираться: **партия – это добровольная политическая организация, направленная на завоевание политической власти, в которой люди объединены общими интересами, ценностями и идеалами.**

Основные признаки партий:

- наличие определенного социального статуса в обществе, позволяющего оказывать прямое влияние на политическую жизнь;

- наличие определенной программы совместной деятельности;

- подготовка и проведение избирательной кампании кандидатов, в проведении выборов;

- притязания на политическую власть, участие в механизме власти;

- связь с элементами государственного механизма, участие в формировании и функционировании правительственных структур;

- специфическое конституционно-правовое положение и нормативное регулирование деятельности партий;

- формальная организация.

Психолого-политические типы партий:

1) по направленности:

а) патронажные партии – направлены на обеспечение предоставляемых политической властью преимуществ для ее лидеров и сторонников;

б) идеологические партии – направлены на реализацию неких абстрактных идейных принципов, сформулированных в их программах;

2) по отношению к правительству:

а) проправительственные;

б) оппозиционные;

3) по электоральному поведению избирателей:

а) патриархальные – ориентированные на традиционные ценности (доброта, духовность, социальная справедливость), ради которых их электорат готов поступиться демократическими гражданскими правами и признать авторитарную власть мудрого, сурового, но справедливого вождя;

б) социально-профессиональный тип партий ориентирован на социальную стабильность и справедливость, профессиональные и семейные ценности. Электорат этих партий составляют люди, которые лишь изредка принимают участие в политическом процессе (на выборах), не интересуются политикой и чаще всего голосуют за партию власти. Их в общих чертах устраивает существующий порядок вещей, и они связывают свои позитивные ожидания с существующей политической системой;

в) прагматический тип партий отличается крайней разнообразностью, условно их можно разделить на:

- партии, ориентированные на авторитарного лидера, военное могущество, агрессивный внешнеполитический курс, унитарное государство, радикальные и очень жесткие карательные меры, направленные против любых отклонений от традиционных норм поведения. Члены этого типа партий стремятся помыкать слабыми, при этом сами готовы холопствовать перед примитивной силой, стараясь получить поддержку власти, повысить свой материальный и социальный статус;

- «партии-секты» – характеризуются немногочисленностью, жесткой уставной дисциплиной, строгой внутрипартийной иерархией. В состав данного типа партий часто входят люди с невротическими расстройствами, молодежь с нарушенной социализацией, низкой интеллектуальностью, высокой конфликтностью, с ориентацией на культ грубой силы, радикальные политические меры с использованием прямого насилия и террора;

- партии предпринимателей и малочисленные левоцентристские партии, ориентированные на достижение выгод для собственного бизнеса;

- партии номенклатуры, «партии власти» – ориентированы на власть как на самооценку, на стремление

получить что-либо при делении «общественного пирога», на повышение своего социального статуса и престижа, на карьеру, служебный рост либо просто на улучшение своего положения в государственной структуре;

г) идеологические партии – ориентируются на различные идеологические мифы (например, о единстве интересов партии и всех трудящихся, социальной справедливости, братской любви и дружбе всех народов, единой общности трудящихся и т. д.). Эти партии являются жесткими оппонентами партии власти.

Один из ведущих российских ученых в области политической психологии, А. И. Юрьев (род. 1942), сказал: «Партия – это объединение психологически близких людей, связанных мотивом использования власти для характерных целей присущим им образом в благоприятных условиях»¹³⁹.

А вот несколько примечательных высказываний:

Т. Гоббс и его знаменитый «Левиафан» – «Партии – преступные организации по отношению к государству»¹⁴⁰.

Дж. Вашингтон и «Прощальное послание американскому народу» – «Политические партии – готовое оружие для подрыва власти»¹⁴¹.

Это было «к слову»... Один из наиболее известных исследователей социальных движений, французский социолог А. Турен считает их [движения] действующими лицами («актерами») процесса и партий общества. Смысл этой идеи заключается в том, что движение есть такая форма коллективной деятельности, посредством которой социальные общности устанавливают, по выражению автора, «контроль над историчностью», т.е. вмешиваются в ход истории. Это вмешательство становится возможным потому, что социальные движения носят конфликтный

и наступательный характер: они оспаривают те или иные параметры существующих общественных отношений и культурных моделей и тем самым выступают как факторы изменений¹⁴². Это очень точно в аспектах политической психологии: социальные движения являются массовым групповым субъектом, хотя и не подходят под определение группы как имеющей определенные границы и относительно устойчивой общности людей. Общность, охватываемая движением, партийным движением, обычно чрезвычайно подвижна: состав его участников постоянно меняется, то расширяясь, то сужаясь. Форма его существования – спорадические акции, которые могут многократно возникать и прекращаться в течение более или менее длительного времени, но могут быстро и необратимо пойти на убыль, затухнуть вместе с самим движением. Эти черты движения объясняются психологией их массового характера – масса не в состоянии вся сразу и в течение длительного времени отдаваться общественной или политической деятельности. Вместе с тем, именно эти особенности движений позволяют им выступать в роли подлинного массового субъекта и фактора социально-политических изменений. **Движение – это действие, а действие, в котором непосредственно участвует масса, способно оказать гораздо более сильное и быстрое влияние на ситуацию, чем пассивные, институциональные формы вовлеченности масс в общественно-политическую жизнь (как, например, голосование на выборах). Движение выражается в таких действиях, как забастовки, демонстрации, митинги, и если масса их участников достигает некой критической точки, в стране, городе или регионе возникает принципиально новая психологическая атмосфера,**

которая уже становится самостоятельным фактором политических решений.

История знает как движения, ориентированные на достаточно определенные программные цели, так и таких целей не имеющие, выражающие лишь протест против тех или иных институтов, социальных явлений; движения «против» и движения «за», хорошо организованные и стихийные. С точки зрения вопроса о групповых субъектах политической психологии, важно, прежде всего, понять, чем движение психологически отличается от других видов массовых общностей и как оно соотносится с другими ее субъектами.

В отличие от социально-экономических, культурных, региональных, этнических, профессиональных групп, партии, условно, представляю собой общность, объединенную одним действием и единой целью. Такое действие означает сближение людей, интенсификацию социально-психологических связей общения между ними, причем, связей, не «заданных» обстоятельствами, не навязанных общей судьбой, а конструируемых ими самими. В партиях, партийном движении проявляются не только те конкретные потребности и интересы, которые приводят к их возникновению, но и глубинная психологическая, социально-интегративная потребность, присущая человеку. Ее проявление видно, прежде всего, у активистов, но и основная масса участников, членов партий испытывает то же ощущение слитности с большей общностью людей, способных «действовать вместе», активно вмешиваться в ход событий. Личность на какое-то время преодолевает свою изоляцию, отчуждение от других, незнакомых людей и, в то же время, возрастает ее чувство социального достоинства — человек ощущает себя частью коллективной силы. С этим связан тот повышенный эмоциональный тонус, который обычно характеризует массовые акции, хотя элементы

фанатизма, некая доля аддикции, порой заставляет глубже задумываться об психологических корнях партийного движения.

Массовое движение может возникать и как принципиально новая общность, пополняющая свои ряды за счет различных социальных групп, и может быть связана генетически с интересами какой-то точно определенной социальной или этнической группы. Примером движений первого типа могут служить экологические движения, второго – массовое рабочее движение. По отношению к нему рабочий класс, например, является субъектообразующей группой. **Другие субъекты политической психологии – партии, группы активистов могут быть зачинщиками и организаторами движений, а в ряде ситуаций создаются самим движением, представляют собой его продукты.** Например, многие социал-демократические и коммунистические партии возникли из рабочего движения, были его частью и лишь затем отделились от него, превратились в самостоятельные политические институты.

В науке идут споры, совместима ли деятельность партий с их институционализацией. Многие исследователи утверждают, что движения и социальные и политические институты – взаимоисключающие феномены, превращение партийного движения в институт убивает его, так как лишает его главной сущностной и психологической характеристики – способности воплотить свободную, никем не контролируемую и не регулируемую творческую самодеятельность масс и ее волю.

В действительности отношения между институтами или организациями и партиями, скорее всего, определяется конкретной ситуацией. Отделение партий и движений от институтов – явление, типичное для стран

со сложившейся и относительно устойчивой социальной и партийной структурой, где партии имеют налаженные связи с субъектообразующими группами, что и позволяет им представлять различные социальные интересы. В этих ситуациях часто сигнализируется о проблемах и потребностях, ощущаемых массами, но недостаточно осознанных политической элитой: напор участников, «партийцев» заставляет вносить коррективы в институциональную политику, а подчас приводит и к существенным изменениям в самой партийной структуре и в составе политической элиты. В случае превращения партий в институты это «разделение труда» нарушается, массы теряют возможность непосредственного вмешательства в политику. В связи с этим весьма характерны мучительные сомнения и противоречия, терзающие движения «зеленых», когда перед ними возникала перспектива превращения в обычные парламентские партии.

Иная психологическая и социально-политическая ситуация складывается в тех странах, где в связи с процессом ускоренной модернизации или перехода от государственной к рыночной экономике происходит бурная ломка старых структур и далеко еще не завершившееся формирование новых. Здесь еще нет условий для функционирования партий, обладающих устойчивыми социальными связями, и воздействие массовых слоев на политику может осуществляться, в основном, в форме социально-политических движений. Если существующие в этих странах партии не связаны с такими движениями, они превращаются в не имеющие устойчивой социальной базы группы политиков, занятых борьбой за власть и неспособных к проведению устойчивого политического курса. Чтобы выжить и приобрести статус реальной политической силы, партии, действующие в подобной ситуации, не-

редко стремятся подмять под себя массовые движения, а мобилизация путем организации массовых акций потенциальных сторонников заменяет организованную систему связей с обществом. В посттоталитарной России такие попытки, в основном, не особенно успешные – инициирования массового движения, особенно характерны для национал-патриотических и коммунистических группировок. В ряде стран «третьего мира» психологический феномен «партии–движения» стал типичной чертой политической жизни.

Российский опыт, с одной стороны, демонстрирует громадную роль массовых социальных и политических движений в обществе переходного периода, а с другой – крайнюю нестабильность, которую вносит в общественное развитие «волнообразная», по схеме «подъем–спад» динамика этих движений. Кризис и спад демократического движения после августа 1991 года явился одним из решающих факторов неустойчивости политической ситуации и курса, проводимого руководством страны. «Организовать» массовое движение сверху, в общем-то, или трудно, или невозможно, но демократические политические организации и властные структуры могут создавать «благоприятную среду» для их нового подъема, поддерживать те инициативы снизу, которые идут в этом направлении. В последнем случае политическая элита, и, в том числе, ее группы, в свое время вышедшие из демократического движения, занимали противоположные позиции. Один из примеров – игнорирование этими группами и властными структурами нового рабочего движения и его профсоюзных организаций, предпочтение, оказываемое ими «официальной» профсоюзной федерации – институту, унаследованному от тоталитаризма и имеющему мало общего с массовым движением. Массовый субъект психолого-политической жизни – движения, во многих

отношениях неудобен для любой власти и связанных с ней политических институтов и воспринимается ими как дестабилизирующий фактор. Однако если стратегические цели этих институтов и движений совпадают, противодействие движениям, отказ от диалога с ними (при всех его сложностях) равносителен запрету на непосредственное участие масс в выработке и осуществлении политического курса. Такое противодействие, наверное, может способствовать частичной и конъюнктурной психологической стабилизации социально-политической ситуации, но является фактором углубления ее структурной, долгосрочной нестабильности. Причина – она делает политический курс страны игрушкой в руках отчужденных от общества соперничающих политических «команд» и клик.

Вообще, надо отметить, что до сих пор практически отсутствуют серьезные попытки социально-психологического анализа политических партий. Однако, это возможно, по крайней мере, с точки зрения массовой психологии самих членов партии. То есть центром рассмотрения являются массовые или претендующие на массовость партии.

Этимологически слово «партия» пришло из латыни и означает часть более крупной общности. Уже в древнем мире его использовали для обозначения политической организации. В этом значении Цицерон, Плавт или Саллюстий говорят о «фракции» или «партии» в отличие от «амицитиа», благородного, «хорошего» союза друзей. То есть фракция была неблагоприятным, плохим союзом. Это толкование вошло в историю, и еще в XVIII веке для Робеспьера во Франции или Вашингтона в США фракция ассоциировалась со злом. Однако в римской политической литературе употребление слова «партия» еще не было четко определено, и этот термин имел

различные значения. Им обозначали как политиков вокруг вождя (так, говорили о партиях Цезаря, Мария, Суллы и т. п.), так и группу людей, управляющих государством, или (у Саллюстия) сенат в противоположность народу. Но подлинная история достаточно массовых политических партий как особых, отличающихся высокой степенью институционализации политических движений датируется концом XVIII и, в особенности, XIX веком. Это связано со вступлением на политическую арену «третьего сословия», затем с началом борьбы буржуазии с пролетариатом, а в XIX веке с введением всеобщего избирательного права.

С психологической точки зрения достаточно просто понять, что действительно массовыми являются исключительно добровольно массовые партии, с не слишком жесткой организационной структурой, допускающей достаточную свободу вступления и выхода из партии. С этой точки зрения, массовая партия – это всего лишь относительно четко организованное и структурированное массовое движение. Но такого рода партий в реальности практически не найти. Реально и нет по-настоящему массовых партий – при всем стремлении, например, КПСС, выдавать себя за массовую партию, даже в лучшие времена ее численность не превышала 10 % от взрослого населения СССР. Это было выражением сознательного курса на ограничение численности партии. Еще со сталинских времен эта партия рассматривалась как достаточно замкнутый «орден меченосцев» – особая организация, направляющая и ведущая массу, но не сливающаяся с ней. В конечном счете, это была «партия нотаблей», но особого рода, имевшая видимость массовой структуры. В истории партстроительства известны и примеры противо-

положного рода. Правящая партия Мали, например, в 80-е гг. XX века, согласно своему уставу, автоматически включала в себя каждого жителя страны по достижении им 18 лет. В поисках своеобразного «полного единства» общества там был реализован принцип особого религиозно-административно-партийного «триединства»: главный шаман каждой деревни одновременно назначался ее административным лидером («старостой»), а также секретарем первичной партийной организации. Однако быстро выяснилось, что в таком случае сам смысл понятия «партия» выхолащивается, и партийная структура теряет всякий самостоятельный смысл. Шаман, подписывающий административные распоряжения и принимающий партийные взносы, ставящий штамп «уплачено» в партбилете, превращался в элементарного тоталитарного вождя-диктатора, разве что оснащенного дополнительными средствами суггестивного воздействия. Действительно, однако, он в них не нуждался и особо не использовал. Смешение жанров привело к многочисленным кризисам и постепенному разрушению такой триединой тотально массовой организации.

Еще одна группа примеров – известная из истории (типа массового членства в НСДАП жителей гитлеровской Германии), стала возможной только за счет правящего государственного статуса данных партий. По понятным причинам их трудно рассматривать как добровольно массовые партии – скорее, это было добровольно-принудительное членство.

Общественно-политические движения и их особые, институционализированные формы, каковыми являются политические партии, представляют собой массовые социально-психологические феномены особого рода. В самом общем виде это определенные, обычно (в

развитых формах) достаточно массовые общности людей. Причем, **это общности, возникающие на основе функциональных психологических характеристик.** Еще Я. Щепаньский¹⁴³ писал: *«Социальным движением мы называем совместное стремление людей к реализации общей цели»*¹⁴⁴. Именно это стремление, в итоге, и формируют массу участников того или иного движения. *«Таким образом, термин «социальное движение» мы сохраняем для обозначения... совместных стремлений и действий, совершаемых более или менее организованно для достижения определенного положения вещей, изменяющего социальную ситуацию участников движения»*¹⁴⁵.

В конечном счете, с психологической точки зрения все начинается достаточно просто. В свое время Г. Тард писал: *«Новая партия всегда состоит из группы людей, которые одни за другими или одни по примеру других приняли идею или решение противоположное тому, которое царило до сих пор в их среде и которым они были прежде проникнуты. ...По мере распространения, этот новый догматизм делается все сильнее и становится более нетолерантным и возбуждает против себя коалицию из тех, которые остались верными традициям, сделали противоположный выбор»*¹⁴⁶. То есть, все начинается с группы чем-то недовольных («озабоченных») людей, с некоторого движения этих людей от того, что раньше представлялось вполне удовлетворительным и особенно не заботило их. Они принимают некую новую идею, а по мере укрепления и распространения становятся ее рабами-догматиками. По мере же появления оппонентов и противников, они теснее сплачиваются и образуют партию.

Психология социальных движений и партий пытается установить, в какой степени индивидуальные убеждения и установки, общественное мнение, спонтанно проявляющиеся или спровоцированные системами убеждения, которые различным образом комбиниру-

ются в социальной жизни, влияют на их [партий] создание и становление.

Партия всегда отражает психологическую природу составляющих ее членов. Понятно, что в случае «естественных» движений об организации можно говорить лишь достаточно условно: обычно они самоорганизуются, причем самоорганизация таких движений носит часто стихийный, мало управляемый характер. В случае «искусственных» движений и партий уровень организации всегда выше, однако и здесь он не должен слишком превышать некоторые естественные пределы: например, излишне заорганизованное партизанское движение очень быстро перестает быть собственно движением, превращаясь в ополчение или даже в придаток армии, после чего утрачивает свои именно «движенческие» функции, отличия и преимущества. Известен закон: **уровень организации всегда обратно пропорционален степени массовости движения.**

Идеология любого движения выражает психологию эпохи или общности, их потребности и проблемы. Партии, таким образом, один из непосредственных механизмов реализации потребностей, разрешения проблем. Их идеологии всегда конкретны, обычно оформлены и рационализированы, носят программно-теоретический характер. В большинстве случаев они носят еще и эмоциональный характер.

Психология партий – эмпирическое отражение условий повседневной жизни и основных проблем в психике, реально сплотившее людей в особую массу членов данного движения. Ее стержнем является эмоционально яркая, увлекающая основная проблема, под влиянием которой или для разрешения которой люди, подчас независимо от их воли, вовлекаются в движение. Проблема может выступать как в обобщенном виде («Так жить нельзя!» или

«Сохраним планету зеленой!»), так и в конкретных формах («Свободу Ходорковскому!»). Вокруг такой центральной проблемы группируются соответствующие чувства и настроения людей, не носящие систематизированного характера. Общая психология здесь включает широкое разнообразие индивидуальных и групповых психологических условий, в которых зарождается само движение, однако к моменту появления его как такового все это разнообразие оказывается подчиненным основной, заражающей и увлекающей, эмоционально подчиняющей проблеме. Это та самая проблема, которая практически всегда доставляет беспокойство значительному числу людей. Вообще «состояние беспокойства – это исходный пункт развития социальных движений»¹⁴⁷. В зависимости от того, какие потребности не удовлетворены, какие группы, круги, слои или массы охвачены беспокойством, развиваются различные партии. Когда члены ее начинают собственными силами искать средства удовлетворения потребностей и разрешения ситуации, которая вызывает их беспокойство, возникают уже определенные массовые движения.

Получается, что для появления движения необходимо наличие крупной социальной проблемы или же кризис прежней социально-политической системы в целом, а также наличие в обществе сил, обладающих определенной уверенностью в возможности решения этой проблемы, своей способностью к этому и чувством общего социального оптимизма. Тогда и возникает достаточно устойчивая психологическая общность людей, ощущающих или даже осознающих социальную проблему, стоящую перед теми или иными социальными группами и слоями, перед обществом в целом, разделяющих более или менее близкие взгляды на характер и пути решения этой проблемы и добровольно

желанию объединяющихся для некоторых действий ради внесения в жизнь общества соответствующих социальных изменений.

Первым условием возникновения любого движения считается **появление проблемной ситуации**. Ее вызывает любое социальное противоречие, которое необходимо решить или обществу в целом, или конкретным социальным силам. Однако объективная проблемная ситуация должна так преломиться в психике людей, чтобы побудить их к своему решению. Это означает, что люди должны воспринимать ситуацию как потенциально решаемую. От ощущения неразрешимости и опускаются руки, и возникает позиция стороннего наблюдателя, а не участника движения.

Вторым условием возникновения движения является вышеупомянутое **чувство социального оптимизма**, эмоциональная уверенность в том, что они могут решить данную проблему.

Третье условие – **готовность к личному участию**. Это следствие эмоционально захватывающего переживания проблемной ситуации – желание самому участвовать в ее разрешении. Здесь многое зависит от лидеров, да и движения в целом. И лидеры, и разрастающееся движение должны самим фактом своего существования, своей энергетикой внушать людям ощущение того, что именно «здесь и сейчас» выражаются их потребности, интересы и цели, что именно здесь найдены самые эффективные способы действий для осуществления всех необходимых изменений, для разрешения всех существующих проблем. Люди должны быть эмоционально убеждены в том, что данное движение эффективно, действенно, заслуживает того, чтобы отдать ему свою энергию, усилия, свою преданность. Другими словами, движение должно быть притягательным и убедительным.

Путь индивида к вступлению в партию бывает достаточно сложен -индивидуальному сознанию придется пройти несколько этапов, прежде чем человек «дозреет» до личного вступления. На каждом этапе возможен отход некой части людей, ослабление эмоционального накала. Массовой партия редко становится автоматически – это не толпа, это «собранный публика», для собирания и удержания которой необходимы специальные усилия. Вот почему партии можно и подразделить на стихийные (краткосрочные, локальные, типа толпы) и полустихийные, самоорганизующиеся – долгосрочные, более масштабные.

Принято считать, что почти любая партия осуществляет по отношению к потребностям людей, как минимум, три основные психологические функции:

- **познавательная функция** – участвуя в любом социальном движении, люди обычно получают новую для себя социально-политическую и психологическую картину мира и соответствующую ей информацию;

- **инструментальная функция** – в движении люди обычно быстро овладевают новыми для себя способами активного влияния на текущую социально-политическую жизнь, овладевают новыми поведенческими навыками;

- **идеологическая функция** – взамен прежних, старых и уже утраченных иллюзий в движении приобретаются новые верования и убеждения (например, взгляды общедемократического толка).

*Помимо этого существует и ряд иных функций, носящих более индивидуально-психологический характер. Эти функции сводятся к содействию в реализации целого ряда существенных человеческих потребностей. Среди них особенно выделяется **потребность в регуляции собственных эмоциональных состояний** – участие в массовом движении дает возможность как для взвинчивания, нагнетания*

эмоций, так и для их ослабления через разделение с другими людьми. Как правило, молодежь идет в массовые движения преимущественно за первым, люди зрелого возраста – прежде всего за вторым. Отметим также свойственные человеку потребности в идентификации себя с большой общностью, в поиске смысла социального бытия (как и жизни вообще), в самореализации и т. д. Все они, в большей или меньшей степени, вносят свой вклад в сложный мотивационный комплекс, влияющий на вступление человека в партию и участие в ней.

Уточним мотивы. Конкретно каждого человека привлекает в разные партии что-то свое, предельно специфическое. Известны четыре основных группы психологических мотивов, привлекающих людей в массовые движения:

– **эмоционально-аффективная мотивация.** Цель проста, понятна и вполне очевидна – эмоциональное соучастие в тех акциях и действиях, которые устраивает партия. Таких людей привлекают яркие лозунги, видные лидеры, массовые митинги и демонстрации. Они готовы даже к тому, чтобы эмоционально разделять проблемы партии, переживать проблемную ситуацию. Устав от обедненной в эмоциональном плане «текучки» повседневной жизни, эти люди стремятся в партию, чтобы компенсировать эмоциональный дефицит. Обычно именно они составляют большинство практически в любом движении, делают его реально массовым. Однако «общественным» или, тем более «политическим» делают его уже не они. Эти люди никогда не будут учить уставы и изучать программы. Они, скорее, пойдут, будучи сильно эмоционально увлеченными и вовлеченными, на баррикады, чем сядут за парты в сети политпросвета. Фурмановский и киношный

В. И. Чапаев никак не мог выучить номер нужного Интернационала, однако отдал жизнь за революцию – потому что «любил ее очень». Для таких людей смысл участия в движении – удовлетворение той самой основной массообразующей потребности, которая и стягивает людей в значительные общности: это **потребность в регуляции собственных эмоциональных проблем;**

- **ценностно-рациональная мотивация.** Она включает не столько эмоциональный, сколько осознанный, рациональный выбор именно тех ценностей и высоких идеалов, достижением которых занята данная конкретная партия. Это подразумевает достаточную степень знакомства человека с программами, идеологией и, на основе такого знакомства, предпочтение именно этой партии всем другим. В таких случаях сама цель признается желательной, справедливой, необходимой. Как правило, люди, руководствующиеся такой мотивацией, образуют меньшинство, но это и есть «правлящее меньшинство», основной костяк данной партии, «актив», те самые «партийцы», «твердые искровцы», которые обычно как раз и способствуют институционализации движений в партии. **Среди ценностно-рациональных мотивов выделяют политические, этические, религиозные и др.;**

- **традиционные цели.** Достаточно часто люди идут в партию потому, что их родители, родственники, друзья и знакомые участвуют или когда-то участвовали в этом или близком ему движении. Люди часто голосуют за кандидатов на выборах, потому что так всегда было принято голосовать в их семье, в их круге, среди знакомых. **Это совершенно особая, традиционная разновидность массы, существующая как бы по законам социально-психологической инерции;**

- **рационально-преднамеренная мотивация.** Она обычно сводится к тем сугубо конкретным, обычно

личным выгодам, которые может обрести человек, вступив в партию. Меркантильная, «шкурная», мотивация... Исходя из нее, в свое время очень многие люди вступали в бывшую КПСС, исходя из нее же, потом спешили «переписаться» в демократы. Так, в ситуациях, подобных послеавгустовской (1991 г.) в России, на глазах многократно возрастало число «героев», желающих получить хоть какое-нибудь вознаграждение со стороны победителей. Понятно, что данная мотивация очень редко откровенно признается со стороны увлеченных ей людей – обычно она или глубоко скрыта или даже рационализирована под ценностно-рациональную мотивацию, причем, иногда и неосознанно для самих людей.

Еще одно важно помнить: **следует разделять мотивы вступления в партию и мотивы участия в ней.** Так, для значительного числа людей, вступающих в массовое революционное движение, непосредственным побудительным толчком для присоединения могут стать и часто становятся эмоции и чувства – переживания гнета и несправедливости, солидарность с противниками угнетателей, восхищение мужеством и героизмом бойцов и т.п. Однако само политическое движение, включая людей в себя, не ограничивается и не удовлетворяется таким исключительно эмоциональным уровнем их решения. Задачей любой партии является внедрение своей идеологии в сознание и своих членов, и широких масс. Партии стремятся к тому, чтобы сделать своих членов сознательными участниками, действующими не только под влиянием чувств.

Мотивы людей многообразны. Вступить в любую партию может практически каждый человек – для этого достаточно его личного желания. А вот дальше же возникает множество вопросов для самой партии и ее руководства. Основные: каким будет большинство

членов? Не захлестнет ли партию исключительно эмоционально-аффективная или традиционная мотивация, особенно распространенные среди легко увлекающейся молодежи? Не уведет ли это большинство в сторону от тех целей и идеалов, ради которых и создавалась партия?

Однажды возникнув, партия характеризуется несколькими базовыми признаками, позволяющими оценить ее настоящее и будущее. Как уже говорилось, к числу таких признаков относятся:

- роль в данном обществе;
- реальная и потенциальная социальная база;
- набор целей и идеалов;
- сфера приложения основных усилий;
- степень организованности движения;
- социальная сущность;
- глубина требуемых этими партиями социальных изменений.

Однако главным останутся вопросы о принципиальном характере партии и о глубине требуемых ею преобразований, которые, естественно, прямо связаны с самым важным опросом – об избираемом способе социальных преобразований. Революционное или реформистское это движение? В современной практике это главный вопрос.

В общем виде политические партии проходят пять основных стадий в своем развитии:

✓ **создание предпосылок образования партии.** начала возникает неудовлетворенность существующим положением или потребность в действиях ради упрочения существующего положения перед лицом реальной или мнимой угрозы, затем устанавливаются неформальные контакты между людьми, сеть таких контактов становится базой партии, после чего проис-

ходит выработка первых мнений о необходимости «конструирования», «оформления» партии. Этот механизм особенно характерен для партий, возникающих спонтанно, снизу. Иначе создаются партии, инициаторами которых являются какие-либо центры политической или экономической власти. В этом случае предпосылки создаются сверху, путем пропагандистского воздействия и рекрутирования сторонников;

✓ **артикуляция стремлений.** На этой стадии разрозненные и индивидуальные стремления приобретают интегрированную форму, вырабатываются программы, выступают вперед лидеры, формулируются цели и задачи. Артикуляция общих стремлений является обязательной стадией развития каждой партии;

✓ **агитация.** Задача этой стадии – привлечение новых участников и сторонников, всемерное укрепление позиций партии в обществе и ее «массовизация».

✓ **развитая политическая деятельность.** Усилия концентрируются на попытках проведения в жизнь программы партии путем борьбы за власть или оказания влияния на правительство. Внешне именно эта стадия и является подлинной историей крупных политических партий.

Говоря о партиях с точки зрения политической психологии, следует привлечь внимание к понятию «группы интересов», характеризующему совокупность политических институтов, опосредующих отношения граждан с государством. Теоретически место и роль групп интересов были обоснованы в XIX – начале XX вв., когда партии определили как специфическую единицу общества. Группы интересов трактовались как определенные объединения, количество которых ограничено только одним показателем – интересами, ради которых они созданы и действуют. Тем самым группы интересов стали рассматриваться в контексте системы

принятия решений, процесса психологического формирования государственной политики.

Учитывая доминирующие в политической науке подходы, группы интересов можно определить как **по преимуществу добровольные объединения, приспособленные или специально созданные людьми для выражения и отстаивания своих властно значимых интересов в отношениях с государством, а также другими политическими институтами.** Эти политические ассоциации, будучи посредниками в отношениях государства с населением, представляют интересы социальных, национальных, региональных и прочих человеческих общностей и служат формой коллективных действий их членов.

Группы интересов в качестве уже партий являются одним из основных каналов политической активности граждан. Чем шире представительство социальных потребностей группами интересов, тем разностороннее связь между обществом и государством, тем резче властные институты реагируют на запросы населения, а сами люди обладают большим влиянием на политические решения.

Резюмируем: итак – партия как самая политическая из всех общественных организаций обладает значительной спецификой. Будучи тем институтом политической системы, место и функции которого существенно зависят от особенностей исторической эпохи, партия создает возможности для разнообразного описания источников своего происхождения, роли, строения и других важных параметров. Так, здесь есть и **«партийный электорат»**, и **«сочувствующие»** партийной программе (т.е. те, кто голосует за нее на выборах), и **«меценаты»**, оказывающие ее организациям определенную поддержку. Все эти группы специфически влияют на осуществление партией ее функций, спо-

собствуют усилению или падению ее авторитета, увеличивают или сокращают возможности ее воздействия на государственные органы.

Партия как звено вертикальной связи населения и государства выполняет две группы функций, захватывающих практически все фазы политического процесса. К **внутренним функциям** партии относятся формирование партийного бюджета, выборы руководства, поддержание отношений партийной бюрократии и рядовых членов и др. **Внешние**, наиболее важные функции партии, прежде всего, выражают ее нацеленность на борьбу за завоевание и использование политической власти в интересах поддерживающей ее группы населения. Иначе говоря, партии, выдвигая собственную программу решения внутри- и внешнеполитических вопросов, заявляют претензии и на **изменение высшей политической власти** (как в центре, так и на местах). Однако такой характер политических требований чаще всего сопровождается мирным перераспределением власти между различными общественными силами. В таком, психологическом смысле, партии выступают таким механизмом агрегирования групповых интересов граждан, который дает возможность избежать общественных потрясений при изменении баланса политических сил. Выдвигая тот или иной набор властных притязаний, партии обеспечивают связь населения с государственными структурами, **институциализацию** политического участия граждан, заменяют стихийные проявления общественно-политической активности населения формализованными способами, подверженными контролю со стороны своих лидеров. В этом отношении **партии – уж точно одно из наиболее эффективных средств борьбы как с политической апатией людей, так и с**

неконституционными, неправовыми методами влияния на власть.

Одной из важнейших функций партий является **отбор и рекрутирование политических лидеров и элит** для всех уровней политической системы. Чаще всего это происходит путем выдвижения своих кандидатов на выборах. Однако публичный характер их деятельности, постоянное поддержание отношений между различными ветвями власти и разнообразными политическими институтами, использование партийных экспертов и аналитиков на различных уровнях системы государственного управления дает возможность партиям продвигать своих наиболее видных и авторитетных представителей на определенные государственные посты. Таким образом, **партии и без выборов могут частично брать под контроль те или иные участки в управлении делами общества и государства.**

Еще одной важнейшей внешней функцией партий является **политическая социализация** граждан, формирование у них соответствующих качеств и навыков участия в отношениях власти. Ведя борьбу за избирателя, партии по-своему интерпретируют важнейшие политические конфликты и пути их преодоления, делают ситуацию, сложившуюся в обществе, понятной для рядовых граждан. Главным средством решения этой задачи является формулирование разногласий с другими политическими силами по основным вопросам общественного развития. Формулирование разногласий – ключевой инструмент в борьбе за власть.

К наиболее характерным для партий **способам** решения своих политических задач относятся: **выдвижение своих кандидатов на выборах, обращение партийных программ ко всем гражданам общества с целью завоевания как можно большего числа сторонников, а также определенное изменение со-**

става правящего класса за счет своих представителей. В силу этого наиболее ярко партии реализуют свои функции в предвыборной и избирательной кампаниях. Выдвигая кандидатов в законодательные органы государства, партии предпринимают активные действия, направленные не только на поддержку своих представителей, но и на распространение определенных идей, внедрение их в массовое сознание. И если, к примеру, небольшие партии не могут выставить конкурентоспособных кандидатов на общегосударственном (региональном) уровне, то они все же используют выборные кампании в идеологических целях, пытаясь создать в глазах населения позитивный имидж своим целям и ценностям. Избирательная фаза деятельности партий обычно сопровождается заключением различных межпартийных соглашений, образованием партийных коалиций, союзов и блоков победивших партий. Партии, одержавшие победу на выборах или сумевшие провести в законодательные органы своих представителей, получают возможность участвовать в формировании правящей элиты, подборе и расстановке управленческих кадров, а через них – легитимное право на участие в процессе принятия политических решений и возможность контроля за их исполнением. Но выборы – это лишь самая активная фаза деятельности партий. После выборов они все равно стремятся расширить электоральную поддержку правящему или оппозиционному курсу, организуя различные кампании в средствах массовой информации, акции поддержки или недоверия правящему режиму, другие мероприятия, призванные убедить население в правильности (неверности) сделанного выбора. Они активно борются за расширение своего численного состава, за укрепление материального положения центральных и низовых организаций, за распространение

своих программных целей, налаживание связей с отечественными и зарубежными дружественными партиями.

Кристаллизация партийных функций, партийной психологии, становление структуры партий и выработка наиболее типичных способов деятельности в политической системе осуществлялись в многовековом процессе формирования и функционирования этого политического института (**партогенезе**).

Сегодня, по прошествии нескольких столетий политической истории партий, можно выделить три его наиболее крупных исторических этапа.

Начальный этап партогенеза уходит корнями в конец XVII – начало XVIII в. Это был период, когда зарождались политические системы раннебуржуазных государств Западной Европы и Америки. Политические процессы того времени, сопровождавшиеся войной в США, буржуазными революциями во Франции и Англии, свидетельствуют о том, что появление партий отражало раннюю стадию борьбы между сторонниками различных направлений формирующейся новой государственности: аристократами и буржуа, якобинцами и жирондистами, католиками и протестантами. Знаменуя собой определенный этап в усложнении политической системы индустриального типа, партии возникли как инструмент ограничения абсолютной монархии, включения в политическую жизнь «третьего сословия», утверждения в обществе всеобщего избирательного права, развития представительной системы. С их помощью изменение состава политической элиты, рекрутирование правящих кругов стало постепенно превращаться в дело избирательного корпуса. Определяющую роль в возникновении партий играли классовые, социальные, национальные и прочие конфликты. Однако свое влияние оказывали психологические и

социокультурные особенности развития отдельных стран, демографические процессы и даже религиозные мотивы (например, возникновение католических партий в Германии и Бельгии в XVIII в.). **Партии не сразу стали полноправным политическим институтом, способным оказывать существенное влияние на власть. Первоначально они представляли собой объединения знати, различного рода клубы, литературно-политические образования, являвшиеся формой общения единомышленников** (например, Клуб кордельеров времен Великой Французской революции или «Реформ Клуб», возникший в Англии в 30-х гг. XIX в.). Позднее в партиях стимулируются тенденции децентрализации и усиления роли местных организаций, ослабления требований к партийной дисциплине, расширения связей с разнообразными неформальными объединениями граждан, различными структурами гражданского общества. Но, в то же время, в странах, переживающих этапы модернизации строя, получили развитие иные тенденции в эволюции партийных институтов. В частности, в посттоталитарных государствах, переживших период жестких идеологических требований к членству в правящих партиях, сохранилось существенное неприятие партийного членства. Это мешает полноценному использованию партийных институтов для возвращения людей в политическую жизнь. Правда, борьба за выбор направления общественного развития, поиск консолидирующих социум ценностей порождают мощные источники формирования новых политических партий. При этом во вновь образующихся партиях сосуществуют тенденции к превращению их как в идеологически нейтральные организации, рассчитанные на максимально широкую социальную поддержку, так и в объединения с жесткими идейными требованиями к своим членам,

централизованной организацией управления и странах является и перманентное изменение у многих из них идейной ориентации, радикализация их политических требований, тесная связь с группами давления, а в некоторых случаях даже криминальными структурами.

3.3. Субъекты политики: статусы, психологические признаки, качества и отношения

При анализе политической реальности основное внимание уделяется, как правило, деятельности институциональных, уже организованных субъектов деятельности, составляющих политическую систему общества, – государственных органов, политических партий, общественно-политических движений. Считается, что именно в рамках подобных систем, прежде всего, и проходит политическая жизнь и осуществляется политическая власть.

Политические отношения несут в себе все необходимые **атрибутивные качества политики:**

- их смысл заключается в установлении связи бытия социальных субъектов (социальных групп, личностей) с проблемами и интересами, свойственными всей социальной целостности. Государство выступает инструментом поддержания и регуляции этой связи;

- возникая при активном участии сознания, политические отношения все же существуют не в головах людей, а в поступках, действиях, процессах, взаимоотношениях между социальными группами, государством, партиями;

- деятельный, активный характер политических отношений позволяет людям с их помощью влиять на многие внешние и внутренние параметры своего существования. Например, такое воздействие можно оказать

на экономическую жизнь общества через установление приоритетов экономического развития;

- их специфическим инструментом оказывается власть, принуждение, авторитетное влияние, использование силы организации, в качестве которой могут выступать и партии, и союзы, и государства, движения, институты, возникающие в результате объединения воли и действий людей на основе определенных принципов.

Нерасторжимым единством целостности и социально-психологической фрагментарности политические отношения отличаются от экономических отношений, где доминируют частные интересы. Причем, их ограничение или подавление, непосредственное подчинение общим задачам оборачивается деструктивными для экономики процессами: падением инициативы, снижением конкуренции, торможением технического прогресса. Отличаются они и от морали в сфере, в которой, наоборот, существует абсолютный приоритет общечеловеческих ценностей, интересов и потребностей. Отпечаток этой специфики невольно несет на себе любой человек, вступающий в сферу политических отношений. В его деятельности и сознании действительно нельзя будет разорвать частное и общее, интересы личные и общественные или групповые.

Отметим, что отношения политической организации обладают некоторыми существенными признаками:

1) они служат важнейшим средством определения и выражения интересов социальных групп, действующих в обществе;

2) они связаны с реализацией авторитетных решений, с деятельностью аппарата власти;

3) направлены на преодоление противоречий внутри субъекта политической деятельности.

Здесь существует неразрывное единство самой философии и психологии политических институтов и политической деятельности: политическое действие опредмечивается в институциональном образовании (в соответствующем учреждении, юридической регламентации и т.д.), и, наоборот, институциональное образование постепенно распредмечивается в политическом действии (становится его объектом, средством, критерием, целью).

Существует множество сторон, между которыми устанавливаются политические отношения. При этом одни участники политических отношений служат носителями политического действия и называются субъектами политики, другие – выступают в качестве ее объектов, т.е. таких фрагментов реальности, на изменение, преобразование или поддержку которых политическое действие направлено. Субъектами могут быть отдельные люди, социальные группы, институты, партии, но по своей роли в политике они далеко не однозначны. Субъект политики имеет такие интересы, сферой реализации которых служат именно политические отношения. Особенно велика роль таких субъектов политики как **классы (социальные группы, объединяющие людей с одинаковым типом отношения к собственности) и нации (группы людей, объединенные одним языком, культурой, психическим складом, территорией, общностью экономической жизни)**. Именно во взаимодействии между ними формируется тот круг проблем и интересов, которые, будучи восприняты или отражены отдельными личностями, движениями, партиями, институтами и организациями, требуют для своего решения обязательного вмешательства государственной власти.

Следует иметь в виду, что в политике, как и в любой иной сфере социальных отношений, нет постоянного

закрепления атрибутов субъекта или объекта за определенным неизменным носителем – все участники политических отношений обладают сознанием и волей и в зависимости от конкретной ситуации могут выступать в качестве объекта (когда политическое действие направлено на него) и в качестве субъекта (когда он сам служит источником, носителем политического действия). Так, государство выступает объектом политики, когда на него направлено воздействие тех или иных политических сил, например в целях его реформирования, но оно может быть и субъектом политики, когда само активно вмешивается в регуляцию социальных отношений. Политическая партия выступает в роли субъекта политики, например в предвыборной борьбе, и может служить объектом, когда к ней применяются меры государственных репрессий, регулирования деятельности. При стремлении к максимальному сужению круга субъектов политических отношений, в конечном счете, при доведении их количества до единицы возникает тоталитарная модель построения политических отношений, а с признанием естественности множественности интересов и способов их выражения в политике – **плюралистическая модель**.

Политические отношения можно определить как взаимодействие социальных групп, личностей, социальных институтов по поводу устройства и управления обществом. Они возникают, когда потребность в управлении и властном регулировании социальных процессов и отношений начинает осуществляться при активном участии государства.

Интересы наряду с потребностями – важнейшие побудительные причины человеческой деятельности. Эту функцию они выполняют и в сфере политических отношений. Потребность – это отношение между агентом,, субъектом и условиями его существования.

Интерес – это отношение между субъектами по поводу условий существования. При различении того и другого необходимо иметь в виду, что отличие потребности от интереса заключается не в характере отношений, которые они выражают, но и в предметах, сторонах, между которыми отношения устанавливаются: интерес – это отношение между субъектами, потребность – отношение субъекта к объекту, от которого он зависит и на который направлено его действие.

Все многообразие типов и модификаций политических интересов имеет общий источник. Им служит отношение интересов социальной группы и интересов социальной целостности, общества в целом. Отход от них вызывает формирование иллюзорных, отчужденных от действительных интересов форм, теряющих атрибутивные свойства политического интереса, прежде всего связь, ориентацию на реализацию потребностей социальной целостности. Такой иллюзорной формой политического интереса служит **бюрократический интерес**.

Бюрократизм характеризуется ярко выраженным консерватизмом, отношением к существующим формам руководства и управления как к неизменным структурам, что оборачивается политической слепотой, желанием принимать желаемое за действительное.

Политический интерес служит основой вхождения того или иного фрагмента социальной реальности в сферу политических отношений – процесса политизации, смысл которого – в наличии двух взаимосвязанных, но различных тенденций, одна из которых заключается в выходе действий социальной группы на интересы социальной целостности, другая – в рассмотрении государства в качестве основной силы решения социальных проблем. Но существует множество про-

блем, видов социальных связей, которые в политизации не нуждаются и должны и могут решаться на локальном, групповом уровне, за счет индивидуальных или групповых усилий, без вмешательства государственного механизма. Глобальная тенденция, характерная для всего современного общества – **деполитизация**, ограничение сферы государственного политического вмешательства и регулирования за счет включения механизмов самоуправления, частной инициативы, личной и групповой активности.

Однако на современном этапе общественного развития подобный институционально-организационный подход к проблеме политики представляется явно недостаточным. Возможно, сегодня его следует дополнить подходом личностным, предполагающим рассмотрение статуса личности в политической системе общества.

Действительно, невозможно представить себе функционирование политических структур общества вне человека, вне личности. Индивиды «пополняют» собой, своей энергией, волей, интересами, мотивами, психологическими особенностями, установками политические организации и институты. В конечном счете, развитие общества, история мира, в целом, есть итог и процесс деятельности конкретных людей. В связи с этим выделение и решение **проблемы статуса личности в политике** поможет, с одной стороны, глубже проникнуть в законы функционирования всей политико-управленческой системы общества, с другой стороны, – уяснить процессы политизации или деполитизации индивида, усвоения им политических ценностей, приобщения к политической деятельности, а, кроме того, уяснить и психологию личности, живущей «внутри» политики.

Категория «статус» (от лат. *status*– положение, состояние) в ее применении к субъектам деятельности обозначает их место в системе общественных отношений. Общественные отношения многообразны: экономические, социальные, политические, правовые, нравственные, психологические, религиозные и пр. Каждому виду соответствуют «свои» субъекты, занимающие определенное место в сложившейся иерархии. Иными словами, можно говорить о статусе какого-либо производственного объединения в системе экономических отношений, о статусе той или иной партии в современной политике, о статусе любой из многообразных социальных групп (классовых, национальных, профессиональных, демографических и пр.) в социальной структуре общества. Рассмотрение статуса личности, в том числе ее социально-политического статуса, требует особого методологического основания. Таковым основанием выступает понимание социального статуса личности как ее места в системе социальных отношений, социальной структуре общества. Здесь следует подчеркнуть, что обладание социальным статусом – неотъемлемое свойство всякой личности. Каждый из нас, представляя свою профессию, национальность, пол, возраст, образование, занимает ту или иную ступеньку на социальной лестнице. Статус имеет соотносительный характер. При опоре на систему соответствующих критериев он позволяет определить место индивида в вертикальном (неравенство, «выше – ниже») и горизонтальном (равенство) срезах. Специфика социального статуса личности определяется ее включенностью именно в социальные отношения. Социальные отношения есть отношения интегральные, а потому разнокачественные. Они включают в себя связи материальные и идеальные, объективные и субъективные, экономические и политические, эстетические и нравст-

венные, правовые и религиозные, личностные, возрастные и т.д. Но такое разнообразие составляющих не исключает, а, наоборот, предполагает целостность социальных отношений, которая приобретает в процессе приведения всего этого разнообразия к «общему знаменателю». В качестве такого «знаменателя» выступает характеристика места личности в социальной структуре. Иными словами, содержание социальных отношений составляют только те стороны общественных отношений, которые обращены непосредственно к человеку, характеризуют место индивида в обществе с точки зрения его социального равенства и неравенства. Это отношения социально-экономические, социально-культурные, социально-политические.

Социально-экономический статус – результат взаимодействия экономической и социальной систем общества. Чтобы строить дороги, каналы, эксплуатировать заводы, нужны объединения большого числа людей как работников. Это производственный, собственно экономический аспект деятельности. Ее субъектами выступают промышленные предприятия, экономические ведомства, территориальные органы хозяйственного управления, банки, предприятия торговли и т. д. Подобные организации оказывают огромное влияние на социальную структуру общества, часто даже меняя его психологию. Это влияние осуществляется посредством характера и содержания труда, в который вовлечены люди. В ходе производственной деятельности они занимают определенное социально-экономическое положение (социально-экономический статус), которое описывается рядом показателей: средний размер заработной платы, объем душевого дохода, жилищные условия, имущественная обеспеченность, степень удовлетворения потребностей в различного рода услугах – транспортных, медицинских, бытовых и др. И, что

важно для нас, определенный настрой, мотивацию, эмоциональный личностный фон.

Отношения в сфере культуры в ее общем понимании охватывает все общество, все его ступени и системы. В этом смысле она сама общественная связь, существующая между людьми. Но при рассмотрении проблемы статуса личности применяется узкий подход к явлению, берется важнейшая часть культуры – сфера воспитательной и просветительной деятельности. Ее субъектами являются образовательные организации, средства массовой информации, воспитательные, культурно-просветительные, спортивные учреждения и т.п. Будучи включенным в подобные организации, человек наследует, сохраняет, распространяет, осваивает общезначимые результаты, достигнутые обществом на данном этапе его развития.

Связи, возникающие в процессе развития индивида, его нравственного и умственного совершенствования, «возделывания» души и тела, составляют **социально-культурный статус личности**. С этой точки зрения учитываются показатели образования, духовного и психологического облика людей, их приобщения к культурному наследию, социализированности, развитости индивидуальных способностей и др.

Многие государственные органы, политические организации, движения, комитеты, фронты, центры взаимодействуют между собой по поводу власти, ее завоевания, удержания, укрепления, использования. Возникающие взаимоотношения, на первый взгляд, имеют собственно политический характер. Но, вместе с тем, государство, иные политические институты, движимые необходимостью эффективного политического управления, взаимодействуют и с разнообразными социальными группами, и с составляющими их индивидами. В свою очередь, **каждый индивид не только**

объективно включен в политическую систему общества. Удовлетворяя или недостаточно удовлетворяя свои потребности и интересы, он субъективно стремится прямо или косвенно приобщиться к управлению общественными процессами, устанавливает для этого связи с политическими институтами общества. Характер и совокупность подобных взаимосвязей и определяют социально-политический статус личности.

Власть либо защищает интересы граждан или их определенной части, либо ограничивает, прямо или опосредованно подавляет их. В свою очередь, граждане поддерживают власть либо оказывают ей активное или пассивное сопротивление. Возможна и ситуация безразличного, индифферентного отношения к политическим институтам масс, разуверившихся в способности власти управлять обществом, что, с точки зрения психологии, вполне объяснимо. В этих и других подобного рода действиях и отношениях проявляется характер психологического и социально-политического статуса социальных групп и отдельных личностей. Например, в современной политической жизни нашего общества налицо сложная картина переплетений интересов различных групп и слоев и их включенности во властные структуры: тех, чьи жизненные интересы были ущемлены властью в предшествующих период истории; лиц, чьи интересы тем или иным образом ущемляются в современной социально-политической ситуации; тех, кому политическая конъюнктура дает «зеленый свет» в достижении социальных целей и др. В результате такой разнонаправленности установлений возникают и развиваются социально-политические отношения и сотрудничества, консенсуса, и конфликта, противостояния, борьбы.

Идентификация социально-политического статуса личности позволяет сказать следующее:

- **во-первых, следует подчеркнуть тесную взаимосвязь социально-экономического, социально-культурного и социально-политического статусов индивида. Высокие показатели социально-экономического статуса данной личности, скорее всего, будут способствовать достижению ею высоких показателей социально-политического статуса, и наоборот.** А высокие показатели социально-культурного статуса явятся неперенным условием, своеобразным фундаментом подобного взаимовлияния социально-экономического и социально-политического статусов. Недостаточные показатели их могут стать серьезным препятствием для данной личности в достижении ею высокого социально-политического статуса;

- **во-вторых, среди трех составляющих статуса личности один может быть доминирующим, оставляя два других на социальной и психологической периферии.** Например, у крупного бизнесмена ведущим может быть социально-экономический статус, а у депутата или политического партийного лидера – социально-политический. При этом следует отметить, что иерархия статусов может меняться в зависимости от сложившихся конкретных условий деятельности и отношений личности. Кроме того, не всегда тот статус, который в качестве главного выделяет общество в данной личности, совпадает с тем статусом, какой выделяет в себе в качестве такового сам субъект политики. На этой почве возникает немало драматических противоречий внутреннего плана личности политика, неадекватно представляющего свое место в обществе, в общественном мнении, СМИ и др. Так, предприниматель может надеяться, что главное в его социальном статусе

се – социально-экономическая составляющая, имущественное, материальное положение. Но в общественном мнении решающее значение может приобрести его нравственный облик, уровень образования, культуры, полезность для общества и прочее. Высококвалифицированный специалист – представитель национальных меньшинств – будет надеяться, что, в первую очередь, оценят его профессионализм, но при решении определенного круга проблем могут обратить внимание именно на национальную принадлежность, придав ей приоритетное политическое звучание в социальном статусе;

- **в-третьих, рассогласование социально-экономического, социально-культурного, социально-политического статусов личности политика, деформация их иерархии чревата негативными последствиями не только для самого политика, но и для общества.** В стабильном, социально сбалансированном обществе различные измерения статуса личности в социально-политической системе взаимосвязаны. Изменяя показатели одного из них, субъект политики, соответственно, меняет характеристики другого. С. Липсет¹⁴⁸ в связи с этим отмечает: *«Человек, восходящий на другую ступень социальной иерархии, как правило, меняет круг друзей, присоединяется к новым организациям, меняет место жительства. Иногда он изменяет даже свою религиозную принадлежность и имя. Очень часто претерпевают изменения и его политические взгляды»*¹⁴⁹. Степень согласованности статусов выражает социальную определенность личности и является важнейшим фактором стабильности общества в целом и перспектив успешной самореализации самого политика;

- **в-четвертых, механизмом реализации всех трех статусов, их интеграции и успешной реализации выступает социально-психологический статус.** Его

сущность проявляется через мотивированное целенаправленное развитие творческого потенциала субъекта политики, гармонизацию его притязаний с интересами и ожиданиями общества, а также в достижении соответствия личностно-профессиональных качеств объективным требованиям общества, предъявляемым к конкретному статусу политика. **По своему содержанию, социально-психологический статус представляет собой многомерную структуру, синтезирующую: в качестве приоритета – политика как целостности его индивидуальных, личностных, субъектно-деятельностных характеристик, которые делают его самобытной индивидуальностью, которая в соответствии с принимаемым моделью, алгоритмом и технологией реализует востребованный обществом собственный статус; взаимосвязи и отношения политика с социальной средой, политическими институтами, которые реализуются через различные каналы взаимодействия, деятельности, общения и пр.; многомерное социальное окружение, которое выдвигает требования, создает условия и оказывает иное активное и пассивное воздействие на облик, деятельность и поведение политика. Именно социально-психологический статус определяет продуктивность его социально-политического статуса.**

Структурными компонентами социально-политического статуса личности являются социально-политическое положение, социально-политическая позиция, социально-политический престиж и мотивация политической деятельности, профессионализм в выполнении политических функций.

Социально-политическое положение определяется сложившейся системой политических отношений, в которую включены субъект политики и его взаимо-

связи в обществе. Формируемые в ней политические отношения имеют объективный характер и складываются на продолжительный период времени в ходе совместной политической деятельности. Социально-политическое положение личности можно выяснить, опираясь на ряд объективных показателей: характер включения политика в управление общественными процессами, механизм связи с политическими институтами общества, социально-политическую роль в обществе, политические права и обязанности, степень политического влияния, уровень авторитета.

Социально-политическая позиция как объективная сторона статуса личности политика проявляется как его внутреннее самоопределение, осознание, оценочное отношение к собственной Я-концепции, социально-политическому положению и результатам своей политической деятельности. Эта позиция проявляется не только в политической деятельности, но и в поведении, взаимоотношениях, во всех реальных и формальных сторонах политики.

Социально-политический престиж и мотивация политической деятельности определяют направленность и заинтересованность в выполнении различных обязанностей в сфере политики.

Профессионализм или профессиональная компетентность политика определяют его успешность в выполнении политических функций.

Будучи включенным в ту или иную политическую систему, организацию, человек интегрирует в себе политически значимые черты данного общества (сообщества). Таким образом, **социально-политический статус становится одновременно и элементом психологической структуры личности политика, и его социальной моделью, признаваемой обществом.** В частности, каждый представитель какого-либо

демократического государства, открытого общества, имея общий образ жизни и реализованность политических прав и свобод, подчиняясь демократическим принципам и традициям поведения, ориентациям и установкам, соответственно оценивает свою жизнь и деятельность, жизнь и деятельность людей, находящихся в условиях тоталитарных, закрытых обществ. Все это оказывает огромное воздействие на жизнь конкретного субъекта политики. Вместе с тем, подобный процесс неоднозначен. Его не следует абсолютизировать. Зачастую одно и то же социально-политическое положение в обществе по-разному воспринимается, переживается, оценивается разными людьми. Этим объясняется различие в позициях, существующее у людей, обладающих одинаковыми социально-политическими показателями. Здесь сказывается многое, в частности, духовность личности, ее мировоззренческие установки, многообразные влияния со стороны иных социальных групп и политических организаций, социально-психологические особенности личности и т. д.

Социально-политическая ориентация личности, с точки зрения психологии, имеет ряд сторон:

а) **ретроспективную**, складывающуюся по поводу политического «происхождения», политического прошлого человека;

б) **ситуативную**, обусловленную наличным социально-политическим положением;

в) **перспективную**, связанную с планами развития социально-политических показателей статуса личности.

В более узком смысле слова это выбор личностью предпочитаемого социально-политического положения и путей его достижения.

Социально-политический престиж также принадлежит субъективной стороне статуса. Это тоже

оценка места личности в политической системе, но даваемая уже общественным мнением, другими, порой, это то, что может превратиться не только в политический, но и в психологический портрет: сравнительный характер и приписывание особой привлекательности, что вызывает у людей стремление приобщиться к нему. Это один из действенных регуляторов поведения. Оценки социально-политической престижности даются на основании понимания социальной и политической значимости данного вида деятельности (законодательной, исполнительной, судебной, военно-политической, внутривластной, внешнеполитической и т. д.), на основании определенной системы ценностей, установок, идеалов, сложившейся в обществе.

В целом характеристики социально-политического статуса личности, его «содержание» во многом зависят от типа общества, сложившейся в нем политической системы. Рассмотрим тоталитарные и демократические системы.

Следует подчеркнуть, что тоталитарные или демократические показатели характеризуют не только политический режим, но и каждую сферу общественной жизни. Иначе говоря, **тоталитаризм и демократизм – не изолированные от других общественных процессов политические явления, а составные части целостного изменения общества: развития социальной структуры, экономического роста или спада, движения производительных сил, прогресса или застоя знаний, формирования либо отсутствия гражданского общества и правового государства, эволюции культуры, сочетания индивидуального и коллективного развития человека и общества и т.д.** Таким образом, тоталитарное и демократическое общества различаются не только спецификой положения индивида в политической системе, но и

особенностями взаимосвязи всех составляющих социального статуса личности – социально-экономической, социально-культурной, социально-политической. Тоталитаризм – это общественный строй, при котором государство полностью подчиняет себе все сферы (системы) жизни общества и отдельного человека. Существующая лестница социальных неравенств закрепляется и поддерживается элитой в неизменном состоянии. В экономике обеспечивается доминирование государственной собственности. В психологию, в сознание масс внедряется всеохватывающая мобилизационная идеология, обращенная не столько к разуму, сколько к чувствам, инстинктам. Монопольным правом на политическую деятельность обладает только одна партия. А поскольку любая деятельность при тоталитаризме является государственной, подчиненной идеологии, постольку любое прегрешение в хозяйственной или профессиональной сфере сразу же превращается в политическое. Такие важнейшие показатели статуса личности, как политические права и обязанности, социально-политическая роль в управлении делами общества, носят в тоталитарном обществе по большей части «декоративный» вид, на деле реализуются в незначительной степени.

Социально-политический престиж высокостатусного положения в тоталитарном обществе высок. Во-первых, обладать значительной политической властью в подобном обществе – значит обладать властью не только в политике, но в жизни, в обществе в целом. Во-вторых, престиж – образование, которое может адекватно отражать положение того или иного субъекта в пирамиде власти, а может быть завышенным (заниженным) относительно этого реального положения. Так, например, пропагандистские кампании, направленные на «освящение» в свое время руководящей роли КПСС

в советском обществе, способствовали завышению социально-политического престижа любого субъекта, включенного во власть.

В демократическом обществе существует иной, отличный от тоталитаризма, характер взаимосвязи общественных систем. Рыночной экономике с различными формами собственности здесь соответствуют демократические показатели политической системы. Государство не руководствуется идеями ни одной из противоборствующих партий. Однако следует заметить, что оно требует от всех партий уважения к себе, к своей конституции. Не будучи связано с какой-либо одной партией, в идеологическом смысле оно носит светский характер, поддерживает плюрализм идеологической системы. При отсутствии жесткого государственного давления на гражданское общество это общество самоформируется, выстраивая социальную иерархию, соответствующую эффективности экономики, развитию культуры и духовности.

В гражданском обществе, неразрывно связанном с демократией, разнообразие политических взглядов, мотивов, интересов не только допустимо, но и необходимо – здесь действуют многообразные социальные и политические силы, достигающие своих целей путем взаимных контактов, соглашений, и, естественно, взаимопонимания либо противостояния. Средний и высокий социально-политический статус личности может быть связан с ее соответствующим местом на государственной службе, а может – с местом в политической партии, поддерживающей государство либо оппозиционной ему. При этом достаточно высокое социально-политическое положение личности в партии не обязательно сопровождается соответствующим уровнем социально-политического престижа в обществе – сказывается политическая «разнокалиберность»

гражданского общества, состоящего и из влиятельных и, одновременно, из самых незаметных политических образований.

В условиях многопартийности участникам политической жизни в большей степени присуща особая психология, ценностно-ориентированный тип вовлеченности в политику, связанный с осознанием интересов и предпочтений соответствующих социальных групп. Государственный пост, членство в выборном органе, формальное или неформальное лидерство в партии, движении, парламентской фракции требуют выработки решений, отстаивания четкой политической позиции. В борьбе за ее утверждение, по сути, и складывается социально-политическое положение, или, в целом, статус «политической» личности.

Следует подчеркнуть, что реальность социально-политических показателей низкого, первичного уровня статуса, связанная, в частности, с действительной выборностью власти, защищенностью и реализацией прав и свобод человека, влияет и на социально-политическую позицию, и на престиж человека в демократическом обществе, осознающего собственную значимость в процессе формирования политической системы в стране, и на его психологическое состояние в этом государстве.

Характеристика компонентов социально-политического статуса личности, его уровень в решающей степени зависят от психологии взаимоотношений человека не с политической системой в целом, а с государством. Государственность пронизывает всю жизнь общества, человека. **Связь человека с государством интериоризируется и воплощается не только в социально-политической позиции, но в качествах духовного облика, мировосприятия каждого индивида.** Это качество, сформированное человеком в

процессе его жизнедеятельности в рамках государственно-политических образований, иногда называют **сопричастностью человека государственности**. Взаимоотношения человека с государством характеризуют социально-политический статус личности. А отношение человека к государству зависит от отношения государства к человеку, которое при всем многообразии оттенков может быть сведено к двум аспектам: защите и подавлению личности.

В современном обществе государство воспринимается реально как институт подчинения, давления на человека. Объективные основы подобного восприятия существуют. Государство регулирует отношения между людьми с различными, часто противоположными интересами и устремлениями и должно опираться на силу (силу закона) в поддержании сложившейся иерархии социально-политических статусов. На практике сложились различные формы и степени государственного давления, ограничения статусных показателей личности. Во-первых, это **прямой запрет**. Речь идет, к примеру, об ограничениях передвижений между странами, ограничениях в праве проживания в отдельных районах, городах, отстранении от участия в выборах, запретах на профессию, препятствиях при получении гражданства и т.п. В известных условиях подобные действия государства могут быть оправданными, но, в целом, они воспринимаются человеком как ущемление его статусного положения, изменяют качество сопричастности государству. Во-вторых, государство способно выступать **как угроза обществу и гражданину**. Подобная социально-политическая роль государства проявляется, как правило, в тоталитарно-репрессивных режимах. Эти режимы не просто ограничивают те или иные социально-политические показатели статуса личности, но путем прямого насилия, по сути, парализуют

ее социальное развитие, лишая человека права на свободу. Деформация социально-политического статуса приводит к соответствующей реакции, которая воплощается в адекватной наполненности позиции индивида. Данная позиция в одном случае может быть связанной с социальным страхом, пронизывающим все общество; в другом случае – с социальной апатией, полным безразличием по отношению к политическим вопросам; в третьем – с социальным конформизмом, стремлением приспособиться к режиму, жить по двойному социально-политическому, духовному стандарту. Наконец, в четвертом случае социально-политическая позиция человека проявляется в стремлении активно противостоять государству в деятельности по реализации данной позиции. Социально-политический престиж государства в глазах личности и соответствующий престиж личности в глазах государства ничтожны.

Сопричастность личности государству, таким образом, в существенной степени характеризует ее социально-политический статус, наполняет позицию человека самыми противоречивыми установками и ценностями. Здесь могут сочетаться (даже одновременно) мотивы, связанные как с ролью государства-защитника, так и с ролью государства-насилъника. И такое противоречивое единство обусловлено объективными причинами и вполне закономерно.

Итак, каждая личность занимает определенное место в политической системе общества, приобретая тем самым социально-политический статус. Это ее соотносительное положение в политической системе общества, характеризующееся соответствующей ролью, правами и обязанностями, осознаваемое индивидом в качестве его социально-

политической позиции и получающее престижную оценку в общественном мнении.

Проблема личности (отличать от проблемы лидерства!) в политике относится к числу вечных. Она вызывает интерес у философов и историков, писателей и моралистов, религиозных мыслителей и психологов. И в психологии, и в политической науке, между тем, эта проблема относится к числу наименее исследованных. Личность «выносится за скобки» либо потому, что ее влияние на политические события считают минимальным, либо потому, что нет точных методов исследования, позволяющих учитывать уникальные, неповторимые свойства личностей тех, кто делает политику.

Однако сегодня одной из причин поворота ученых к изучению феномена личности стала неспособность институционального подхода предсказать те кардинальные перемены, которые произошли в мире после начала перестройки в СССР. Многие тогда задавались вопросом: как развивалась бы политика в мире, если бы генеральным секретарем КПСС был избран не М. С. Горбачев, а, например, А. А. Громыко¹⁵⁰ — это уже и фантазии в духе «альтернативной истории». «Вес» личностных качеств советского лидера в происшедших переменах был столь значителен, что это просто заставило пересмотреть традиционные подходы к изучению психологии политики.

Для большинства непрофессионалов именно вокруг личностей тех, кто делает политику, сосредоточен и основной интерес к политике. Читая публичка хочет знать биографии тех, кто изменил лицо эпохи. Ее интересуют их стиль и вкус, семейное окружение и спортивные увлечения. Нам не случайно кажется: поймем политика как человека, и перед нами откроются скрытые пружины его поведения.

Еще Б. Паскаль¹⁵¹ сказал, что если бы нос Клеопатры был чуточку короче или чуточку длиннее, то история человечества выглядела бы совершенно иначе¹⁵².

В русле этой традиции велись дискуссии конца XIX — начала XX века о роли личности в истории, которые хорошо

известны благодаря вкладу А. Толстого, Т. Карлейля¹⁵³, Г. В. Плеханова¹⁵⁴ и А. Д. Троицкого¹⁵⁵.

Роль личности в истории вообще и в политике в особенности обосновывается часто личными достоинствами вождей: политическим талантом, способностями, знаниями, навыками, авторитетом. Предлагается и компенсаторная концепция власти- комплекс неполноценности, вызванный детскими травмами, мобилизует на достижения, несравнимые с достижениями более удачливых сверстников,

Политологи и психологи позитивистского толка, особенно бихевиористски ориентированные, не возражая против исследования отдельных компонентов личности в политике, не видят смысла в анализе целостной личности как фактора, влияющего на процесс и систему. Они считают, что индивидуальные особенности «гасят» друг друга в масштабных политических процессах. Поэтому стоит изучать не индивидуальные, а массовые закономерности, например, распределение политических ролей. Личностью же можно пренебречь...

Теоретики, принадлежащие к марксистской традиции, выделяют экономические факторы, детерминирующие политику. Ученые, стоящие на позициях функционализма, фокусируют исследование на системообразующих составляющих политических партий, организаций, движений. Общее между ними то, что они выводят личность за рамки факторов, среди которых следует искать причинное объяснение макрополитических процессов.

Политическая практика авторитарных и тоталитарных режимов дает дополнительные аргументы тем политологам, которые стремятся ограничить значение личностных детерминант политики. Они полагают, что если авторитарная политика рассматривает человека как материал для своих политических экспериментов, то зрелая демократическая система должна быть безличным механизмом, который обеспечивал бы человеку его права и свободы независимо от того, какой лидер сегодня во главе государства. Крайним выражением этой

позиции являются леворадикальные, анархистские концепции, которые отрицают не только авторитет вождей, но и вообще необходимость любой организованной политической деятельности, сводя тем самым на нет значение разумной личности в политике. На место воли и сознания личности, планирующей и организующей политический процесс, приходят массовые инстинкты.

Личность рядового гражданина обозначается во множественном числе, как часть массы. Вовлечение в политику ранее пассивных слоев населения со всей остротой поставило перед политической психологией и политологией в целом вопрос о том, как личностные особенности влияют на участие в политике.

Кроме выявления «веса» личности в анализе политического процесса в политической психологии ставится и другая важная задача: понять, каково содержание этого взаимодействия, какие тенденции прослеживаются в разных типах политических систем? Современные политологи вводят мотивы, объясняющие необходимость подчиненного положения личности, мотивируя ее управленческими задачами, достижением большего равенства. Однако общим для всех приверженцев данной модели является представление о политическом регулировании как подчинении личности государству, организации, элите, ограничивающему участие рядового гражданина и его роль в политике. **При этом сама личность выступает в роли пассивного объекта управления, нуждающегося в надличностных механизмах, способных обуздать ее несовершенную природу.**

Рассмотрение только «интереса» предполагает, что и социальный, и политический порядок возникает как естественный результат сочетания интересов разных людей; нужна не сила подавления, а рациональное осознание индивидом своих выгод от общих усилий. Важнейшим постулатом в этой традиции является рассмотрение личности как активного субъекта политической деятельности. Те

либеральные и неоконсервативные теоретики, которые используют эту модель, резко негативно относятся к любым формам коллективности, централизации власти и подчинению ей индивида. Проблемы политического строя, власти и свободы они рассматривают в индивидуалистической перспективе.

Существует и концепция, определяющая значение личностного фактора в политическом процессе. Его роль становится особенно важной, во-первых, когда появляются абсолютно новые политические обстоятельства, не имеющие аналогов в прошлом. Во-вторых, в сложной и противоречивой ситуации с большим числом неопределенностей. В-третьих, в ситуации, когда есть выбор между разными силами, предлагающими разные политические решения. **Роль личности в политическом процессе тем больше, чем более среда восприимчива к тому, что личность ей предлагает, чем выше позиция человека в политической системе, и чем ярче сила Эго того или иного политика.**

Концептуальное осмысление проблемы создания личностно-профессиональной модели современного политика обусловлено рядом обстоятельств традиционного и неординарного характера. Одним из наиболее существенных таких обстоятельств выделяется общий переход страны к рыночной экономике. Рыночные отношения требуют преобразования всех сфер жизнедеятельности общества, и прежде всего функционирования политических институтов. Их приоритетность среди других определяется не только ответственными и нестандартными задачами, которые решают субъекты политики в современных условиях, но и отсутствием достаточных теоретико-методологических, организационных и практических основ разработки и реализации научно обоснованной модели современного политика как ее основного субъекта политической деятельности.

Многие исследователи справедливо отмечают, что проблема личностно-профессионального развития и самореализации политиков собственно в научном плане поставлена сравнительно недавно, а в политической психологии выдвигается впервые.

Реальность такова, что в познании и решении этой проблемы ученые и практики руководствуются сложившейся методологической парадигмой. Как следствие такого подхода – каждая наука в отдельности получает и оперирует частичным знанием о сущности данного целостного феномена. Соответствующие им учебные дисциплины доносят эти фрагментарно-парциальные знания до тех, кому они необходимы на практике, – настоящих и будущих политиков.

Однако, не получив изначально целостного конструктивного оформления, такие частичные знания о политике и ее субъектах не только имеют много «белых пятен», но и значительная их часть на практике просто не востребуется. Например, политический лидер, реально сталкиваясь в политической деятельности с проблемой многоплановости политической активности в целостности и взаимосвязанности со всей социальной реальностью, сам интуитивно завершает «доконструирование модели» и подготовку в соответствии с ней к целенаправленной деятельности, политическим отношениям и саморазвитию. Этим он пытается восполнить востребованные практикой знания и деятельностные способности, которые обязаны были сообща выработать концептуально и в деталях все науки, заинтересованные в оптимизации его политической деятельности. Анализ личностно-профессионального развития и самореализации современных политиков показывает, что проблема профессионализма в политической сфере в настоящее время практически не является предметом исследования всех тех наук, которые занимаются этой проблемой.

3.4. Психология социальной стратификации

Живя и воспринимая действительность в соответствии с групповыми нормами и стандартами, люди вступают в определенные конфликтные отношения с представителями других общностей, групп, имеющих иные потребности, взгляды на жизнь, возможности и ресурсы. Эти межгрупповые

отношения, выражая различия между людьми по тем или иным признакам, фиксируют тот уровень общественной дифференциации и политической психологии, которые сложилась в каждом конкретном обществе. Как показывает опыт, именно переплетение интересов групп, их различные связи и взаимоотношения оказывают существенное воздействие на содержание политических процессов. Однако не все конфликтные отношения между группами могут проявляться в политической сфере и оказывать влияние на институты власти. Да и далеко не каждая группа стремится использовать политические средства для решения проблем, предпочитая строить свои отношения с оппонентами на идеях сотрудничества, взаимопонимания или заключения различного рода договоров и сделок. В ряде случаев стремление включиться в политику для защиты своих интересов сочетается у некоторых групп с неспособностью использовать институты государственной власти для укрепления своей целостности, завоевания новых ресурсов или достижения более высокого общественного положения. А в отдельных, например, тоталитарных, системах группы и вовсе лишены возможности претендовать на политическое участие и, как правило, являются объектами, а не субъектами власти. Таким образом, **социальная группа с политической точки зрения – это только потенциальный субъект психологических отношений в сфере государственной власти. Становление ее реальным, действующим субъектом политических отношений, практически использующим свои ресурсы в целях изменения характера функционирования государственной власти и управления, представляет собой длительный и сложный процесс, который зависит**

от многих внутренних и внешних для группы причин. Процессы политического оформления и выдвижения групповых интересов в сферу публичной власти, обуславливающие формирование особых институтов и механизмов, которые способны оказывать постоянное воздействие на государство в целях соответствующего общеколлективным потребностям перераспределения социальных статусов и ресурсов, составляют содержание системы **социального представительства.** Основными элементами такой системы являются: источники и причины политического участия; процесс групповой самоорганизации; формирование представительных структур и их взаимодействие с властью.

Наличие источников и причин политического участия групп обусловлено характером социальной стратификации, которая выражает различия возможностей, прав и обязанностей людей, обусловленных их принадлежностью к конкретным общественным группам. Добавим и о наличии различных психологических свойств и качеств восприятия реальности.

Термин **«страта»** характеризует группу в качестве единицы анализа социального положения людей. **Под ней может пониматься устойчивая социальная общность, класс или часто складывающаяся структура совместного действия людей.** В основании ее выделения лежит тот или иной показатель (общественный ресурс), по которому сравнивается и сопоставляется положение людей в социальном пространстве. Степень обладания группой теми или иными ресурсами, с одной стороны, фиксирует ее положение в обществе (статус), а с другой – позволяет ранжировать статусы групп, дифференцировать последние в зависимости от обладания конкретными ресурсами. В силу этого стратификация

характеризует общественную дистанцию между людьми не только по вертикали (например, между министром и рядовым служащим), но и по горизонтали (между министром и соответствующим ему по рангу генералом). Таким образом, стратификация, фиксируя все реальные отношения равенства и неравенства людей в конкретном обществе, которые вытекают из занимаемого группами социального положения, позволяет сопоставлять групповые статусы, права и возможности людей, выстраивать социальные иерархии.

Социальная стратификация в психологическом отношении характеризует дифференциацию общества, которая складывается под воздействием социально-экономических и всех других внешних и внутренних отношений и связей. Социальная стратификация, будучи показателем асимметричности общественных отношений и изменяясь по форме, существовала всегда и даже тогда, когда провозглашалось равенство людей от рождения. При этом содержание стратификации всегда определялось и определяется до сих пор во взаимодействии двух основных социальных тенденций: к расслоению населения и к его преодолению. Как писал П. Сорокин¹⁵⁶, *«в любом обществе в любые времена происходит борьба между силами стратификации и силами выравнивания»*¹⁵⁷.

Идеи дифференциации общественного положения людей имеют долгую историю. Так, одним из первых ученых, который мыслил в терминах классов, был Платон, констатировавший расслоение людей на богатых и бедных и полагавший, что правильное государство должно иметь другую дифференциацию: чиновников, правителей и воинов. В XVII в. введено в научный оборот понятие «класс», которое К. Маркс и Ф. Энгельс впоследствии жестко связали с производственными от-

ношениями. М. Вебер же, полагая, что только экономические критерии слишком узки для анализа социального положения людей, предложил рассматривать более широкий круг источников неравенства: богатство, определяющее положение социальной группы в зависимости от величины присваиваемых ею благ (в связи с чем он выделял «имущие» и «приобретающие классы»); престиж, выражающий принятые в обществе оценки и стандарты относительно предпочтительного образа жизни того или иного слоя; власть, характеризующую способность различных групп оказывать преимущественное воздействие на сферу управления, суцность общества в усилении разнообразия¹⁵⁸.

В дальнейшем, в соответствии с пониманием неизменного усиления разнообразия общества, повышения его **«социальной гетерогенности»** ученые значительно усложнили основания стратификации. Была сформулирована идея, согласно которой стратификация представляет собой набор статусов и ролей, обозначающих гибкую, подвижную и временную принадлежность людей к тем или иным группам. Таким образом, жесткая (ригидная) принадлежность к группе стала сочетаться с гибкой, подвижной приобщенностью к ней людей с особой психологической структурой.

Ряд ученых интерпретировали стратификационные различия строго и сугубо психологически: **чем больше люди испытывают симпатию друг к другу, тем они более социально близки, и наоборот, люди, испытывающие взаимную неприязнь и даже ненависть, социально отдалены.** Стратификационные различия на основе определялись и на основе **«репутационного метода»**, предполагающего самоидентификацию граждан, т.е. отнесение ими себя к определенному слою: высшему слою высшего класса, низшему слою высшего класса, высшему слою среднего класса, низшему слою

среднего класса, высшему слою низшего класса и низшему слою низшего класса.

В последние годы исследователи обратили внимание на прогрессирующее значение различий в образовании людей, в религиозной принадлежности, а также различий родственных, этнических, психологических и особенно социокультурных характеристик. Под влиянием культурных ориентиров, например, в среде молодежи постоянно формируются группы приверженцев альтернативным, контркультурным ценностям; ряд традиционных социальных различий перестал отражаться на образе жизни отдельных групп (например, многие рабочие в силу повышения материального благосостояния стали вести образ жизни буржуазных слоев); в области семейных отношений появляются формы однополых связей, ломаются привычные стандарты поведения людей, ослабляется привязанность людей к традиционным нормам и стандартам классов, слоев, семейных групп. Причем, такие тенденции устойчиво коррелируют с рядом тенденций политической жизни – с расширением форм индивидуального политического участия, ослаблением партийной идентичности, ростом поддержки независимых политических деятелей и т.д.

Обобщая сложившиеся подходы в определении социальных различий, способных приобрести остроту в восприятии группами своих интересов и инициировать их политическое участие, можно выделить следующие типы социальной стратификации:

- **территориальную, отражающую различия между жителями отдельных территорий (например, Приморья и Воркуты, Башкирии и Москвы и т.д.);**
- **демографическую, характеризующую половозрастные особенности различных слоев населе-**

ния (молодежи и пенсионеров, женщин и мужчин, детей из полных и неполных семей и т.д.);

– этнонациональную, выделяющую различия родственных и этнических общностей (между теми или иными семейными группами, людьми, принадлежащими, например, к казахской нации и калмыцкой народности, коренной и некоренной нациям и т.д.);

– конфессиональную, отражающую различия между людьми, которые придерживаются различных религиозных убеждений (между верующими и атеистами, представителями различных вероисповеданий);

– социокультурную, фиксирующую различия в стилях поведения людей, их жизненных ориентациях, доминирующих традициях и иных культурно значимых компонентах их поведения;

– социально-экономическую, обозначающую разницу в доходах, уровне образования, профессиональной компетенции тех или иных групп работников;

– социально-психологическую, отображающую различия между людьми с точки зрения общественного признания важности и значимости их статусов и форм поведения (например, в виде престижа и уважения разнообразных человеческих объединений);

– позиционную, указывающую на различия между людьми по степени их властного могущества, влияния на принятие управленческих решений.

Каждый из перечисленных типов групповых различий свидетельствует о реально существующем расслоении населения и может стать источниками политической активности граждан. Однако отдельные виды различий могут быть преодолены за счет использования

группами механизмов самоорганизации, более полного использования внутренних возможностей для роста экономических показателей жизни своих членов, укрепления солидарности с другими социальными общностями и т.д. При этом **мотивация к использованию особых, в том числе, политических, форм урегулирования межгрупповых противоречий и, более того, социальная напряженность в поведении людей могут возникать даже при понимании одной только разницы социальных статусов.** Как отмечает С. Липсет, *«когда люди занимают несовместимые социальные положения, два взаимопроверчивых статуса могут... даже вызвать к жизни... экстремистскую реакцию»*¹⁵⁹.

Как показывает практика, первостепенной причиной активности группы выступают ее **наиболее существенные, властно значимые интересы, которые она не может реализовать без привлечения механизмов государственного управления.** Наличие властно значимых групповых интересов свидетельствует как о дефиците жизненно важных ресурсов, без которых человек не способен достичь своих целей, так и об остроте потребности в этих средствах существования.

Действие причин, побуждающих политическую активность групп, влечет за собой создание необходимых механизмов и институтов, обеспечивающих ее реальное вступление в политическое пространство. Основными составляющими этого сложного и многогранного процесса являются **процедуры и технологии артикуляции и агрегирования интересов, а также формирование представительных структур.**

Процесс артикуляции представляет собой преобразование исходящих от принадлежащих группе граждан социальных эмоций и ожиданий в четкие и определенные политические цели и требования. При этом, артикуляции подвергаются не только явные,

но и латентные (внешне не выраженные) интересы. Поэтому артикулированы могут быть и рационально понятая солидарность с властями, выражающая, к примеру, удовлетворенность граждан своим уровнем жизни, и смутно ощущаемый людьми социальный дискомфорт, чувства социального одиночества, жизненной неустроенности и т.д. Артикуляция направлена на то, чтобы донести до принимающих государственные решения лиц пожелания различных частей населения и тем самым включить последних в политический процесс как равноправных носителей властных прав, утвердив их в качестве субъектов политики. За счет артикулирования групповые интересы начинают «снизу» встраиваться в систему сложившихся в стране политических взаимоотношений. В целом, способствуя выдвиганию перед правительством массы разнородных, не скоординированных между собой запросов различных групп, процесс артикуляции усложняет и одновременно оптимизирует принятие государственных решений. Это связано с тем, что правящие структуры получают возможность видеть наиболее тревожащие общество проблемы, определять соответствующие приоритеты в разрешении социальных конфликтов, координировать свой курс в соответствии с изменяющейся ситуацией и оценками общественного мнения и общественной психологии. **Способностью к артикуляции обладают практически все социальные группы, независимо от уровня их самоорганизации. В качестве субъектов групповой артикуляции могут выступать и представители данного слоя населения, и даже отдельные лица, действующие вне рамок посреднических структур. В науке сегодня обычно выделяют следующих субъектов артикуляции: все население (макросоциальная группа); корпус граждан (особая часть населения);**

компетентная группа (посредническая структура) и лидер. Каждый из них обладает собственными возможностями в деле политической трансформации групповых потребностей, придания этим интересам той субъективн-психологической формы, которая наиболее точно выражает чаяния и замыслы людей. В основе субъективного оформления групповых требований лежит задача вычленения подлинной проблемы, которая является источником либо протеста, либо поддержки властей. Например, в качестве причины падения своего уровня жизни, заставляющего людей обращаться к государству, могут быть признаны следующие факторы: неэффективное управление экономикой со стороны центральных властей, ошибки местного руководства, внешнеполитические причины, предполагающие необходимость несения дополнительных расходов в связи с ведением военных действий за рубежом, и т.д. Понятно, что в зависимости от признания той или иной причины ухудшения своего положения люди будут выдвигать и различные требования к власти, т.е. по-разному трактовать вызвавшую их недовольство проблему. **Политические требования, как правило, связаны с наличием у группы многих нерешенных вопросов, поэтому артикуляция предполагает селекцию ее властно значимых потребностей, которая заканчивается выстраиванием определенных проблемных иерархий и отбором наиболее важных и значимых запросов к власти.** Политически оформленные интересы могут иметь и самые разнообразные формы выражения. Они могут быть представлены не только в виде конкретно выраженных просьб, требований, лозунгов или ясно сформулированных программных целей той или иной партии, но и в виде неопределенных деклараций.

Принципиальным требованием к артикуляции интересов является приведение выдвигаемых к власти требований в соответствие с наиболее общими, принятыми в конкретном обществе «правилами игры». В большинстве случаев такое соответствие предполагает, что требования солидарности или протеста со стороны групп будут иметь конвенциональный характер и не выходить за рамки правового пространства. Однако потребность в соответствии политических требований принятым в данном государстве нормам имеет несколько более широкий характер, поскольку поставленные цели могут исходить от партий, пытающихся осуществить полномасштабный пересмотр конституции и потому не считающих для себя возможным придерживаться установлений прежней правовой системы, не воспринимающих психологию масс. В таком же положении могут оказаться и партии, находящиеся на нелегальном положении. Таким образом, требование соответствия выдвигаемых группой требований правилам политической игры предусматривает поиск и нахождение ею такого способа оформления своих политических претензий, который заставил бы власть реально реагировать на них, а следовательно, признать группу в качестве партнера, оппонента, политического противника и даже врага. Это предполагает установление довольно широких, но вместе с тем весьма определенных критериев оценки групповых требований. С одной стороны, они должны быть достаточно «громко» заявлены, чтобы обратить на себя внимание властей, заставить государственные органы реагировать на выдвигаемые требования. С другой стороны, они не должны переходить границы превращения даже самого радикального протеста в такие формы социального поведения (например, в террористические), которые заставили бы государство обратиться уже не к политическим, а к административно-силовым формам ведения диалога с этой группой.

Любые группы – это общности, в которых плотность социальных отношений или субъективная приверженность людей к групповым ценностям неравномерна, поэтому внутри них всегда складываются какие-то отдельные микрогруппы, объединенные, порой, на основе только психологической общности. Как правило, эти внутригрупповые объединения занимают специфическое положение в группе и соответственно имеют особое отношение к коллективным интересам и свое понимание групповых целей. В силу этого артикуляция властно значимых интересов чаще всего приводит к возникновению нескольких различающихся позиций, которых придерживаются микрообъединения внутри того или иного социального слоя. Противоречивость артикулированных интересов, способствуя внутренней раздробленности группы, уменьшает ее возможности в сфере политики, снижает ее политический вес в отношениях с властью. Как показывает практический опыт, та часть населения, которая не может консолидаризироваться в качестве внутренне единой и сплоченной группы, располагает, скорее всего, весьма незначительными шансами на политической арене. Отсюда – задача усиления внутренней сплоченности, интеграции группы предполагает дополнение артикуляции психологическими механизмами и процедурами агрегирования, которое выступает как процесс координации и согласования частных внутригрупповых требований, установления между ними определенной иерархии и выработки на согласованной основе единых общегрупповых целей, обеспечивающих целостность группы и повышение ее политического влияния на власть. В качестве наиболее характерных для агрегирования способов согласования внутригрупповых целей выступают: проведение дискуссий, различных обсуждений по типу

направленных на выяснение позиций и поиск компромиссов «круглых столов», применение консенсусных технологий и др. Как правило, агрегирование, в основном, касается поиска консенсуса относительно понимания первостепенных и второстепенных целей и, особенно, определения основных средств решения задачи. Это предполагает отбор не только наиболее значимых требований, но и таких, которые имеют наибольшие шансы для своего практического воплощения. Таким образом, в процессе агрегирования политические требования проходят дополнительный отбор по их практической и психической целесообразности.

Особый механизм, обеспечивающий процессы артикуляции и агрегирования, образуют представительные органы и структуры. В принципе, эти специальные объединения, формирующиеся на основе выдвижения отдельных представителей граждан, которым передаются дополнительные права на выдвижение и отстаивание общегрупповых требований и целей, и создаются они в связи и по мере артикуляции интересов. Последующая институционализация этих представительных структур способствует формированию особых «вторичных ассоциаций», которые опосредуют отношения власти и населения. Неизбежность возникновения подобных образований свидетельствует о том, что широкие социальные слои как самостоятельно выходящие на политический рынок субъекты не могут непосредственно участвовать в отношениях с властью. Иными словами, социальные группы как политические субъекты участвуют в отношениях с государственной властью опосредованно, через деятельность особого слоя медиаторов (посредников). В качестве таких посредников выступают многочисленные группы интересов, партии, СМИ и другие аналогичные

образования. От их активности зависит эффективность трансляции и реализации групповых интересов. При этом интересы одной группы могут быть представлены как одним, так и несколькими посредниками. Политические ассоциации подобного типа могут формироваться самостоятельно, за счет последовательной организации действий принадлежащих к группе граждан, например, на основе таких наиболее распространенных процедур отбора и выдвижения представителей, как **жребий, голосование, ротация**¹⁶⁰, **референдум, плебисцит**¹⁶¹. В то же время, группы могут делегировать право представительства и ранее сформированным объединениям, действующим на политическом рынке. В целом, деятельность представительных структур способствует повышению самоорганизации группы, сближению ее членов. Но существуют и негативные последствия их деятельности. Скажем, амбициозность разных представителей группы может существенно усложнить процесс ее политической консолидации. Например, среди работников той или иной отрасли производства может быть создано несколько профсоюзов, каждый из которых, претендуя на выражение интересов всех тружеников, будет неизбежно способствовать росту напряженности, усилению противоречивости внутригрупповых отношений. Более того, автономность этих ассоциаций такова, что они могут защищать социальные группы, которые существуют только в пропагандистских лозунгах. В таком случае, под прикрытием интересов несуществующих общностей эти объединения реализуют в основном собственные потребности. Формирование посреднических структур свидетельствует о трансформации социальных источников и причин групповой активности в политическую деятельность, а, следовательно, дополняет социальную стратификацию стратификацией по-

литической. Дифференциация внутри политической стратификации определяется следующими различиями между посредниками: степенью их влияния на власть (правящие и оппозиционные партии); различиями в идеологических ориентациях (группы, исповедующие различные – левые, правые, нейтральные и пр. – ценности и цели); функциональными различиями (наличие специфических объединений: заинтересованных групп, лобби, партий и т.д.).

Иногда в связи с характеристикой политической стратификации разделяют структуры, относящиеся, во-первых, к ее функциональной (лобби, корпорации) и, во-вторых, собственно политической (выражающей функционирование партий, их территориальных организаций и т.д.) составляющим **системы представительства**.

Многообразные тенденции развития социальной структуры в разных странах мира определяют и саму динамику, и психологию политических отношений, порождают множественные формы организации власти, активно влияют на внешнеполитические связи и контакты государств. Наиболее яркие и принципиальные различия в политических последствиях психосоциальной дифференциации можно видеть в высоко-развитых, стабильных демократических государствах, а также переходных обществах.

Как показывает опыт последних десятилетий, в развитых индустриальных демократических странах вся социальная стратификация осуществляется, прежде всего, на основе общего роста материального благосостояния населения, повышения уровня его жизни, усиления ценностных ориентаций людей в пользу свободного времени и освоения культурных достижений и ценностей. Существенным показателем социальной

динамики, оказывающим самое позитивное влияние на динамику политических отношений в этих странах, является еще и возрастание психической уравновешенности межнациональных и расовых отношений.

В то же время, на фоне этих общих положительных тенденций усложняется положение **«негативно привилегированных»** групп: молодежи, женщин, неквалифицированных слоев и некоторых других, для которых характерны наибольшие расхождения между ожиданиями, притязаниями и реально достигнутыми в обществе результатами. Такие группы с большим, нежели другие, трудом встраиваются в социально-экономические отношения, достигают средне-статистических жизненных стандартов и собственных целей, сохраняют эмоциональное спокойствие на гармоничном психологическом фоне.

При наличии основных циклических тенденций развития капитала, дальнейшего углубления разделения труда и разработки новых производственных и информационных технологий осуществляется определенная переструктуризация и в профессиональной сфере. В результате интернационализации капиталистических отношений, усиления и развития хозяйственных связей между странами, формирования региональных и межгосударственных рынков труда практически во всех западных странах образовалась **весомая страта иностранных рабочих**. С одной стороны, это способствует экономической интеграции и упрочению политических связей и контактов между государствами. Правда, представляя собой, как правило, более дешевую рабочую силу и конкурируя с местным населением на рынке труда, иностранные рабочие способствуют увеличению безработицы, а, следовательно, и усилению напряженности во всех аспектах жизни и своей, и коренного населения.. С другой стороны, ста-

тус иностранных рабочих нередко провоцирует нарушение их прав со стороны работодателей, вызывает дискриминацию по национальному и демографическому признаку. Неслучайно, во многих странах функционируют, и довольно активно, экстремистские группировки, требующие ограничения въезда иностранцев, лишения эмигрантов права на работу. Нередко регулирование такого рода конфликтов выходит на политический уровень и даже вызывает обострение межправительственных отношений соответствующих стран.

С 70–90-х гг. XX века в ряде стран (Канаде, США, Германии, Швеции и некоторых других) неуклонно растет численность дееспособного населения, существующего благодаря социальной помощи со стороны государства (учащиеся, пенсионеры, инвалиды, безработные и т.п.). Такая внутренняя политика, означая расширение перераспределительных функций государства и сочетаясь с ростом затрат на различные социальные программы, реализацию проектов и целей, направленных на повышение народного благосостояния, однозначно способствует упрочению и общей психологической стабилизации политических порядков в этих странах.

В условиях такой специально направленной политики государства, на основе роста благосостояния населения, расширения возможностей информационных и культурных контактов между населением разных стран, стимулирующих постоянный поиск новых стилей жизни, в этих странах наблюдается значительный рост разнообразия социокультурной специфики в жизнедеятельности групп на фоне привычного психологического «нейтралитета». Формирование соседских общин, конфессиональных и неконформистских объединений молодежи, досуговых объединений граждан, непрерывных культурных экспериментов в сфере

свободного времяпрепровождения и иные аналогичные процессы действительно влекут за собой образование множества различных устойчивых групп, различающихся по ценностям и стилевым особенностям жизни.

Именно стиль жизни, сочетание социальных и ценностных факторов определяет часто политические предпочтения избирателей и характер психологии их политического поведения.

Не все процессы формирования и функционирования классов и групп имеют политически нейтральный характер. Политическим значением обладают и проблемы, связанные с поиском рабочих мест людьми, получившими определенное образование. Вызывает отдельные политические колебания и «перетекание» населения, например, из среднего в более низкие слои общества, т.е. судьба людей, которые уже вкусили «красивую жизнь», но не смогли удержаться на завоеванных позициях. Это нередко сопровождается возникновением массовых стрессов и разочарований, вызывающих определенные изменения во всей политической атмосфере общества. Отсюда: высокоразвитые индустриальные общества, естественно, отнюдь не бесконфликтны. Социальные противоречия, вызванные безработицей, перестройкой экономических отношений, национальными и расовыми проблемами, способствуют возникновению подчас довольно острых политических противоречий. В то же время, наличие такого мощного социального стабилизатора, каким здесь является, скажем, средний класс, господство разделяемых подавляющим большинством общества идеалов и ценностей, доминирование законов и уважение традиций ограничивают уровень политических притязаний различных групп и слоев отдельными поправками к политическому курсу режимов. Политические требования групп не подрывают стабильности существующего

строя, а смены кабинетов министров, парламентов и правящих партий осуществляются при незыблемой власти закона.

В противоположность этой группе стран, в государствах, осуществляющих переходные преобразования, возникающие там социальные и психологические противоречия групп вызывают значительно более острые политические последствия.

В переходных государствах социальная дифференциация общества складывается под влиянием целого ряда противоречивых, а зачастую и взаимоисключающих тенденций и факторов. В самом общем виде - наибольшую роль здесь играют две противоположных тенденции: одна из них связана с социальными последствиями становления и развития рыночных отношений, появлением нетрадиционных источников роста доходов и завоеванием людьми новых статусов в обществе, структурной перестройкой экономики, дальнейшей урбанизацией, расширением хозяйственных и культурных взаимосвязей с другими странами, а также рядом других аналогичных факторов. В целом, их действие способствует усилению вертикальной и горизонтальной социальной мобильности, укреплению открытости социальной структуры, а также распространению и укоренению в общественном сознании либерально-демократических ценностей. Вместе с тем, в переходных общественных системах большое влияние имеют и унаследованные от прошлого тенденции, в частности, к воспроизводству отношений, связанных с функционированием дотационных и неконкурентных секторов экономики, со старой инфраструктурой хозяйствования и разделения труда, прежним привилегированным положением ряда национальных групп и т.д. В основном, такие тенденции выражаются в усилении влияния интересов низкодходных групп общества,

в том числе, работников неквалифицированного физического труда, части управленческого аппарата, пенсионеров, работников малорентабельных и нерентабельных предприятий и учреждений госсектора, слабо вписывающихся в рыночную экономику, жителей малых городов и сельской местности, где менее всего заметны результаты реформ, некоторых категорий учащейся молодежи и др. Их влияние усиливает требования социальной справедливости и равенства, укрепления порядка и усиления государственного патернализма. В конечном счете, оно способствует сохранению закрытости социальной структуры в этих странах, сдерживанию хозяйственной инициативы населения и направлено на усиление перераспределительных процессов в государстве. Неизбежным последствием такого социального влияния выступает и воспроизводство в политическом пространстве консервативных и даже реакционных идей, ценностей, институтов. В результате взаимодействия этих двух макросоциальных тенденций в переходных обществах формируются три типа противоречий, которые вызывают наиболее значимые политические последствия. К ним относятся, прежде всего, **социальные конфликты внутри традиционной стратификации**, т.е. унаследованные от прежних общественных отношений противоречия между группами внутри дотационной сферы; **внутри новой, рыночной стратификации** (например, между группами крупного и среднего капитала), а также **между этими двумя типами социальнойности** (к примеру, между мелкими торговцами и работниками государственной сферы обслуживания). **В контексте взаимодействия этих трех типов противоречий отношения равенства и неравенства одновременно способствуют и усложнению социальной дифференциации, например, за счет**

возникновения противоречий между работниками, занятыми в разных отраслях и сферах, и упрощению социальной структуры, связанному, в частности, с формированием бедных и богатых слоев.

Наличие противоречивых тенденций ведет к **маргинализации**¹⁶² общества, образованию множества промежуточных социальных слоев, существующих не как устойчивые общности, а как размытые множества не определившихся со своим положением людей. В силу этого, стратификационные процессы сопровождаются множественными кризисами идентификации, освоения людьми новых ценностей и целей – такие социальные процессы неизменно усиливают политизацию общественной жизни, способствуют нарастанию несбалансированности групповых отношений и росту политической и психологической нестабильности.

Одна из тенденций социального развития западных стран, наблюдавшихся примерно до 80-х гг. XX века – тенденция сокращения социального неравенства и разрыва уровня жизни различных слоев населения, характерная для экономического общества. В настоящее время, уже в XXI веке наблюдается противоположная тенденция: усиление дифференциации доходов и социальной поляризации.

Выводы некоторых исследователей, сделанные в 70–80-х гг. о стирании социальных различий и сглаживании социальных противоречий не оправдываются! Вероятно, речь следует вести о формировании нового социального раскола наряду с существованием старых противоречий. **«Новый раскол» формируется между новым высшим классом и низшим классом. С одной стороны, это высший класс постиндустриального (формирующегося постэкономического) общества, представители которого происходят, как правило, из образованных и обеспеченных семей,**

сами отличаются высоким уровнем образованности, являются носителями постматериальных ценностей, заняты в высокотехнологичных отраслях хозяйства, имеют в собственности или свободно распоряжаются необходимыми им условиями производства и при этом либо являются руководителями промышленных или сервисных компаний, либо занимают высокие посты в корпоративной и государственной иерархии. С другой стороны, это низший класс нового общества, представители которого происходят, в большинстве своем, из среды рабочего класса или неквалифицированных иммигрантов, не отличаются высокой образованностью и не рассматривают образование в качестве значимой ценности, подвижны, главным образом, материальными мотивами, заняты в массовом производстве или примитивных отраслях сферы услуг, а зачастую являются временно или постоянно безработными. Необходимо отметить, что эти две группы не являются социально однородными образованиями; они включают в себя множество разнообразных социальных подгрупп, отличающихся друг от друга и психологией, и некоторыми социальными характеристиками.

Для социальной структуры посткоммунистических обществ также характерна значительная динамика, оказывающая существенное влияние на массовое сознание, психологию, политическое поведение и участие. Среди основных тенденций можно выделить следующие: значительное социальное расслоение и образование «новых богатых» и «новых бедных»; несформированность среднего класса; значительное перераспределение занятости по отраслям экономики; высокая социальная мобильность и нестабильность социальной структуры в целом;

массовая маргинализация. Основным критерием статусности в России и во многих других посткоммунистических странах является в настоящее время (и, вероятно, будет являться в ближайшем будущем) обладание капиталом или уровень дохода.

Итак, новые параметры социальной структуры, характерные для постиндустриального и постэкономического обществ, лишь начинают вырисовываться. Это обусловило то, что трансформация социальной структуры в посткоммунистических странах оказывает другое, отличное от западных стран влияние на политический процесс:

- **нестабильность социальной структуры** затрудняет процесс агрегирования и артикуляции групповых интересов и формирование институтов политического представительства;

- происходящая **социальная поляризация** способствует поляризации участников политических актов, иногда резко меняя их психологию;

- **отсутствие сложившегося «среднего класса»** затрудняет процесс формирования центристских политических сил и неблагоприятно сказывается на перспективах демократического развития;

- **массовая маргинализация** способствует усилению позиций радикальных политических партий и организаций.

Раздел IV

Психологические аспекты политических свобод, пропаганды и права

4.1. Психология политической пропаганды

Президент США Ричард Никсон (1963–1973) во время одного из своих выступлений сказал, что считает один доллар, вложенный в пропаганду и информацию, более ценным, чем 10 долларов, вложенных в создание новых систем оружия, ибо последнее вряд ли будет когда-либо употреблено в дело, в то время как информация работает ежечасно и повсеместно. В настоящее время, по мере перехода России от постиндустриального общества к обществу информационному, доля присутствия пропаганды в нашей жизни будет неуклонно возрастать. Связано это, в первую очередь, с тем, что объемы потребляемой информации резко возросли. Однако нашим системам переработки и хранения информации стало тяжело справляться с огромными информационными потоками, которые буквально обрушиваются с экранов телевизоров и дисплеев компьютеров, радиопрограмм, газетных статей. Нам становится труднее критически оценивать получаемую информацию, приходится многое принимать на веру и пользоваться той интерпретацией, которую навязывают журналисты, обозреватели, аналитики, деятели культуры и политики. Все эти факторы являются питательной средой для усиления и без того достаточно **массированного психологического воздействия** пропаганды на наше сознание.

Современная пропаганда часто мимикрирует под сообщения СМИ, PR, политическую рекламу, поэтому зачастую выявить ее бывает очень сложно. К тому же нам стараются привить мысль, что пропаганда в демо-

кратических странах не применяется по причине аморальности методов, которые использует, что эпоха пропаганды закончилась и никогда не вернется... На самом деле, скорее всего, пропаганда никуда не исчезла из нашей жизни, она просто проходит очередной этап в своем развитии – мир за последние двадцать лет изменился, следовательно, меняются формы и средства пропаганды.

Будучи направленной на массовое сознание, политическая пропаганда тесно связана с ним, как товар со своим потребителем. И пока живет массовое сознание, будет жить и пропаганда.

Термин «пропаганда» (от лат. *propaganda* – распространение) имеет много определений, основными из которых являются:

1) система деятельности, направленная на распространение знаний, художественных ценностей и др. информации с целью формирования определенных взглядов, представлений, эмоциональных состояний, оказания влияния на социальное поведение людей;

2) распространение в массах идеологии и политики определенных классов, партий, государств;

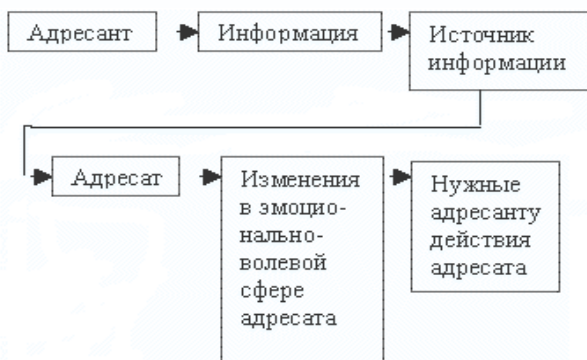
3) средство манипуляции массовым сознанием.

В Японии пропаганду называют **войной мыслей.**

Если проанализировать все вышеприведенные определения, то в структуре пропаганды можно выделить следующие элементы: адресанта, информацию, адресата и его действия, удобные адресанту и вызванные влиянием полученной информации. Представим это в схематическом виде:

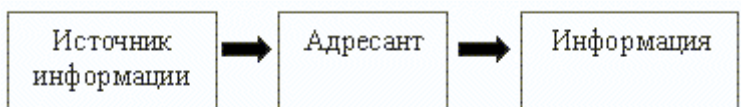

Однако данная схема является упрощенной, на ней не видно как информация попадает к адресату и на какую сферу адресата направлена информация, чтобы побудить его предпринять нужные адресанту действия. Более полная схема учитывает эти факторы и выглядит так:

В роли **адресанта** в системе пропаганды, как правило, выступают политический лидер, правительство или политические партии, а в странах с тоталитарной формой правления, адресантом (коммуникатором) могут быть как запрещенные политические партии, так и отдельные диссиденты. **Источником информации** в пропагандистской деятельности являются средства массовой информации (СМИ) и средства массовой коммуникации (СМК). Однако в некоторых случаях адресант

и источник информации могут меняться местами, то есть в роли адресанта могут выступать СМИ или СМК, а в роли источника информации – политический лидер, правительство или политические партии. Но в этом случае первая часть более полной схемы изменится, и будет выглядеть следующим образом:

Адресатом же, как в первом, так и во втором случае является **массовое сознание** граждан своей страны, жителей нейтральных, дружественных или враждебных стран, а также военнослужащих как своей армии, так и армии противника. Пропагандистская информация направлена на **эмоционально-волевою сферу** массового сознания, изменения в которой и побуждают адресата совершить нужные адресанту действия.

Для массового сознания, как мы уже знаем, характерны две особенности – **тенденция к упрощению** и **тенденция к конкретизации**, что было показано еще в начале XX века французским исследователем психологии масс Г. Лебоном. Из двух этих особенностей образуются **стереотипы**. Данный термин ввел в социальные науки У. Липпман в своей работе «Общественное мнение», вышедшей в 1922 году. Липпман определил стереотип как упрощенное, заранее принятое представление, не вытекающее из собственного опыта.

Современный польский исследователь пропаганды Л. Войтасик определяет стереотип *«как распространенные с помощью языка или образа в определенных социальных группах устойчивые представления о фактах действительности, приводящие к весьма упрощенным преувеличенным оценкам и суждениям со стороны индивидов»*¹⁶³. Войтасик отнес

стереотипы к специфической группе установок, существенно влияющих «на восприятие информации теми людьми, которые обладают ими»¹⁶⁴.

С точки зрения отечественных ученых, в нашем политическом сознании доминируют два вида стереотипов: **стереотипы восприятия и стереотипы политической рекламы и пропаганды**. Стереотипы политической рекламы и пропаганды являются в какой-то мере вторичными, поскольку падают на хорошо удобренную собственными стереотипами почву. Тут наблюдается и закономерность: чем примитивнее пропагандистский стереотип, тем легче ассимилируется он в собственную систему стереотипов личности, социальных и этнических групп. Влияние стереотипа на образ потребного будущего состояния политического объекта сказывается, прежде всего, тогда, когда мы страстно желая каких-либо событий в сфере политики, оказываемся не в состоянии оценить всех последствий этих событий и степень их реальной привлекательности. В конце 80-х – начале 90-х гг. XX века нас убеждали, что переход от плановой экономики к рынку решит все проблемы, и мы, страстно желая перемен, позволили «архитекторам и прорабам перестройки» и «реформаторам» практически развалить не только производственную и научно-исследовательскую инфраструктуры, но и систему социального обеспечения государства. Никто тогда не задал себе вопрос, будет ли его труд востребован в новых условиях, и если нет, то на какие деньги он будет жить? Все находились под властью стереотипа *«государство нас не бросит»*. Можно сказать, что «перестройщикам» и «реформаторам» удалось создать в массовом сознании, а затем задействовать нужные психологические стереотипы и с их помощью осуществить нужные им планы.

Войтасик считал: «Основная психологическая цель пропаганды – воздействие на систему идейных, общественных и политических установок людей. Изменение этой системы может произойти путем формирования новых установок или через усиление, а иногда ослабление уже существующих»¹⁶⁵.

Установка – это сформированная под воздействием пропаганды, воспитания и опыта относительно устойчивая организация знаний, чувств и мотивов, вызывающая соответствующее отношение человека к идейным, политическим и общественным явлениям окружающей его действительности, выражающееся в ней.

Идеологические установки являются совокупностью знаний и эмоциональных отношений к идеологии государства, поэтому они доминируют в сознании и оказывают влияние на все другие группы установок.

Политические установки выражают устойчивый тип поведения и отношения граждан к внешней и внутренней политике государства.

Социальные установки выражают отношение личности к общественным нормам и стандартам и проявляются в социальном поведении данного человека.

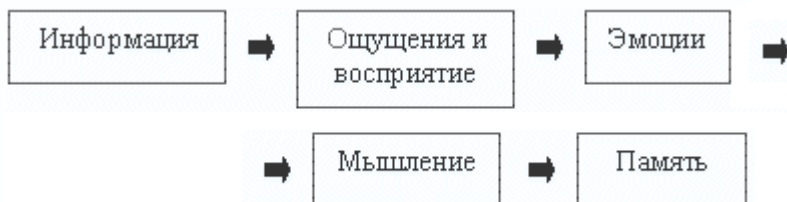
Прочие виды установок – патриотические, интернационалистические, мировоззренческие и т.п., формируются под воздействием политической пропаганды и вытекают из трех выше описанных групп.

Стереотипы и установки можно объединить в **установочно-перцептивный фильтр**, своеобразные очки, сквозь которые субъект видит политическую реальность. Умение использовать в своих целях этот фильтр при оказании информационно-психологического воздействия на массовое сознание является одним из важнейших условий эффективности политической пропаганды.

Если говорить об особенностях пропаганды, то можно отметить следующее: информация преподносится слушателю так, чтобы он не только точно знал, что происходит в мире, но и для того, чтобы он захотел и смог передать эти сведения окружающим. Причем, сообщая факты другим людям, человек сам становится пропагандистом. Пропаганда может нести в себе элемент сенсационности и стимулировать мотивацию социальной ориентированности личности. В этом случае человек получает возможность почувствовать себя вполне осведомленным, хорошо информированным или даже просто специалистом в той или иной области.

Пропаганда действительно специфический информационный процесс. Отличие ее от других информационных процессов – в интерпретационном и эмоционально окрашенном характере сведений, содержащихся в пропагандистском сообщении – в пропагандистской коммуникации функционируют все элементы познавательного процесса. В ней должен быть стимул, который воспринимается человеком и вызывает соответствующие ощущения и впечатления и который затем с помощью мышления включается в аппарат памяти. Таким образом, информирование в ходе пропаганды имеет психологическую природу.

Познавательный процесс в пропагандистской коммуникации схематически можно представить так:

Сознание современного человека реально перегружено информацией разного рода. Подсчитано, что один экземпляр газеты «Нью-Йорк Таймс» содержит больше информации, чем было доступно жителю Англии XVII века за всю его жизнь. Естественно, что человеческие механизмы переработки и хранения информации, «созданные» задолго до необходимости перерабатывать подобные объемы, претерпевают серьезные перегрузки, создавая в ответ те или иные системы защиты себя (и это мы еще не говорим о скорости изменения и доставки информации с помощью Интернета).

Нет нужды уверять кого-либо, что информационное воздействие способно вызвать у современного человека стрессовое или даже невротическое состояние. Для того, чтобы уберечься от информационного стресса человек сознательно культивирует в себе ряд барьеров, которые позволяют ему избежать информационных перегрузок: **избирательное внимание, избирательное восприятие, избирательность призыва:**

- **в случае** избирательного внимания человек **отбирает только те сообщения, которые соответствуют его интересам, и отбрасывает иные.** Ему просто физически не так легко услышать все, так как существует такое понятие как шум. Набор рекламных сообщений, набор выступлений кандидатов отвлекают внимание одно от другого, оставляя в результате смутные воспоминания. Преодолению физического шума помогает повтор сообщения;

- **избирательное восприятие** говорит о том, что люди стараются избегать конфликтной информации, а отбирают лишь ту, которая соответствует их представлению. Поэтому не имеет смысла влиять на «чужих» во время, например, избирательных кампаний, поскольку они находятся в своем замкнутом информационном

мире. Поэтому внимание направляется на тех, кто просто еще не принял решения;

- суммой избирательного внимания и восприятия становится **избирательность призыва**. Человек обращает внимание только на те сообщения, которые помогают ему удовлетворить свои интересы.

Чтобы обойти и использовать эти защитные психологические барьеры в своих целях, пропаганда должна соответствовать следующим требованиям:

1. быть направленной на конкретную целевую аудиторию;

2. привлекать внимание этой аудитории и соответствовать её интересам;

3. преодолеть «шум», исходящий от других сообщений, с помощью повторения;

4. соответствовать представлениям целевой аудитории и избегать конфликтной информации;

5. удовлетворять интересы и потребности данной целевой аудитории.

Итак:

– пропаганда – не только средство информационно-психологического воздействия на эмоционально-волевую сферу массового сознания, но и специфический информационный процесс;

– в целях оказания нужного информационно-психологического воздействия на массовое сознание пропаганда формирует и использует уже сформированные стереотипы и установки, которые входят в установочно-познавательную призму, влияющую на прием и переработку информации;

– пропаганда преподносит информацию слушателю так, чтобы он не только точно знал, что произошло в мире, но и захотел передать эти сведения своим знакомым;

– неся в себе элемент сенсационности, пропаганда дает человеку возможность почувствовать себя осведомленным, хорошо информированным «специалистом» в той или иной области;

– отличие пропаганды от других информационных процессов в интерпретационном и эмоционально окрашенном характере сведений, передаваемом в пропагандистском сообщении;

– информирование в системе пропаганды имеет психологическую природу, в ней функционируют все элементы познавательного процесса: восприятие, эмоции, мышление и память;

– пропаганда умеет обходить и использовать в своих целях такие защитные психологические барьеры личности как избирательное внимание, избирательное восприятие, избирательность призыва.

Вообще **политическая коммуникация представляет собой совершенно особое информационно-психологическое воздействие, призванное, по возможности, изменить политическое сознание и поведение людей в интересах достижения политических целей коммуникатора (политической партии, движения, отдельного лидера.** Соответственно, аспектно, опираясь на разные виды и механизмы общения, можно определить: **внутриличностную, межличностную, внутригрупповую, массовую политические коммуникации.** Например, массовая политическая коммуникация, по сути, представляет собой инструмент воздействия на массовое сознание и поведение и осуществляется специальными **средствами массовой информации** (естественно, включающими **политическую рекламу, PR, политическую пропаганду и агитацию**).

Включение в средства политической коммуникации и агитации, и политического Public Relations (PR) не вызывает удивления, потому что, скажем так, агитация — это наиболее оперативная, конкретная и ситуативная часть пропаганды а PR — одно из действенных средств любой нынешней политической акции.

В 1928 году вышла книга племянника З. Фрейда Эдварда Бернайза¹⁶⁶ «Пропаганда», в которой автор объединил понятия, назвав PR «новой пропагандой». С начала 30-х гг. термин «пропаганда» не входил в обиход западных ученых, имея негативную окраску и будучи прикрепленным к тоталитарным режимам Германии и СССР. Сущностные отличия PR и пропаганды заключаются в среде их обитания, т.е., в первую очередь, связаны с понятием «политический режим» — демократический или тоталитарный. Такой подход по своей сути стирает различия между PR и пропагандой и создает двойной стандарт при разграничении понятий. Ряд исследователей считает, что пропаганда, например, направлена на удержание правительства у власти, а PR на то, чтобы действия правительства были понятными и правильными. В данном случае разграничение происходит по «благородству» целей. Но и такой подход нельзя считать конструктивным, потому что и пропаганда стремится к тому, чтобы действия правительства были понятными и правильными, а PR тоже используется для удержания правительства у власти.

Существует замечательное выражение: «Пропаганда во многом определяется тем, что НЕ говорится...». Что является общим и что частным: пропаганда или PR — сказать трудно — и то, и другое — формы политической коммуникации, отличающиеся по методам воздействия на общественное сознание и массовую психологию с целью изменения установок в отношении того объекта,

в интересах которого ведется само это воздействие. Вероятнее всего, пропаганда и PR – самостоятельные средства (формы) политической коммуникации, тесно взаимосвязанные между собой. **PR – формирует в общественном сознании доверие к политической партии, политическому лидеру или политике правительства. Пропаганда информирует о тех или иных действиях правительства или политической партии и убеждает широкую общественность в своевременности, необходимости и правильности этих действий.**

Некоторые специалисты рассматривают пропаганду как вид рекламной деятельности: **пропаганда рекламирует свое: мнения, представления, стереотипы, образ жизни, стиль поведения, политику государств, правительств, партий, точки зрения и взгляды на те или иные события и пр., участвует в формировании имиджей, используя для этого и традиционное убеждение, и методы суггестивного воздействия.**

А. Деркач, В. Жуков и А. Лаптев в учебнике «Политическая психология» пишут следующее: «...с психологической точки зрения **политическую рекламу** следует рассматривать как систему политических коммуникаций, призванных изменить сознание и поведение людей в соответствии с политическими целями рекламодателя (в широком контексте – политических партий, движений, лидеров) »¹⁶⁷. И далее: «Следует заметить, что политическая реклама не есть политическая пропаганда или агитация. Пропаганда – это вид деятельности по распространению каких-то идей, принципов. Агитация – деятельность, направленная на побуждение, призыв к конкретным действиям. Соотношение данных определений показывает, что политическая реклама может рассматриваться в качестве интегративной агитационно-пропагандистской технологии»¹⁶⁸.

Пропаганду и политическую рекламу определяют и как специфический вид комбинированного (информационного и возможно физического) воздействия, ставящий перед собой цель увеличить влияние и власть. Возможно, **пропаганда состоит из рекламы и устрашения?** Та часть пропаганды, которая основана на позитивных стимулах, демонстрирует положительные стороны пропагандируемого объекта, называется рекламой и включает в себя ту или иную идеологию (обоснование). Ту же часть пропаганды, которая основана на негативных стимулах, на угрозах и демонстрации (использовании) силы, как раз-то и можно назвать устрашением...

Пропаганда и политическая реклама по методам воздействия на массовое сознание практически не отличаются. Однако у них разные объекты воздействия и разный рекламируемый «товар». **Пропаганда популяризирует и прививает в массовом сознании определенные политические идеи и идеалы, стараясь расширить количество их сторонников.** В функции пропаганды входит еще и **переубеждение идейных политических противников.** Политическая реклама **побуждает** сторонников определенных политических идей и идеалов **проголосовать на выборах за политических лидеров или политические партии, являющихся носителями данных идей и идеалов.** Политическая реклама не занимается переубеждением идейных политических противников.

Таким образом, **политическая коммуникация может быть определена как система мер информационно-психологического воздействия на массовое (общественное) сознание в интересах достижения политических целей определенных политических партий и/или лидеров.** Основными составными частями системы политической коммуникации яв-

ляются: политический PR, политическая пропаганда и политическая реклама. Система политической коммуникации зависит от политического режима, который, в свою очередь, зависит от идеологии, принятой в данном обществе.

Вот эта иерархия в схематическом виде:

Здесь видно, что все составные элементы системы политической коммуникации тесно взаимосвязаны между собой.

Мы уже отметили, что пропаганда воздействует на эмоционально-волевую сферу массового сознания. Следовательно, психологическому воздействию пропаганды подвергаются, в первую очередь, эмоции. По

тому, какие эмоции у людей пробуждает пропаганда, можно различить **позитивную и негативную пропаганду**:

- **позитивная (конструктивная) пропаганда** доводит до потребителя те или иные убеждения в доходчивой форме. Цель позитивной пропаганды – способствовать социальной гармонии, согласию, воспитанию людей в соответствии с общепринятыми ценностями. Позитивная пропаганда выполняет воспитательную, информационную, разъяснительную функции в обществе. Она осуществляется в интересах тех, кому адресована, а не ограниченного круга заинтересованных лиц. Позитивная пропаганда не преследует манипулятивных целей, не допускает ложь и сокрытие фактов;

- **негативная (деструктивная) пропаганда** навязывает людям те или иные убеждения по принципу «цель оправдывает средства». Цель негативной пропаганды – разжигание социальной вражды, эскалация социальных конфликтов, обострение противоречий в обществе. Это позволяет разобщить людей, сделать их послушными воле пропагандиста. Технология создания «образа врага» позволяет сплотить толпу вокруг пропагандиста, навязать ей выгодные ему убеждения и стереотипы. Основная функция негативной пропаганды – создание иллюзорной, параллельной реальности, выгодной пропагандисту, с перевернутой системой ценностей, убеждений, взглядов. Негативная пропаганда активно пользуется низкой критичностью и внушаемостью масс с целью манипулирования ими в интересах узкой группы лиц. Однако, справедливости ради заметим: все же в действительности **позитивная пропаганда отличается от негативной только тем, что она не использует прямую ложь, но также активно, как и негативная, манипулирует массами и**

скрывает некоторые факты. Например, пропаганда советского или американского образа жизни вызывает лишь положительные эмоции, однако она умалчивает о тех проблемах, которые непременно возникают при внедрении этого образа жизни в другой стране. В то же самое время, технология создания «образа врага» выполняет позитивную функцию, если она используется для объединения широких масс вокруг священной для каждого народа (особенно русского) идеи защиты своего Отечества от внешней агрессии.

По целевой направленности психологического воздействия пропаганды на массовое сознание выделяют следующие формы: **пропаганда созидания, пропаганда стойкости и героизма, пропаганда просвещения, пропаганда разрушения, пропаганда разделения, пропаганда устрашения и пропаганда отчаяния.**

Пропаганда созидания рекламирует строительство общества нового типа и побуждает людей принять участие в этом строительстве.

Пропаганда стойкости и героизма призывает мужественно переносить издержки строительства общества нового типа или военного времени, демонстрирует героизм и самопожертвование отдельных личностей и на этих примерах проповедует массовый героизм.

Пропаганда просвещения информирует о тех или иных действиях правительства, политического лидера или политической партии, об экономической или военной мощи того или иного государства, рекламирует определённый, например, американский, образ жизни, преподносит систему ценностей какого-либо общества как единственно правильную.

Пропаганда разрушения работает против идеологии враждебного государства, убеждая население, что

система ценностей этого государства глубоко порочна, а канонизированные герои – всего лишь больные люди или, что еще хуже, преступники.

Пропаганда разделения разжигает национальные, религиозные, социальные противоречия, использует трения между солдатами, офицерами и генералами, а также между разными родами войск противника.

Пропаганда устрашения запугивает руководство и население враждебной страны или военнослужащих противника экономической и военной мощью своего государства. Иногда пропаганда устрашения, кроме психологического, использует и физическое воздействие.

Пропаганда отчаяния акцентирует тяжелое экономическое и социальное положение во враждебной стране, внушая населению, что до их нужд правительству нет никакого дела, что оно не способно улучшить обстановку. В военное время пропаганда отчаяния внушает солдатам и офицерам армии противника, что их положение безнадежно (по причине окружения, нехватки оружия и продовольствия и т.п.), а дальнейшее сопротивление бесполезно.

Заметим, что последние пять форм пропагандистского воздействия могут использоваться не только против населения и военнослужащих враждебных государств, но и против населения и военнослужащих собственной страны. Так было, например, во время «перестройки» в нашей стране, когда и зарубежные, и отечественные пропагандисты внушили нам, что система ценностей нашего общества порочна и убедили перейти к «общечеловеческим» ценностям, в результате чего и распался Советский Союз.

Если говорить о «**психологической войне**», то базовыми методами воздействия, которые используют специалисты психологической войны, являются убеж-

дение и внушение. Теми же методами активно пользуются и пропагандисты. Так **убеждение** – метод воздействия на сознание людей, обращенный к их собственному критическому восприятию. Убеждение ориентировано на интеллектуально-познавательную сферу человеческой психики. Его суть в том, чтобы с помощью логических аргументов сначала добиться от человека внутреннего согласия с определенными умо-заключениями, а затем на этой основе сформировать и закрепить новые установки (или трансформировать старые), соответствующие поставленной цели. Основные принципы убеждающего воздействия:

- **принцип повторения.** Благодаря повторению сообщения удается увеличить количество людей, воспринявших и усвоивших содержащуюся в нем информацию. Многократное повторение пропагандистских тезисов повышает эффективность воздействия на противника (избирателя). Принцип повторения, лег в основу президентских выборов в России 1996-го года, когда по телевидению, чуть ли не каждые десять минут повторяли: «Голосуй, или проиграешь!», а «звезды» театра, кино и эстрады призывали проголосовать за Ельцина;

- **принцип непротиворечивости.** Для убеждения жизненно важно, чтобы ему никогда не противоречили, чтобы оно не потеряло престижа. Нас больше убеждают 10 человек, единых в своем мнении, чем 50 «за» и 1 «против»;

- **принцип предпочтения первичной информации.** Если человек получил какое-то важное сообщение, то в его сознании возникает готовность к восприятию последующей, более детальной информации, подтверждающей первое впечатление. Тот, кто первым передал важное сообщение, получает психологическое преимущество, т.к. его содержание достигает адресата

раньше, чем сообщение средств информации оппонентов по тому же вопросу. В этом имели возможность убедиться советские спецпропагандисты во время событий в Венгрии 1956-го и Чехословакии 1968-го, когда им приходилось опровергать более быстро распространяемую западную пропаганду антисоветской и антисоциалистической направленности;

- **принцип обеспечения доверия к источнику информации.** Пропаганда никогда не должна оперировать заведомо фальсифицированными данными, которые могут быть изобличены аудиторией. К числу приемов достижения доверия к источнику информации относят: **создание имиджа «особой осведомленности»** о тех событиях, которые в силу каких-то причин замалчиваются официальными источниками противника (оппонента) -это достигается передачей фактов, достоверность которых известна или может быть легко проверена; **создание имиджа «объективности, независимости и альтернативности».** Достигается цитированием документов, оценок экспертов, мнений очевидцев событий и т. д.; **внушение** – метод психологического воздействия на массовое сознание, основанный на некритическом (и часто неосознаваемом) восприятии информации. В процессе внушения восприятие информации, настроений, чувств, шаблонов поведения базируется на механизмах заражения и подражания. Внушение бывает специфическим и неспецифическим.

Специфическое внушение – распространение конкретных идей, представлений, образов и другой информации с целью замещения другой установки и провоцирования определенной поведенческой реакции объекта воздействия. Специфическое внушение является составной частью убеждения, значительно усили-

вающим его эффективность. Основные способы специфического внушения:

- **«приклеивание ярлыков»**. Используется для того, чтобы опорочить какую-то идею, личность или явление посредством оскорбительных эпитетов или метафор, вызывающих негативное отношение. Чаще всего применяют в отношении политических деятелей, представителей высшего командования и других общественных лиц;

- **«сияющее обобщение»**. Заключается в обозначении конкретной идеи или личности обобщающим родовым понятием, имеющим положительную эмоциональную окраску с целью побудить объект воздействия принять и одобрить преподносимое понятие или суждение;

- **«перенос» (трансфер)**. Вызывает через преподносимый образ (понятие, идею, лозунг) ассоциации с кем-либо (чем-либо), имеющим в глазах объекта бесспорный престиж (ценность), чтобы сделать содержание воздействия приемлемым. Например, для американцев такой ценностью обладает образ Авраама Линкольна, для китайцев – Конфуция;

- **«свидетельство»**. Используется для манипулирования массовым сознанием. Заключается в цитировании высказываний личности, которую уважает или ненавидит объект воздействия. Высказывание, как правило, содержит положительную оценку преподносимой идеи (понятия, суждения) и ставит своей целью побуждение объекта воздействия к принятию навязываемого ему мнения по этому поводу. Например, наши политики в теледебатах подкрепляют свои аргументы высказываниями древнегреческих философов;

- **«игра в простонародность»**. Побуждает объект внушения к отождествлению субъекта и преподносимых им идей с позитивными ценностями вследствие

«народности» этих идей либо вследствие принадлежности источника информации к так называемым «простым людям». Этот способ используется практически всеми ведущими российскими политиками в преддверии думских и президентских выборов;

- **«общая платформа».** Побуждает объекта воздействия принять содержащуюся в информации идею (суждение, оценку, мнение) на том основании, что якобы большинство представителей данной социальной группы разделяют ее;

Неспецифическое внушение – провоцирование у объекта воздействия отрицательных психических состояний, вызывающих нужное пропагандисту поведение. Цель неспецифического внушения – посредством акцентирования фрустрации спровоцировать у объекта воздействия астенические психологические состояния (беспокойство, депрессию, страх, панику и т.д.). Основными способами неспецифического внушения являются:

- **устрашение (иницирование страха)** – формирование у объекта воздействия состояний беспокойства, пробуждение чувства страха перед реальной или вымышленной опасностью, а также перед неизвестностью;

- **эмоциональное подавление** – формирование у объекта воздействия таких астенических психических состояний как тревога, депрессия и апатии;

- **иницирование агрессивных эмоциональных состояний** – формирование у военнослужащих или населения той или иной страны таких эмоций как подозрительность, недоброжелательность, гнев, ненависть, ярость с целью внесения разногласий в их среду, разжигания между ними вражды по национальному или социальному признаку;

- **использование когнитивного диссонанса.** Когнитивный диссонанс – внутренние противоречия, возникающие в сознании человека между различными когнитивными элементами. Важнейшее положение теории диссонанса гласит: одним из способов избавиться от когнитивного диссонанса, заставить когниции действовать, является смена поведения, если оно само по себе служит источником диссонансных когниций. Когда поведение противоречит установкам и не поддается изменению, можно влиять на установки через поведение. Именно на когнитивном диссонансе построен метод **«промывания мозгов».**

Контрпропаганда и пропаганда тесно связаны между собой как разведка и контрразведка. Они могут выступать как два самостоятельных средства и как единое средство системы политической коммуникации. В последнем случае контрпропаганда является составным элементом пропаганды, защищающим пропаганду от возможных контраргументов противника (оппонента) и усиливающим ее психологическое воздействие на массовое сознание.

Условно контрпропаганду можно разделить на **наступательную и оборонительную.** К наступательной контрпропаганде относятся: негативная реклама, черный PR, использование слухов, анекдотов, эпитграмм, прозвищ, кличек, псевдонимов. **Наступательная контрпропаганда** построена по принципу асимметрии и использует против противников (оппонентов) непредсказуемые и, на первый взгляд, абсурдные действия. Основная цель наступательной контрпропаганды – нанесение ударов по противнику на его собственной территории. Рассмотрим основные приёмы наступательной контрпропаганды, используемые в психологической войне и избирательных технологиях:

- **«Ловушка».** Состоит в заманивании противника (оппонента) на то информационное поле, где потом по нему будет наноситься удар. Идя вслед, противник не понимает, что он попал на «заминированное поле»;

- **«Перенос неодобрения»** – формирует у избирателей негативное отношение к определенному кандидату с помощью демонстрации в СМИ тех групп лиц, которые поддерживают данного кандидата, но вызывают у электората такие чувства, как отвращение, страх, неприязнь;

- **«Перенос негативного образа»** – проекция негативных качеств человека или какого-либо объекта, предмета или моральных ценностей на другого человека или идею с целью их дискредитации;

- **«Метод «юридической безопасности»** используется при проталкивании непроверенной информации. Чтобы обезопасить себя от судебных преследований, в таком случае при подаче информации используются слова: по слухам, видимо, по версии, по предположению и т.п. Информация при использовании подобных слов приобретает предположительный характер, и осудить автора за клевету становится сложно. Избиратель дополнительные слова, как правило, забывает и предполагаемое событие воспринимает или запоминает как реальное;

- **«Общественное неодобрение».** Используется для создания иллюзии неодобрения тех или иных действий кандидата со стороны общественного мнения. Осуществляется подбором различных высказываний групп влияния, «представителей» различных слоев населения, соответствующих данных социологических опросов и т.п.;

- **«Имитационная дезинформация»** состоит во внесении изменений в пропаганду противника, кото-

рые придают ей иное направление и содержание, снижают доверие к ней, создают негативный образ;

- **«Пугающие темы и сообщения»** являются одними из самых эффективных способов психологического воздействия на потенциальных избирателей. Цель – представить избрание того или иного кандидата в качестве угрозы для жизни, безопасности и благосостояния граждан и т.д.;

- **«Смещение по семантическому полю»** представляет скачок из «за» в «против»;

- **«Контрастная пропаганда»** – тенденциозный подбор фактов, сведений, образов, на фоне которых оценка определенных элементов имиджа принимает необходимый оттенок. Такого рода подбор осуществляется на макроуровне – уровне идей и тем, обсуждаемых в СМИ. Например, в России достаточно распространены ссылки на опыт других стран, после чего производится сравнение с ситуацией в своей стране. Осуществляя подбор этих ссылок, в сознании избирателей можно сформировать представления о неправильности тех или иных действий конкурента, их несоответствии мировой практике;

- **Использование слухов.** Слухи представляют собой специфический метод наступательной контрпропаганды. Основные особенности этого метода – анонимность и «непересекаемость» его тем с темами СМИ. Использование слухов является очень эффективным методом психологического воздействия на избирателей и может существенно усилить те или иные латентные стереотипы и представления электората.

Оборонительная контрпропаганда является классической контрпропагандой, ее главная задача – противодействие подрывной пропаганде противника. Рассмотрим основные приемы (методы):

- **«Прямое опровержение».** Метод состоит в прямом опровержении различных пунктов пропаганды соперника. Без дополнительных мероприятий редко бывает эффективен. Прежде всего, это связано с психологическими особенностями восприятия человека: разрушить созданный стереотип гораздо сложнее, чем создать новый;

- **«игнорирование».** Метод заключается в намеренном игнорировании тех или иных тем пропаганды противника. Базируется на том предположении, что негативная тема, остающаяся «на слуху», приносит больший ущерб по сравнению с темой, появившейся на короткий промежуток времени. Метод бывает достаточно эффективен, особенно в случае незначительности темы пропаганды противника или недостатка его ресурсов;

- **«Отвлекающая пропаганда»** состоит в отвлечении и переносе внимания целевой аудитории с основных тем пропаганды противника на другие темы. Они могут быть связаны с избирательной кампанией, противостоящим соперником, а также могут быть и произвольными темами, представляющими интерес для общественного мнения. Метод обладает достаточно высокой эффективностью;

- **«Уменьшение значимости темы»** – перенос акцентов на элементы какой-либо темы, обладающие «меньшей негативностью», кратком затрагивании и «неупоминании» данной темы и т.д. Как правило, используется в сочетании с методом «Отвлекающая пропаганда»;

- **«Превентивная пропаганда»** состоит в превентивном использовании пропагандистской темы, которая может быть использована пропагандой противника – с измененными и смягченными компонентами или элементами для уменьшения доверия к теме. В избира-

тельных кампаниях нередко используется с развитием темы о возможных провокациях, использованием «нечестных методов со стороны конкурентов», выдвижением аналогичных обвинений, которые предполагала использовать пропаганда другой стороны и т.д. Это приводит к снижению общего уровня доверия к любой информации, в том числе негативной. Встречаются случаи выдвижения очевидно надуманных обвинений в адрес кандидата с последующим широким опровержением этих обвинений;

- **Использование контрслухов.** В силу специфических особенностей слухов в качестве противодействия им одним из наиболее эффективных методов является использование соответствующих контрслухов;

- **Использование эвфемизмов** – метод «приклеивания ярлыков» наоборот. Состоит в замене эмоционально окрашенных слов менее эмоциональными или менее понятными словами. Например, вместо журналистского заголовка «воровство государственных денег» используется выражение «нецелевое использование бюджетных средств»;

- **«Смена приоритетности сообщений».** Пример: объявляется, что, придя к власти, оппонент разгонит местный союз ветеранов. Подобное высказывание должно иметь место в устах его «активного сторонника»;

- **«Усиленная выдача информации, не соответствующей истине».** Пример: для того, чтобы помешать ведению пресс-конференции, объявляется, что на ней будут обсуждаться вопросы антисемитизма. В результате все вопросы сопернику будут только на эту тему;

- **«Нарушение процессов выдачи информации».** Пример: журналисты получают неверную информацию о времени посещения соперником тех или иных мероприятий.

Политическая пропаганда, являясь неотъемлемой частью системы политической коммуникации, представляет собой специфический информационный процесс, направленный на эмоционально-волевую сферу массового сознания. Эффективность психологического воздействия пропаганды определяется не столько разнообразием и совершенством ее форм и технологий, сколько психологическими особенностями массового сознания, среди которых можно выделить:

- **блокирование иной точки зрения;**
- **эмоциональность;**
- **черно-белая картина мира;**
- **активный поиск врагов;**
- **внушаемость;**
- **стереотипность и образность мышления.**

По своей природе **политическая пропаганда тоталитарна**, ибо, как и массовое сознание, не приемлет иную точку зрения. Альтернативная пропаганде информация опровергается, а ее источник различными способами дискредитируется с помощью контрпропаганды. **Политическая пропаганда – мощное психологическое и информационное оружие, и в кого это оружие выстрелит, зависит от того, в чьих руках оно находится.**

4.2. Соратники и команда: структура и организация, культура и психология

Небольшая группа профессиональных политических консультантов вполне реально способна и перевернуть ход политической кампании, и превратить признанного лидера в аутсайдера, а никому до этого неизвестного человека сделать лидером общественного мнения. Основными ресурсами такой «команды» являются талант, опыт, время и деньги. Однако если про-

должить эту мысль, то стоит отметить, что плохая команда способна испортить любые выборы и «завалить» даже самого перспективного кандидата. Поэтому крайне важным для любого политика является правильный подбор своих соратников. «Талант, опыт, время и деньги» – вот они, повторимся, составляющие успеха. Но поскольку мы говорим о **психологических** аспектах политики, избирательных кампаний и пр., то временно оставим два последних компонента формулы. Тогда у нас останутся **талант** и **опыт**. Можно добавить **мотивацию** – важнейший фактор, без которого даже самый «крутой» политтехнолог может завалить выборы. Легче всего оценить **опыт** – по числу, например, выборов, в которых участвовал специалист. **Информативными** здесь являются такие факторы, как **уровень выборов, должность, в которой он на них работал и общий стаж деятельности по данной специальности и в смежных областях**. Бывает и так, что человек недавно пришел в политику, но до этого хорошо проявил себя в коммерческой рекламе или практической психологии – это тоже позитивный опыт, заслуживающий внимания. Труднее определить **талант**. Признаками его, во-первых, является **соотношение побед и поражений** в тех кампаниях, где работал данный человек (хотя бывает, что хороший специалист проигрывает не по своей вине, а из-за грубых просчетов кандидата, руководства кампании или ее спонсоров). Во-вторых, способности специалиста можно определить **по продуктам его деятельности** (плакатам, листовкам, книгам, слоганам, видеороликам или газетным статьям), а также **по его репутации** в мире политтехнологов (отзывам, мнениям, ссылкам в прессе или Интернет-пространстве). Третий субъективный и «очень психологический» компонент успеха – **мотивация**. Во многом ее формирует сам кандидат, когда старается при-

влечь хорошо специалиста в свой штаб. **Мотивацией может быть сумма гонорара, должность после победы, повышение статуса или репутации, опыт интересной работы (в новом качестве или составе), личные отношения с кандидатом или спонсором – что угодно.** Главное для кандидата – правильно определить, чем и в каком размере нужно заинтересовать специалиста, которого он приглашает к себе для участия в кампании так, чтобы, с одной стороны, не допустить излишней траты средств, а, с другой стороны, максимально мотивировать специалиста на эффективную деятельность с полной самоотдачей.

Фигура руководителя избирательной или другой политической кампании (менеджера кампании) является ключевой для успеха всего дела. Его можно сравнить с капитаном корабля, который несет полную персональную ответственность за победу или провал избирательной кампании. Вот его функции:

- разработка стратегического плана кампании;
- создание эффективной структуры кампании;
- управление ходом избирательной кампании;
- взаимодействие с кандидатом и руководство его действиями;
- контроль над исполнением действий подчиненных;
- внесение оперативных поправок в стратегический план;
- мотивация персонала.

А вот его навыки и умения:

- знание выборных технологий;
- основы психологических знаний;
- опыт ведения избирательных кампаний (причем количество побед желательно должно быть не менее 50% от общего числа кампаний с его участием);

- начальные навыки финансового учета и контроля;

И личностные и интеллектуальные качества:

- лидерские качества;

- организаторские качества;

- высокая работоспособность и стрессоустойчивость;

- уровень интеллекта выше среднего по популяции;

- ответственность и преданность;

Скорее всего, у него должен быть личный секретарь, главной обязанностью которого является ведение сводного графика кампании и обеспечение связи руководителя с кандидатом, подразделениями штаба и сторонними лицами и организациями.

Сегодня существуют различные способы поиска руководителя кампании:

- его назначает сам кандидат из своего окружения;

- он предлагается вышестоящей структурой или спонсором для контроля над ходом кампании и расходованием средств;

- его приглашают со стороны (из своего региона или извне).

	Плюсы	Минусы
Назначает кандидат	Возможность максимального контроля хода кампании и расходования средств.	Руководитель кампании сильно зависит от кандидата и ему трудно проводить самостоятельную линию
Назначает спонсор	Ответственность за его действия лежит на спонсоре (тот дает деньги и отвечает за результат в случае неудачи)	Кандидат не может влиять на ход кампании и только следует инструкциям.

Приглашение специалиста со стороны	Независимость, не ангажированность специалиста дают ему свободу маневра.	На первых порах возможны трудности в построении коммуникационных отношений с кандидатом и членами команды.
------------------------------------	--	--

Для принятия обоснованного решения изучается следующая информация:

- **резюме.** Из резюме можно узнать, какое учебное заведение закончил человек, как часто не менял работу (можно навести справки по месту его прошлой работы), какое дополнительное образование или специализацию получил, как он умеет себя преподать (если он не владеет навыками самопрезентации, то, как он сможет рекламировать кандидата?);

- **послужной список по данной деятельности.** В каких кампаниях участвовал, на каких ролях, чем занимался, какими навыками практической и руководящей работы владеет;

- **личностные и интеллектуальные качества.** Лучше всего, конечно, если помимо беседы вы протестируете этого человека при помощи какого-либо личностного теста, но для этого нужен сторонний независимый психолог – специалист по профотбору;

- **связи.** Имеются в виду связи в среде журналистов, редакторов газет, политических деятелей, издательских фирм, охранных предприятий и других структур и персоналий, так или иначе задействованных в избирательных кампаниях. Этот пункт, может быть, и не является решающим, но его наличие значительно облегчает оперативное решение текущих вопросов;

- **ведущая мотивация.** От этого зависит, насколько полно будет «выкладываться» менеджер кампании, будет ли он «гореть на работе» или же отбивать время.

Следует помнить, что политические выборы, как и другие относительно высокооплачиваемые виды политической деятельности, привлекают немало аферистов и мошенников, которые оболванивают своих клиентов, «заговаривая им зубы» мудреными терминами. Как сказано по этому поводу, «...искусство быть имиджмейкером состоит не столько в умении оболванивать народ, сколько в оболванивании самого кандидата. С этой целью придумываются мудреные термины и технологии. Известны они сотни лет, многие даже тысячелетия, но, облеченные таинственными терминами, становятся привлекательными и щедро оплачиваемыми. И вот уже четверостишие становится «слоганом», дешевый прием обмана – «стратагемой», а соответствие личности кандидата его амбициям – «политвitalностью»¹⁶⁹. Кандидат должен уметь за завесой «умных» слов разглядеть личность и профессионализм человека, которому он собирается доверить свое политическое будущее и немалые деньги¹⁷⁰.

Феномен «команды» в политике впервые был зафиксирован и осмыслен М. Вебером в рамках западных демократий. В известной работе «Политика как призвание и профессия» он отметил свойственную западным демократиям склонность рассматривать государство как своего рода поставщика постов и должностей для соратников победившего президента или функционеров выигравшей выборы партии. Там же он сказал, что влиянию «команд» все больше противостоит нарастающая бюрократизация государства – появление профессионального слоя независимых от исходов выборов, профессиональных чиновников – без чего возникла роковая опасность чудовищной коррупции, что поставило бы под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата. Подчас дилетантское управление «делящих добычу» политиков в США заставляло сменять сотни тысяч чиновников – вплоть

до почтальонов, Так, приход к власти одного человека – нового лидера, менял не только одну, непосредственно окружавшую его малую группу, но и вел к смене множества малых групп – поскольку каждый из приближенных, в свою очередь, располагал своей малой группой. Так, из совокупности малых групп, возникала большая группа – **«правлящий класс», «элита».**

В истории и современности выделяются несколько типов непосредственных «команд» лидеров, сформировавшихся на различных основаниях. Эти основания представляют собой своеобразные параметры общности, объединяющие лидера с «командой» и сплачивающие их в единую группу. Выделение принципов формирования в чистом виде достаточно условно – обычно, команды формируются на основе нескольких принципов, хотя ведущим и определяющим все же является один.

1. Команда, строящаяся на основе родоплеменного принципа

В истории примерами «команд» такого рода в Европе были королевские династии, например, династия Валуа во Франции, Тюдоры в Англии и т.д. В России – княжеские роды, опиравшиеся на родоплеменные дружины. В странах современного Востока это либо семейные кланы (например, бывшие кланы С. Хуссейна в Ираке, Х. Ассада в Сирии, Ф. Маркоса на Филиппинах и т.п.), либо непосредственно родоплеменные структуры типа казахских джузов или чеченских тейпов. Главной особенностью команд, основанных на данном принципе, считается относительное равенство лидера с другими членами команды – он считается лишь первым среди равных. **Такие команды основаны на гомогенности.**

2. Команда, строящаяся на основе опричнины

Классический пример команды такого рода – опричнина Иоанна Грозного. Фактически, это были первые варианты наемных команд, противопоставляемых лидером официальным исполнительным и совещательным структурам. Это своего рода личный совет лидера, всем обязанный ему и готовый исполнить любую его волю. Как правило, команды такого рода появляются в периоды реформирования государств и обществ, когда «сверху» вводятся новые иерархические принципы. **Они основаны на сословном смещении, необходимом для разрушения прежней гомогенности государства и общества.**

3. Команда, строящаяся на основе «компании»

Классический пример такой «компании» – команда Петра I, основывавшаяся на началах смещения сословного и национального, а также (а возможно, прежде всего) на оценке кадров по результатам их деятельности. В командах такого рода личные достоинства членов команды, эффективность их деятельности стирают все прежние различия. Обычно это группа людей, увлеченных общими идеями и целями деятельности, что создает особую общность, в которой при наличии в принципе непреодолимой дистанции между лидером и ведомыми, допускаются внешне достаточно фамильярные отношения и обращения своеобразного товарищества, хотя и в определенных границах.

4. Команда, строящаяся на основе фаворитизма

Пример часто менявшейся по составу команды такого рода – окружение Екатерины II. Подобный принцип не слишком распространен хотя бы потому, что больше свойственен лидерам-женщинам, а их, все-таки, меньшинство. В истории бывали, конечно, еще большие исключения – например, команда фаворитов-«миньонов» Карла IX во Франции. Несмотря на не

слишком частую повторяемость, отметим, однако (миная нравственные оценки), что в хорошем исполнении (прежде всего, русских императриц Елизаветы и Екатерины II) данный принцип приносил достаточно эффективные результаты. Подкрепление энергичной сексуальной потенцией и, что еще более важно, сексуально-темпераментальной совместимостью фаворита и лидера, безусловно, является мощным вспомогательным средством для совместной эффективной политической деятельности.

5. Команда, строящаяся на основе принципиальных отношений типа «Негласного комитета»

Пример был создан Александром I, он так и именовался – «Негласный комитет». По сути, такая команда представляет собой дружеский кружок, выполняющий консультативные функции при лидере. Это даже не «теневое правительство», а партнеры по мозговым штурмам, по проговариванию тех или иных проблем. Команды такого рода не всегда носят функциональный характер – иногда они выполняют лишь психотерапевтическую роль, помогая лидеру «выговориться».

6. Команда, строящаяся как «министерство талантов»

Одной из лучших команд такого рода считается команда Наполеона. Сам термин «министерство всех талантов» возник в Англии в IX веке для обозначения ряда команд, составлявших тогдашние кабинеты министров.

7. Команда, строящаяся на основе некоего тайного общества в качестве «кузницы кадров»

Командой такого рода считали Временное правительство, за которым вроде бы стояли масонские ложи. Еще более явным примером можно считать Кампучию: после прихода Пол Пота и его соратников к власти

долгое время никто не знал даже имен вождей – все распоряжения выходили за подписью «Организация».

8. Команда как политический и личный мозговой трест

Формирование классических команд такого рода исследователи обычно связывают с именем президента США Дж.Ф. Кеннеди. Ему же принадлежит и первенство в осознанном разделении команд на, как минимум, три различных типа:

- 1) команду – кадровый костяк управления государством;
- 2) команду личной политической и интеллектуальной obsługi;
- 3) команду друзей.

До Кеннеди, как правило, эти три разные функции (собственно управление, личная обслуживание и психотерапия вместе с релаксацией) обычно соединялись в рамках единой команды.

Так выглядят основные варианты малых политических групп – «команд», строящиеся на достаточно различающихся (хотя подчас и пересекающихся) принципах формирования. Однако при всем их внешнем многообразии, в основе формирования команд все равно лежат три основных критерия отбора лидером членов своей команды. Суммируем эти принципы в качестве вывода:

Принцип 1	надличностная преданность идее любого рода – от доминирования конкретного рода-племени до духовных идеалов и идейно-политических принципов.
Принцип 2	профессиональная компетентность или личные достоинства, обеспечивающие эффективность деятельности члена группы.
Принцип 3	личная преданность лидеру-вождю.

Однако в политике, как известно, не бывает постоянных симпатий или антипатий, а бывают только постоянные интересы. И эти политические интересы подчас требуют смены принципов, в том числе, и принципов формирования «команд». Еще раз оставим в стороне вопрос о нравственной оценке такой «беспринципности» – нравственность – сфера религии, а не политики. Сфера политики – реализация тех или иных интересов, связанных с властью. Правда, вступая между собой в конфликт, искаженные интересы и нарушенная нравственность могут приводить к печальным результатам.

Если говорить о культуре политической организации или команды, то отметим, что она в значительной степени определяется сферой ее деятельности и в целом политикой, связями и отношениями в обществе. Организационная культура также зависит от размеров команды, так как принципы управления большими и малыми коллективами имеют определенные различия. Большое значение для становления организационной культуры имеет специфика политической организации, а также особенности лидера, влияние собственников или учредителей, а также особенности лидера и других субъектов политики, взаимоотношения в коллективе.

Было бы большим упрощением относить к организационной культуре команды только позитивные ценности, которые в ней проявляются как традиции. Негативные «ценности», традиции или предпочтения, как, например, расовая, национальная или половая дискриминация, различия в уровне заработной платы и др. также являются частью культурного багажа той или иной политической организации. Например, до последнего времени женщина в политике была несчастным явлением, сейчас же ситуация меняется (примером тому могут служить Валентина Матвиенко, Ангела Меркель,

Хилари Клинтон и др.). Организационную культуру можно рассматривать как систему представлений, символов, ценностей и образцов поведения, разделяемых всеми членами «команды».

Как всякая сложная система, организационная культура может быть представлена в виде определенного состава взаимосвязанных элементов, которые также называют «чертами культуры». Основные элементы организационной культуры следующие:

1. **Философия и политическое кредо организации**, определяемые как «идеальная цель» организации, «исторически и логически сложившийся и современный подход к политике, политическому поведению, образу действия, которые проявляются в предпочитаемом стиле функционирования этой организации. При этом философия выступает генеральной линией, мировоззренческой основой для всей архитектоники и функционирования политической организации. **Политическое кредо определяется как концентрированное выражение философии и политики, провозглашаемых и реализуемых политическими субъектами.** Политическое кредо команды включает декларирование той роли, которую она хочет играть в обществе, ее базовые цели и кодекс поведения политиков и персонала. Однако формулирование политического кредо – лишь часть политики организации. Чтобы его можно было довести до осознания каждого, следует это политическое кредо включить в систему его личной мотивации и принципов политической деятельности. Для того чтобы принципы смогли сыграть свою роль, они должны быть ясно осознаны и лидерами, и всем персоналом политической команды. Лидеры своими собственными делами и поступками должны демонстрировать на практике провозглашаемые принципы, но главное, чтобы все члены политической

команды реально видели те результаты работы, которые благодаря этому достигнуты. Кредо должно работать на конечный результат политической деятельности команды.

2. Принятые в политических организациях конкретные концепции менеджмента и ролевые модели, через которые персонифицируется и символизируется действующая система ценностей. Символический менеджмент выступает как акция, манера действий, инсценировки, которые без лишних слов становятся понятными окружающим, указывают на происходящие изменения, объясняют суть дела и надлежащим образом расставляют акценты. При этом важную роль могут играть социально-психологические тренинги, организационно-деятельностные, деловые и непосредственно психологические игры, через которые определяется, какие официальные нормы, какую концепцию самой организации они выражают и одновременно формируют.

3. Коммуникации, которые представляют собой всепроникающий и сложный процесс обмена политической информацией, отношениями и действиями. В этом процессе необходимо выделить важный момент: часто неформальный обмен мнениями оказывается более достоверным, чем формальный. Вполне очевидно, что многие люди, собираясь вместе, охотнее всего говорят о делах. Во время бесед за письменным столом, контактов на праздничном мероприятии, разговоров в столовой или за кружкой пива. Данная форма получения информации отражает официальное информирование сотрудников. Кроме того, в личной беседе можно сообщить совершенно иные вещи, высказать предположение и т.д., то есть удовлетворить те потребности, которые не удовлетворяются официальным путем. Также необходимо отметить, что устная

информация и обмен мнениями, как правило, оказываются более эффективными, чем письменные объявления, предписания и т. д. При этом важно иметь в виду, что в организационной культуре присутствует и проявляется особый язык, характеризующий лицо организации и статус отдельного политика. Язык всегда позволяет сделать вывод о культуре, причем без особых усилий. Все зависит от того, насколько люди внимательно слушают или читают. Именно с помощью языка формируется и передается культура.

4. Привлекаемые в процессе политического общения и деятельности девизы и лозунги, мифы, легенды, истории и метафоры также отражают существенную сторону организационной культуры политической структуры. Они могут значительно различаться в разных субкультурах даже одной политической организации. В политике нельзя не обращать внимания на такие средства информирования, как девизы и лозунги (часто выражающие главную цель, основную ценность). Они особенно уместны во время политических акций и компаний. Это могут быть всевозможные истории, связанные с деятельностью «отцов-основателей», передаваемые от одного поколения политиков к другому. И хотя достоверность услышанного порой может вызывать сомнения, истории эти, приобретшие характер легенд, стали примером для остальных. Легенды отражают историю. Они имеют в своей основе изменения, происходящие в организации, в закодированной форме передают унаследованные ценности организации, а также способствуют развитию новых культур.

5. Особое место в организационной культуре политической команды занимают символы, которые используются для выражения определенных идей и имеют как вербальный (девиз, история,

фразы), так и невербальный (одежда, поступок, предмет) характер. Примеры: КПРФ – красный флаг, серп и молот, военная символика (даже на сайте одним из центральных символов является орден победы), красный цвет шрифта и т. д.; ЛДПР – синий флаг, орел, на сайте на синем фоне с изображением в центре самого Жириновского; «Яблоко» – зеленое яблоко и пр. При этом ритуалы, церемонии выступают как символические мероприятия, призванные напоминать политическим организациям и членам их команд о поведении, которое требуется показывать их персоналу. Сюда можно отнести ритуалы политического поведения, служебные (нормативные мероприятия, встречи с коллективами, управление методом личного контакта и др.) и внеслужебного общения (юбилеи, традиционные встречи и др.), поддерживающие и укрепляющие традиции организационной жизни коллектива. Ритуалы служат средством для наглядной демонстрации ценностных ориентации организации. Ритуалы (обряды) и церемонии в организационной среде являются мобилизирующим фактором, символом единства помыслов и действий всего персонала политической организации, сближение всех членов политической общности, демонстрируя им новые и еще неизвестные страницы прошлой истории и настоящего их организации, приобщая всех участников ритуала к основным ценностям и традициям. Ценности, ритуалы и церемонии в жизни политической организации являются самыми представительными компонентами, формирующими ее культуру и стратегию. Примеры: КПРФ – ежегодные съезды партии; ЛДПР – раз в две недели – митинги около станции метро «Сокольники» с обязательным выступлением В. В. Жириновского.

6. Политическая этика в организационной культуре рассматривается как совокупность прин-

ципов, норм и правил, определяющих целесообразное, социально ценностное политическое поведение, отделяя его от неприемлемых в обществе действий субъектов политической деятельности и отношений. Политическая этика сочетает в себе такие требования к политику, как нравственность, честность, порядочность, терпимость, справедливость, а также его социально значимые качества: профессионализм, честность и требовательность, самоотдача в работе, принципиальность и уважение мнения других. Политическая этика во многом определяет направление и особенности корпоративного духа и действий политической организации, выступая в качестве элемента, интегрирующего все вышеперечисленные компоненты организационной культуры. В качестве аналогичных понятий используются «моральный дух команды», «приверженность», «идентификация». Организационной силой, механизмом корпоративного духа и единства действий выступает дисциплина. Для российских политиков она обеспечивает достижение желаемого уровня корпоративного духа и единства действий в рамках политической организации. Такая монолитность проявляется через профессионализм членов политической команды, преданность и лояльность по отношению к организации, материальные и моральные стимулы за вклад в общее дело политической организации.

Наиболее существенное влияние на политическую культуру команды оказывает система распределения власти, полномочий и ответственности, которой, как правило, соответствует ее организационная структура. Власть основывается на обладании ее носителем определенной силы, позволяющей ему влиять или прямо воздействовать на других людей. Существуют несколько видов сил, действующих в политических организациях:

сила положения, сила лидерского влияния, сила профессионализма и сила личности политика, сила традиции и др. Все силы, интегрируясь, образуют единый вектор, направленность проявления организационной культуры команды. Вместе с тем, каждая из отмеченных сил проявляет себя как самостоятельная детерминанта. Так, **сила положения** является результатом обладания правами (полномочиями) принимать те или иные решения. Эти права делегируются от верхнего уровня иерархии. Сила положения объективно предопределяет преимущества позиции должностного лица. По существу, это сила начальственного кресла, а кто конкретно на нем сидит – играет второстепенную роль. **Сила лидерского влияния** возникает в результате признания в команде права играть в ней ключевую роль. От силы положения она отличается тем, что влияние ее распространяется не только вниз по иерархии, но и в значительной степени по горизонтали и даже вверх. Например, **в современной политической элите любых иерархических учреждений администрация, секретарь или помощник первого лица часто обладает непомерным по отношению к своей должности влиянием.** Они приобрели несвойственные им управленческие функции по отношению к внешним структурам, в то время как им предписано решать внутриорганизационные вопросы политической структуры. Эти две силы являются легальными, поскольку поддерживаются узаконенными решениями. **Сила профессионала** связана с тем, что политик наделен не только компетенцией, но и компетентностью. Он уже начинает обладать естественной монополией на порученном участке политической деятельности. Никто более (по крайней мере, в данной организации) не может сделать то, что может профессионал. **Сила личности политика** связана с индивидуальными характеристиками, та-

кими, как воля, коммуникабельность, творческая активность и др., талант и способности, то есть политик обладает тем, что делает его социабельным. Высшим выражением силы личности политика является так называемая харизма. Сила профессионализма и сила личности политика являются легитимными силами, поскольку возникают в результате их реального признания в организации. Сила профессионала определяет успех на всех направлениях политической деятельности. Сила личности политика перекрывает все, что находится под ним, а над собой признает только им приемлемое. Харизматические лидеры не признают харизмы друг друга, руководствуясь примерно таким принципом: *«Бог един, и у него может быть только один наместник на земле»*. В зависимости от того, какие силы оказывают преобладающее влияние в организации, формируется и развивается определенная идеология отношений между составными частями и членами организации и соответствующая этим отношениям организационная культура. В связи с этим политику важно иметь представление об основных типичных организационных культурах и соответствующих им структурах.

В качестве первой такой культуры можно выделить **культуру власти. Это организационная культура, в которой имеется единственный четко выделенный центр принятия политических решений. Она характерна для организаций, руководимых харизматическими лидерами (вертикальная федеральная и местная власть, некоторые политические партии, общественные объединения и др.), в которых они одновременно являются и главными руководителями и организаторами отдельных узкоспециализированных организаций, направлений. Их организационная структура похожа на пирамиду или паутину. На вершине пирамиды или в центре**

паутины находится центр – ведущий политик, его администрация и источник власти. Как правило, это одно лицо, хотя могут быть особо доверенные приближенные. Такими доверенными лицами выступают главы администраций, а также, например, назначенные Президентом РФ его уполномоченные представители в региональные объединения субъектов России. Культура власти опирается, в основном, на силу личности или на силу положения формального лидера. Эта культура становится крайне неустойчивой, когда у лидера возникают проблемы. Организацию, в которой преобладает культура власти, начинает лихорадить, если политический лидер оказывается не в состоянии справиться с проблемами, возникшими перед ним, или лидер государственной организации (подразделения) попадает в немилость у вышестоящих лиц.

Вторую разновидность организационной культуры можно назвать **функционально-ролевой.** Соответствующая ей структура напоминает очертания храма. Она основывается на доминировании силы положения и силы распоряжений политика. По этажам «храма», в строгом соответствии с уровнем и пропорционально его высоте, делегируются полномочия принимать решения и право распоряжаться предписанными функциями в строго определенном объеме. Функциям и полномочиям соответствуют определенные роли их носителей и исполнителей. На самом верхнем этаже осуществляется координация деятельности функциональных линий (колонн). Это наиболее широко распространенные и достаточно типичные структура и организационная культура. У них много разновидностей. Таковы организационные структуры государственно-политических, партократических, некоторых профессиональных бюрократий и т. п. Поскольку пра-

во принимать политические решения достаточно широко распределено по организации, эта культура достаточно устойчива, консервативна; в ней сложно проводить нововведения.

Следующая, третья типичная организационная культура основана на обладании **политическим профессионализмом и предназначением организации в решении специфических задач. В тех случаях, когда преобладающая деятельность политической организации или подразделения связана с необходимостью решения задач, которые способны выполнить только квалифицированные профессионалы, обладающие соответствующими знаниями, складывается так называемая культура задачи.** Эта культура характерна для аналитико-координационных политических структур, организаций, фирм, ориентированных на проектирование и реализацию новаторских политических решений. Принципиальный подход к раскрытию структуры соответствующей организационной культуры может дать матрица, в узлах которой находятся задачи и группы, решающие их, а линии обозначают информационные, координационные и управленческие связи. В культуре задачи применяются матричные управленческие структуры, используются рабочие группы, управление по проектам, широко используются горизонтальные связи. Эта культура начала формироваться в проектных и исследовательских организациях западных стран лишь после Второй мировой войны в связи с выполнением крупных военных и аэрокосмических проектов и развитием системно-кибернетической школы в теории менеджмента. С 60-х годов XX века достаточно широко используется в различных политических структурах, особенно при разработке для них новых политических решений.

Четвертый тип организационной культуры, выделяемый по характеру распределения власти и полномочий, называется **культурой политиков**. Эта организационная культура присуща организациям, состоящим из объединений индивидуальностей, каждая из которых является независимой, обладает своей собственной силой личности и влиянием. В культуре политиков отдельные персоналии преследуют собственные цели, собственные интересы и ценности ставят выше общих. Схематично культуру политиков можно представить в виде пчелиного роя или звездного скопления. Власть и влияние, как правило, основываются на силе личных качеств, способностей и дарований. Если одна из личностей начинает превосходить других, то в глазах близкого окружения может начать формироваться конкретная, определенная харизма. Тогда эта личность постепенно выдавливает конкурентов из организации – происходит вырождение организационной культуры в культуру власти. **Организационная культура политиков характерна для аппарата и администраций. Она многомерна и противоречива, и, следовательно, конфликтна, неустойчива и всегда зависит от позиции, стиля деятельности первого лица политической структуры. Если в результате конфликтов и противоречий организация не распадается, то, как правило, в небольших организациях она трансформируется в культуру власти, в средних и больших – в функционально-ролевую культуру.**

В каждой организации присутствует некая внутренняя политическая деятельность, заключающаяся в том, что, как правило, в них постоянно происходит скрытая борьба за влияние на лиц принимающих решения. В результате такой борьбы образуется скрытая (и скрытная) политическая структура (команда сторон-

ников какого-либо варианта решения, идеи или определенных лиц; взаимоотношения между ними, коалиции, соглашения и т. п.).

Традиции, нормы и правила принятия решений завязаны от доминирующей культуры. В культурах власти для политической структуры характерны фаворитизм, волюнтаризм, частая смена схем принятия решений. Обычно это выражается в появлении особо влиятельных лиц, которым более доступны различные этажи власти и политические объединения. В бюрократических организациях отдается предпочтение зафиксированным правилам, которые очень трудно изменить. Как правило, тот или иной вид культуры редко встречается в чистом виде, а кроме того, в разных подразделениях политической организации могут существовать свои субкультуры. Тем не менее, в большинстве организаций одна из типичных культур команды, та, чья психология «сильнее», всегда доминирует. Отметим, что очень сложно проводить изменения в организации, если они противоречат сложившейся в ней культуре. Еще труднее осуществлять изменения самой культуры. Это связано с тем, что любая команда представляет собой в определенном смысле организм, одной из имманентных целей которого является выживание. Поэтому изменения воспринимаются как угроза стабильному существованию, и команда старается их отторгнуть. **Команда, не способная изменяться в соответствии с изменениями политической ситуации и окружающей ее среды, деградирует и уходит с политической арены. Следовательно, для любой политической организации важно знать, какая культура и какая психология соответствует ее роду деятельности, какие противоречия в ней существуют, в каком направлении нужно развиваться. При этом важно добиваться максимальной конкретизации.**

Организационная культура проявляется в любой политической структуре. Она обуславливает адаптацию новичков и поведение ветеранов, находит отражение в определенной философии политического звена, прежде всего высших руководителей, реализуется в конкретной стратегии организации. Принято выделять три периода, когда организационная культура становится более очевидной:

а) когда в политическую организацию приходят новые силы, они очень восприимчивы к изучению «связей» в ней. В дополнение к тому, что они стараются понять, чего от них ждут, хотя и знают такие факторы, как потенциальные награды за политическую активность, потенциальное продвижение по иерархической лестнице, дисциплинарные процедуры. Новые сотрудники узнают больше из историй, которые они слышат, и ситуаций, с которыми они сталкиваются;

б) когда субкультуры конфликтуют и приписывают стереотипические характеристики друг другу, например, столкновение взглядов двух политических лидеров в одной партии;

в) поведение политических лидеров является третьим индикатором культуры – через свое персональное поведение, выражаемое в том, что они говорят, кого награждают, какие действия они одобряют; через какие формальные системы они создают побудительные механизмы, отчетные механизмы, программы оценки.

На рубеже XX-XXI веков в российской политической сфере начинает получать все более определенные очертания организационная культура властных структур, общественных объединений и их политических лидеров. Их особенностью является то, что им в равной степени присущи все рассмотренные виды организационных культур команд. Кроме того, в организаци-

онной политической культуре аккумулируется потенциал, характерный только для субъектов политики.

Отсюда следует: всегда целесообразно выявлять характерные психологические особенности субкультур политических структур, и, прежде всего, органов власти, партий и движений. В данном контексте культура субъекта политики имманентно присуща и властным органам, и партиям, и движениям, и командам. Это обусловлено тем, что каждый депутат или иной политический лидер является индивидуальностью, имеющей особые права, особый статус (и не только в рамках политического объединения, но и в стенах парламента, Думы и пр.). В отличие от подобной культуры в других политических структурах наряду с актуальностью характеристик личности самую важную роль играет его легитимность – признание в качестве своего представителя, которому путем выборов делегируется на определенный срок часть интересов политического объединения или суверенитета высшей народной власти. **Но относительно политического лидера эти же личностные качества очень важны для деятельности всей партии.** И неважно, действительно ли он ими обладает, или ему создали такой имидж – ведь избиратели и члены общества будут видеть именно тот образ, который создали этому политическому лидеру и будут ориентироваться именно на него.

В рамках организационной культуры политического объединения вырабатывается и проявляется особая роль политических структур, обеспечивающих культуру лидеров в соответствии с потребностями внутреннего развития самого депутатского корпуса, политических объединений, депутатской этики, политической культуры, критериев эффективной работы на сессиях и заседаниях партий, объединений и т. п. – то есть команд.

Эта культура проявляется на всех этапах политической деятельности – преобразования, планирования, непосредственного действия и общения, а также при анализе, оценке и оптимизации всех сторон деятельности.

Политическая организационная и психологическая культура объединяет культуры всех других субъектов политики: политические партии, общественно-политические движения, организации и другие общественные объединения. Их культура регламентируется нормами кодексов, программ, уставов и иных нормативных документов, которые принимаются соответствующими субъектами политики и закрепляются юридически. Поэтому здесь можно выделить общее, особенное и единичное как схожее, так и различное: в качестве общих признаков можно выделить наличие программ и уставов, некоторых принципов деятельности, в частности, унаследованный от КПСС принцип демократического централизма, который в различных интерпретациях выступает организационной основой практически для всех российских общественных объединений. Немаловажно и то, что закон об общественных объединениях определяет единый континуум содержания и порядка их функционирования. **Закономерностью поддержания психологического состояния требуемого уровня организационной политической культуры выступает его эффективное управленческое и мотивационное обеспечение.** Для реализации подобных функций часть полномочий передается отдельным лицам (председатель или спикер, управляющий делами, руководитель аппарата, лидер общественного объединения и т. п.), которые возглавляют определенные структуры. В этих структурах преобладает культура власти. Политическая практика, однако, показывает, что превышение полномочий довольно обычное явление для современных полити-

ческих институтов. Это объясняется, прежде всего, недостаточным уровнем управленческой культуры и «последствиями» старой тоталитарной культуры власти, в которой все мы были воспитаны. Атавизмы тоталитарной авторитарной культуры весьма живучи. Легко изменить лозунги и даже цели, но очень трудно изменить свое поведение. Люди, привыкшие к авторитарному или патерналистско-авторитарному стилю руководства, быстро восстанавливают привычные отношения, причем, этот процесс «идет» не только *сверху*, но и *снизу*. Люди, не привыкшие к самостоятельности, к принятию на себя ответственности, чувствуют себя в большей безопасности под отеческой опекой авторитарного руководителя. Это объясняется и высокой степенью мотивации политических лидеров концентрировать в своих руках власть. Решение не в том, что культуры власти не должно быть вовсе; напротив, она должна быть, но существовать и проявляться и в строго правовых рамках, определяя характер социально значимых функций лидеров социальных институтов и общественных объединений, и в соблюдении психологического равновесия. **Проблема в том, что по этой причине культуры власти реформируются в жесткую автократию или мягкий патерналистский авторитаризм и закономерно входят в противоречия с другими культурами, либо подавляя их, либо создавая конфликты.** Следовательно, всем субъектам политики важно обеспечить восприятие, понимание, принятие и соблюдение всех сторон политической организационной и психологической культуры и функционировать, соблюдая все измерения одновременно: везде, естественно свои правила поведения, свои каналы распространения информации, свои нормы, условия принятия решений и их реализации, свои критерии оценки эффективности деятельности. Это, кстати, порождает противоречия – человек, попадающий из

привычной ему культурной среды в новую для него культуру, испытывает обострение ментальных противоречий. **Возможно, частое переключение из одного культурного контекста в другой и трудности адаптации, возникающие при этом, являются одним из главных источников довольно часто встречающейся неадекватной реакции и поведения современных субъектов политики.** Очевидно, конечно, что любой субъект политики – представительное собрание, иной орган власти или общественное объединение – должен обеспечивать эффективное выполнение своих функций на основе конструктивного разрешения противоречий, и, прежде всего, как психологических, так и в области организационной культуры. Для этого необходимо, чтобы в ней не возникали разрушительные внутренние конфликты. Такой подход обеспечивает утверждение современной организационной культуры. Иначе говоря, такая организационная культура команды будет способствовать достижению его соответствия требованиям политической деятельности. При этом сами субъекты могут быть организационными структурами или личностями. **Любой конфликт является следствием неэффективности какой-либо предыдущей деятельности и причиной неэффективности последующей.** И самые сильные, практически неразрешимые конфликты возникают, если организационная структура не соответствует организационной культуре. Например, в подразделении, где доминирующей является культура власти, невозможно привить культуру задачи, а если в группе превалирует культура личностей, трудно рассчитывать на эффективную реализацию ее функций. **Главная задача организационной структуры должна заключаться в том, чтобы обеспечивать гармоничное взаимодействие и сочетание элементов всех этих культур так, чтобы между ними не воз-**

никало разрушительных противоречий. Культурные различия и столкновения оказываются главными источниками внутренних конфликтов (неэффективных взаимодействий) между подразделениями. Для снижения конфликтности (повышения эффективности) необходимо, чтобы структуры относящиеся к разным культурам, были разделены как физически, так и организационно. Но при этом должен быть четко и недвусмысленно определен порядок координации их деятельности и процедуры разрешения возможных проблем и противоречий. Важно также, чтобы между этими структурами не были заложены конфликты целей, возникающие, если эффективное решение задачи одного подразделения приводит к снижению эффективности достижения цели другого подразделения.

Для любой политической организации, а особенно такой как команда соратников и помощников лидера как целостного организма, важнейшей проблемой является проблема эволюции и функционирования. И в решении этой проблемы главную роль играет, как мы уже упоминали, подбор специалистов соответствующего уровня квалификации, привлечение к решению задач профессионалов, поддержка с ними продуктивных связей и отношений, организация самого процесса решения задачи. В этом случае принятие решения превращается в организованный процесс сотрудничества заинтересованных сторон: субъектов политики в силу их положения, ответственности и выполняемых функций; политиков-профессионалов в силу их профессиональных интересов и профессионального долга; непосредственно политических лидеров в силу их долга перед обществом, интересов избирателей и

политической доктрины субъекта политики, к которой они принадлежат.

Итак, команда (team) представляет группу людей, объединенных общей целью. Каждый член команды играет определенную роль. Ярким примером такой команды являются властные структуры, политические партии и др. Политический лидер в них интегрирует личные цели группового субъекта политики в соответствии с его целью, поддерживает деятельность команды, представляет и отстаивает общие интересы. Понимание сущности, содержания и особенностей психологического развития и проявления организационной структуры команды позволяет обеспечить ее совершенствование. Для этого требуется создание вполне определенных условий. Одним из условий развития является **наличие модели, алгоритма и технологии ее развития** и проявления в политической деятельности. Они составляют некую архитектуру продуктивных решений. Вторым условием выступает **мотивация развития** не только организационной культуры политической структуры в целом, но и овладение этой культурой всем персоналом политической команды. Важным условием выступает ее **практическая востребованность**, продиктованная конкурентной борьбой. И еще одно неперемutable условие – **психологическое единство, психологическая общность членов команды**. Частными условиями и одновременно критериями являются: гармоничность развития творческого потенциала политического лидера как субъекта политического процесса; продуктивность творческой самореализации или деятельностно-поведенческая продуктивность политической активности; оптимальность политических связей и взаимоотношений субъекта политики с другими социальными субъектами. Так можно и нужно

оценить рост интеллектуального потенциала, духовность, мировоззренческую позицию, ценностные ориентации, осознание роли в политике, когнитивные профессиональные новообразования, преданность политической структуре, профессионализм, жажда познания в политической области, творчество и новизна в деятельности, степень вовлеченности субъекта политики в процесс профессиональной деятельности, стиль ее, совершенство организационных связей с субъектами политики. Как мы уже знаем, политическое общество представляет собой строгую целостную систему явлений психолого-политического характера, состоящую из 16 объединений людей (см. рис. 1).

Рисунок 1. Психология политического общества

Классификация этих явлений позволяет быстро и точно идентифицировать каждый их тип и прогнозировать поведение его членов. Для этого используется система признаков, присутствующих в одних группировках и отсутствующих в других. Объединения имеют обобщающие характеристики:

1, 2, 3, 4 – исполнители политики, объединенные единой жизненной позицией – отношением к труду. Их участие в политике в основном описывается как политический труд;

5, 6, 7, 8 – творцы политики, объединяющиеся на основе общей картины мира. Именно в этих массовидных явлениях выполняется политическая деятельность в полном объеме этого понятия;

9, 10, 11, 12 – повинующиеся политике, объединившиеся на основе общего образа жизни. Люди, оказавшиеся членами этих явлений, могут обнаруживать только большую или меньшую политическую активность;

13, 14, 15, 16 – распространяющие политику, связанные единым мировоззрением. Члены этих массовидных явлений выполняют основной объем политической работы;

Кроме этого, каждое явление имеет сходные черты с некоторыми находящимися в иных группах: 1, 5, 9, 13 – объединение людей по признаку политической целеустремленности и толерантности к отрицательным практическим психическим состояниям; склонны к соучастию в политических действиях; 2, 6, 10, 14 – объединение людей, чувствительных к целеполаганию политики, имеющих развитые гуманитарные психические состояния; стремятся к сознательной политической деятельности; 3, 7, 11, 15 – объединение людей, настаивающих на целесообразности политики; обладают развитыми эмоциональными состояниями; оказываются невольно сопричастными к политическим действиям; 4, 8, 12, 16 – объединения людей, имеющих четкую политическую целенаправленность; обычно связаны совместной политической работой.

Необходимо сказать и о следующем: существенные информационные, интеллектуальные, психологические и эмоциональные перегрузки субъектов политической деятельности, вызванные возрастанием роли и усложнением социальных систем, привели к необходимости оптимизации не только индивидуальной, но и совместной деятельности политической команды. Как правило, большинство политиков на первое место в числе проблем, с которыми им приходится сталкиваться, ставят **подбор членов политической команды, поиск людей, способных к эффективному взаимодействию в ходе реализации политической стратегии.** Многие считают, что успех возглавляемой организационной структуры определяется тем, насколько эффективно подобраны ближайшие помощники. Политики отмечают, что имеют определенные трудности в их подборе – по сути, многие из них просто не владеют навыками оценки творческого потенциала, отмечают у себя отсутствие специальных психологических знаний, считают необходимым специально подготавливать специалистов для правильного подбора ближайшего окружения и эффективной расстановки кадров. **Если раньше традиционно центральной фигурой выступал лидер, то теперь большее значение приобретает его окружение, которое в значительной мере определяет и специфику политических действий, и стиль политического менеджмента, и характер взаимоотношений, и, в конечном счете, стабильность организационной структуры политической команды, эффективность ее функционирования как целостного феномена.** Все это позволяет утверждать, что **при создании эффективно действующей политической команды важной составляющей в структуре профессионализма политиков различного уровня выступает способность**

оптимально формировать свое ближайшее окружение, на основе реальной оценки личностных качеств персонала, их творческого потенциала, рефлексивной оценки собственных индивидуально-психологических и личностных характеристик.

Конечно, следует помнить, что понятие «команда», и тем более «политическая команда» в политической психологии пока не получило окончательного официального признания. Причину этого надо искать за пределами психологической науки: возможно, она кроется в том социальном контексте, в котором осуществляется реальная политическая деятельность. Жесткое ограничение свободы руководителя на мотивационном и целевом уровнях, оставлявшее возможность проявления его собственного «Я» лишь на уровне операциональном; сложившаяся практика комплектования управленческих структур сверху, предполагавшая минимальное участие непосредственного руководителя; формализованная система отбора руководящих кадров и механизм их продвижения в управленческой иерархии – все это не создавало объективных предпосылок для формирования соответствующего социального заказа. Но заметим, в отличие от отечественной науки, в зарубежной, и, прежде всего, американской теории управления и политической психологии, понятие «команда» в последние десятилетия получило широкое распространение. Его смысловая нагрузка своеобразна: понятие «команда» используется, как правило, для обозначения рабочих групп, созданных в рамках организации для решения определенного круга поставленных руководством задач. Исследования собственно управленческих команд носят пока ограниченный характер. Кроме того, принципиальные отличия организационной среды, кросс-культурные различия существенно ограничивают возможности переноса данных, накопленных в

западной психологии, в практику отечественного управления. Это ставит перед необходимостью проведения исследований. И здесь есть целый ряд противоречий, обусловленных интенсивной динамикой современной жизни: **противоречия между социально-экономическим контекстом психологических исследований закономерностей существования и развития групп, команд, руководства и лидерства и реалиями России, где осуществляется управленческая деятельность, социокультурным контекстом управленческой деятельности, динамики формирования и развития управленческих команд и реалиями отечественной практики управления и взаимодействия руководителя с его ближайшим окружением, декларируемыми руководителями-практиками мотивами подбора членов команды и его реальным целевым и мотивационным обеспечением, существующим в психологии спектром направлений по изучению эффективности совместной деятельности групп и коллективов, групповой динамики и лидерства и присутствующими в управленческой практике направлениями создания указанных объединений, их жизнедеятельностью, арсеналом технологий создания и способов изучения указанных групп, наработанных психологической наукой, и алгоритмом подбора и диагностики персонала, используемым в управленческой деятельности руководителя.**

Одной из особенностей проблемы выявления психологических основ формирования команды является ее ярко выраженный **акмеологический характер**. Находясь на стыке целого ряда научных дисциплин (теории управления, социологии организаций, социальной психологии, психологии личности, психологии управления, психологии развития, а также конкретной

практики управления), эта проблема для своего эффективного решения требует особой проекции как на каждую из них, так и на реальную управленческую деятельность. Специфика рассмотрения личности руководителя и команды с позиций психолого-акмеологического подхода предполагает исследование личности и деятельности руководителя с точки зрения достижения им вершины профессионального мастерства в управленческой деятельности, максимальной творческой и жизненной самореализации. Кроме того, выступая основанием рассмотрения взаимосвязей лидера с «миром», можно рассматривать личность и деятельность политика как активного субъекта, который ищет и создает условия успешной самореализации, осуществления возникающих и поставленных им самим задач. И одним из таких средств выступает формирование руководителем ближайшего окружения: команды. **Именно команда выступает причиной, следствием, фактором и результатом формирования личности руководителя, стимулом и одновременно тормозом на пути достижения им вершин его личностного и профессионального роста.** Видимо, команда может восприниматься именно в качестве единицы субъектности при анализе политической и психологической деятельности руководителя. **Психологическую основу деятельности политика по формированию управленческой команды составляют как объективные социально-психологические макроусловия, требования организационной среды, сфера управления, цели и задачи организации, особенности конкретной организационной структуры, так и субъективные составляющие: опыт, возраст, уровень профессиональной и управленческой компетентности, психологические характеристики личности субъектов управления,**

управленческая позиция руководителя, особенности его ориентации в нормативно-ценностном пространстве, приоритет в ориентациях на внешние и собственные задачи, выступающие психологическими детерминантами выбора субъектом управления стратегий подбора ближайшего окружения, типа формируемой им команды и конкретных способов организации этого процесса. Психологические основы процесса подбора и формирования команды неразрывно связаны и с проблемой поиска реального субъекта управления в организации, которая выступает сегодня как одна из ключевых в управленческой деятельности, выявлении реальных путей ее оптимизации.

Сегодняшняя практика испытывает острую потребность в решении вопросов формирования управленческих групп, выдвигает их в разряд центральных, хотя и по-разному обозначая не до конца исследованную реальность. Именно сейчас появился и стал активно использоваться термин «управленческая команда». Не являясь до конца теоретически осмысленным и обоснованным научным понятием, он наполняется подчас различным содержанием и употребляется в ряду других терминов: «ансамбль управленцев», «управленческое ядро», «команда» и др. Под командой можно понимать любую группу людей, создаваемую руководителем в организации как на официальном, так и на неофициальном уровне для решения его собственных задач, которые в различной степени могут совпадать с целями и задачами организации. Управленческая команда это группа, ориентированная в первую очередь на решение организационно-управленческих задач руководителя, обеспечивающая усиление его психологического влияния на организационную структуру и людей в этой

структуре как на явном, так и на латентном уровнях. Процесс формирования управленческой команды при этом может рассматриваться не только с точки зрения требований конкретной должности (профессиографический подход), что безусловно важно, но и с учетом конкретных особенностей реальной структуры организации, собственных целей и задач субъекта деятельности по ее созданию.

То есть вполне целесообразно утверждать о важности рассмотрения самого процесса управленческой деятельности в контексте жизнедеятельности психологии личности руководителя и его ближайшего окружения сквозь призму их собственных целей и задач в рамках организационной структуры и возможности выделения на этой основе новых подструктур в системе внутриорганизационных отношений (которая, в отличие от традиционно выделяемых формальной и неформальной структур, характеризуя систему специфических отношений руководителя, управленческой команды, всех членов организации к ее целям и задачам, их способность и ориентацию на синтез собственного *дела*, задает общий контекст управления, который в явном виде не декларируется). Руководитель может по-разному проявлять свою индивидуальность в каждом из ее компонентов. Цели субъекта управленческой деятельности, система его мотивов, сам смысл управленческой деятельности могут быть весьма различны и по-разному соотноситься с целями организационных структур. То же самое касается задач, поставленных перед руководителем, различных управленческих функций, которые могут иметь неодинаковое место в системе его мировосприятия. Человек соотносит себя с множеством социальных условий, форм и структур жизни (прежде всего, конечно, профессиональных), ее явных и скры-

тых принципов и механизмов, определяя свою траекторию движения в них. В этом и состоит основная проблема его личной жизни. При этом весьма важно, что, включаясь в ту или иную организационную систему, занимая в ней ту или иную ключевую позицию, обеспечивающую определенный уровень влияния на саму эту систему, руководитель как субъект собственной внутренней активности не только приспосабливается к этой системе, автоматически принимая ее цели и задачи, адаптируясь к ней, но, будучи субъектом деятельности, активно приспосабливает окружающую (в том числе, и организационную) среду к себе, подчиняет ее решению своих собственных задач. В единстве этих внешних (объективных) и внутренних (субъективных) обстоятельств и осуществляется реальная управленческая деятельность, одно из существенных отличий которой от других видов деятельности заключается в возможности использования для ее выполнения особого ресурса усилий других людей, той самой команды, более того, поиска и подбора исполнителей для решения различного рода организационных задач – в систему отношений деятельности на уровне реализации управленческих функций добавляется еще одна составляющая: «с кем» осуществлять деятельность. Эта составляющая может проявлять себя не только на управленческом уровне, но зато здесь выступает как официальная функция – при подборе исполнителей, и, в первую очередь, при формировании своего ближайшего окружения, руководитель будет ориентирован на решение не только организационных, но и своих собственных задач, которые вплетены в цикл его жизнедеятельности в управленческой структуре и подчас не осознаются и не рефлексированы в полной мере им самим.

В анализе политической психологии имплицитно всегда содержится позиция: «Какую роль в жизнедеятельности данной организации играет и может играть данная личность? Каковы ее перспективы с позиций данной организационной структуры?». Реальное понимание функционирования организационной структуры, как и понимание личности человека в этой структуре, возможно лишь в единстве этих двух измерений. В полной мере это относится и к проблеме формирования руководителем своего ближайшего окружения, которое должно соответствовать решению как задач организационных, так и тех, которые продуцируются самим руководителем, причем, задач как реальных, так и потенциальных. Весьма важен еще один аспект: потенциальная возможность выступать субъектом, «способность быть личностью». А способность быть личностью, выходить за рамки ситуации, быть реальным субъектом деятельности особенно ярко проявляет себя и может быть зафиксирована именно на уровне управленческой и политической деятельности руководителя, поскольку здесь бывают весьма интересные, а подчас и драматические коллизии от «сверхбюрократизма» до «сверхсамостоятельности» как полярно противоположные с позиций организационного развития и организационного функционирования феномены, в зависимости от степени внутреннего принятия руководителем организационных задач и его способности синтезировать собственное дело.

Разговор о команде приводит к мысли о возможности и необходимости выделения, наряду механизмом деятельностного опосредования межличностных отношений и формирования системы межличностных отношений в ходе психологического присвоения извне заданной деятельности, и второго, противоположного – направления синтеза собственного дела, форми-

рования команды единомышленников и построения на этой основе новой организационной структуры. В отечественной психологической теории классический процесс образования группы, коллектива сводится к тому, что общественно значимая деятельность, ее цели и ценности постепенно присваиваются группой, превращая ее в коллективный субъект этой деятельности, распредемяваясь в этом субъекте. Однако в практике, как известно, существует и другой путь образования коллективов и организаций: группа единомышленников, не имея заданной цели, не будучи объединена единой заданной деятельностью, сама синтезирует ее. Типичным примером этого являются сегодня все негосударственные и частные структуры, которые на себе испытали сложность такого пути. Если обратиться к истории возникновения и функционирования таких организаций (взять, к примеру, известную группу по исследованию реактивного движения ГИРД во главе с будущим Генеральным конструктором космических кораблей С.П. Королевым), то можно заметить, что после признания обществом значимости разрабатываемой ими проблематики, создания сначала лаборатории, а затем и института, начатое дело легло в основу формирования целой плеяды коллективов. А группа инициаторов превратилась в группу руководителей подразделений, стоящих во главе дела, раздробившегося на множество значимых деятельностей, спланивающих вокруг себя множество групп, которые в ходе присвоения ими этих деятельностей превращались в высоко развитые сплоченные команды.

Скажем еще: понятие «команда» может употребляться как в широком, так и в узком смысле слова. **В широком смысле – это группа людей, осуществляющая реальное руководство и управление в организационной структуре. В более узком смысле оно**

наполняется конкретным психологическим содержанием. С этих позиций команда – группа единомышленников, реализующая свою собственную задачу, как совпадающую, так и не совпадающую с целями той организационной структуры, в рамках которой она официально функционирует. Одной из особенностей команды является то, что, в отличие от коллектива, который всегда функционирует на уровне явной организационной структуры, она может действовать и в большинстве случаев реально действует на уровне латентной организационной структуры.

В качестве конкретных факторов формирования команд выступают:

1. специфика ориентации руководителя на реализацию своих внутренних и чужих задач, отражающаяся в стратегиях подбора деловых партнеров, способах и стилях управления;

2. характер ориентации руководителя на внешние нормы и внутренние ценности, определяющий как реализуемую им собственную стратегию управления, так и внешне воспринимаемое поведение. Особенности ориентации руководителя в нормативно-ценностном пространстве, а также адекватность отражения им извне заданных норм деятельности, в которых руководитель ощущает себя ее реальным субъектом;

3. индивидуальная психологическая дистанция по отношению к деловым партнерам, которая отражает характеристики смыслового пространства субъекта управления, определяя специфику его возможного поведения в управленческой команде, характер взаимодействия с партнерами и подчиненными, меру включенности в совместную деятельность;

4. субъективная модель управленческой деятельности и устойчивые паттерны поведения политического

руководителя, отражающие его представления о задачах и целях управления, наиболее эффективных способах воздействия на подчиненных, ценностные ориентации, стратегии командного взаимодействия, сформированные под влиянием его жизненного опыта.

Ряд мнений, возможно, достаточно субъективных, свидетельствует, что увеличением возраста руководителей происходит расширение масштабов привлечения разнообразных групп людей под «свою кровную идею», так что можно говорить и о своеобразии механизмов построения внутриорганизационных отношений, процесса формирования команды.

Достаточно заметно и соотношение особенностей жизненного пути и сферы деятельности реальных руководителей: степень психологической близости существенно связана с восприятием руководителем особенностей использования членами команды власти и полномочий, меры принятия на себя ответственности, с характером накладываемых на этот процесс ограничений. Так, чем психологически ближе член команды к руководителю, тем более недоволен руководитель степенью использования им своей власти и полномочий. При этом величина самой психологической дистанции находится в значимой статистической связи с возрастом руководителей, а также целым рядом других параметров — возрастной период от 25 до 35 лет выступает как оптимальный с позиций организации. Именно в этом возрастном периоде выполнение функциональных обязанностей существенно важно. Вместе с тем, очевидно, что психологические механизмы, лежащие в основе подобной ориентации, отнюдь не всегда связаны с полным принятием организационных задач. Чаще это собственное самоутверждение в профессиональной деятельности на стадии ее освоения. Наиболее «чувствительным» к организационным задачам является возрастной период от 44 до 47 лет. А названный выше период же от 25 до 35 лет отличается наименьшим принятием заданных извне задач.

Достаточно велика психологическая дистанцированность от членов у молодых руководителей (в возрасте до 40 лет). В основу этого заложена ориентация на команду вышестоящего руководства.

Другой стороной отношений дистанцированности внутри организации выступают отношения, детерминированные как личностными характеристиками субъекта управления (руководителя), так и его личностной позицией по отношению к организации и реализуемой им деятельности – речь идет о системе оценок поведения партнера во внутрикомандном взаимодействии в зависимости от степени его приближения или отдаления. Одним из показателей, характеризующих индивидуальность руководителя, выступает задаваемый им диапазон субъектности, в рамках которого поведение партнера (сотрудника или заместителя) не вызывает у него дискомфорта. Величина этого диапазона жестко связана с психологической близостью подчиненного к руководителю. В возрасте 44–47 лет часто наблюдается тенденция создавать вокруг себя группы особо близких людей. Они создаются внутри структуры для достижения организационных целей, которые в наибольшей степени пересекаются с собственными целями субъекта формирования команды.

Установим: способ и цель формирования команды оказывают существенное влияние на динамику ее дальнейшего развития и функционирования. Принципиально важными факторами в этом процессе выступают степень согласованности представлений о «своей команде» у руководителя и его ближайших помощников и способность команды как коллективного субъекта управления синтезировать свое дело в рамках заданной деятельности.

В принципе, сегодня достаточно данных, для создания своеобразной типологии команд, в зависимости от специфики восприятия руководителем и рядовыми членами команды, обусловленного типами их ориента-

ции (**бытийный, ориентированный на обладание**) и степенью принятия совместных целей как своих собственных. Каждый из типов команды обладает своими специфическими особенностями и различной степенью конфликтности.

Первый тип команд отличается столкновением между пониманием своей команды как «моя» руководителем и таким же пониманием со стороны рядовых членов команды. В силу того, что руководителю приходится взаимодействовать с другими членами команды, у подчиненного, вследствие его аналогичной ориентации, может возникать ревность по отношению к руководителю. Поведение подчиненного в данной ситуации может принимать различные формы: от пассивного переживания обиды, сопровождающегося чувством обманутости, брошенности, предательства и т. д., до активного противостояния.

Второй тип команд: команда воспринимается в качестве «моей» подчиненным и «нашей» руководителем. Если в первом типе команд такое отношение (ревности по пассивному типу) со стороны подчиненного может руководителем не только ожидаться, но и поощряться, доставляя ему определенное удовольствие (более того, отсутствие такого отношения может даже иногда восприниматься руководителем как негативное), то в данном случае можно ожидать непонимания руководителем поведения подчиненного из-за разного смысла, вкладываемого сторонами в понятие «своя команда».

Третий тип команд отличается пониманием «своей команды» как «нашей» с точки зрения подчиненного и как «моей» с точки зрения руководителя. Здесь можно наблюдать ситуацию, обратную случаю второму: руководитель и подчиненный как бы меняются местами. Контакты, к которым стремится

подчиненный с рядовыми членами этой команды, могут рассматриваться руководителем как борьба за лидерство, попытка подорвать авторитет руководителя.

Четвертый тип команд отличает понимание и руководителем, и подчиненным своей команды как «нашей». Именно эта ситуация наиболее соответствует понятию «коллектив», но этот тип команд изначально предполагает существование у людей, еще до встречи и реального участия в совместной деятельности, определенных коллективистских радикалов, выработанных в предыдущих деятельности в других высокоразвитых группах и перенесенных в другую ситуацию.

Выделенные факторы и закономерности позволяют поставить вопрос о выявлении психологии условий эффективного командного функционирования и путях оптимизации деятельности управленческих команд: действительно, **существуют оптимальные диапазоны проявления выделенных характеристик, их оптимальное сочетание у членов управленческих команд, обеспечивающее стабильность их существования и функционирования.**

Основу построения системы оценки деятельности команды составляет выявление в структуре индивидуально-психологических и личностных характеристик управленцев и специалистов «командного радикала», отражающего индивидуально-стилевые особенности внутрикомандного взаимодействия на основе изучения генезиса формирования выделенного симптомокомплекса личностных и психолого-акмеологических характеристик (ориентация на свои или извне заданные задачи, психологическая дистанция по отношению к партнерам по групповому взаимодействию, включенность в деятельность, способность к синтезу своего дела и др.). Значительная часть характеристик имеет глубокую детерминацию, как уходящую корнями в ранние этапы развития личности, так и выходящую далеко за пределы собственно управленческой деятельности. Так, например, вполне видна достаточно жесткая связь между типичными ролевыми

позициями, которые обычно занимает человек в управленческой команде, характером и формами внутрикомандного взаимодействия и его эффективностью, с паттернами внутрисемейного взаимодействия, сформированными в раннем возрасте, которые в свою очередь детерминированы как количественным составом семьи, так и порядком рождения детей. Значимость подобного рода факторов достаточно хорошо известна: они подробно проанализированы в зарубежной семейной психотерапии, однако в рамках изучения особенностей внутрикомандного управленческого взаимодействия ранее не выступали предметом самостоятельного исследования, хотя ряд авторов отмечал, что среди управленцев и руководителей заметно явное преобладание старших и единственных детей.

Учет этого признака при формировании команд принципиально важен. Наиболее эффективным сочетанием является объединение в одной команде младших и старших детей при первом лице младшем ребенке. Оказывается, младшие по порядку рождения дети обладают более выраженным стремлением к власти, в то время как старшие и единственные стремлением к самопрезентации и др.

В ходе реализации управленческих функций руководитель выступает не в качестве безликого объекта, изменяющегося под действием внешних факторов, он активный субъект жизнедеятельности, в которой сама политическая деятельность является лишь одним из компонентов. Выступая творцом внешней и внутренней ситуации, благоприятствующей достижению как организационных, так и поставленных им самим целей, руководитель, исходя из характера сформулированных им задач, детерминированных комплексом его психологических особенностей, формирует свое ближайшее окружение – команду. **Способ, алгоритм и технология ее формирования, специфика внутриорганизационных отношений, логика развития внутрикомандного взаимодействия также находятся в**

прямой зависимости от психологических характеристик его личности. Степень принятия заданных организационных задач, их соотношение с собственными задачами определяют характер и степень его включенности в деятельность, избираемый им стиль руководства, особенности взаимодействия с командой, специфику использования диапазонов субъектности в организационной структуре, стратегии подбора членов управленческой команды, характер предъявляемых к ним требований и ограничений их поведения. Оценки личностного, творческого и управленческого потенциала выступают реальным средством повышения эффективности использования личностного и управленческого потенциала работников в команде, оптимизации процесса формирования команд различного типа с учетом психологических особенностей субъектов формирования команды, индивидуально-психологических характеристик членов управленческих команд, сферы управленческой деятельности, конкретных особенностей и типа организационной структуры.

4.3. Политические права и свобода личности: психологические аспекты

Политическая свобода является видом (формой) социальной свободы личности, существующей в данном обществе. Политическая свобода личности определяется свободой общества в целом, а также политической свободой той социальной общности, представителем которой она выступает (группы, коллективы, организации) и складывается из ряда (совокупности) фактических социальных возможностей (свобод) в осуществлении народовластия, в управлении государственными и общественными делами.

Политическая свобода (свободы) составляет социальное содержание политических прав и свобод граждан, которые признаны государственной властью и закреплены в правовых нормах – в государстве в форме закона.

Политические права и свободы личности, составляя единство, характеризуют уровень политической свободы данного общества. Содержание, степень реальности политических прав и свобод личности зависят от экономического благополучия, политического режима, политической культуры, духовной жизни общества, других факторов и условий. Всякая свобода, а тем более политическая, имеет объективно существующие границы. Юридическая свобода личности в политической сфере не может быть шире самой социальной (фактической) политической свободы. В то же время, государство может суживать границы юридической свободы личности в политической сфере. Советская власть, как известно, в условиях диктатуры пролетариата открыто ограничивала политические права и свободы граждан, в частности, по Конституции РСФСР 1918 года (и первых конституций других союзных республик), предусматривала лишение избирательных прав ряда групп населения (бывших владельцев фабрик и заводов, духовенство, жандармов и т.д.). По отношению к гражданам государство несет важные обязательства способствовать удовлетворению их политических потребностей и интересов, развитию политической активности. Всякое отступление от этой закономерности государственной политики и практики ведет к деформации, извращению демократического характера права и государства.

В психологии уже произошло размежевание проблемы воли, понимаемой как произвольное управление поведением на основе сознательных решений, и

проблемы собственно свободы, которая была надолго отодвинута на периферию психологии. Время от времени она поднималась в общетеоретическом контексте в виде противопоставления постулатов «жесткого детерминизма», предполагающего, что детерминация психических процессов и поведения носит всеобщий характер и не оставляет места для реальной свободы, и «мягкого детерминизма», имеющего в виду наличие среди детерминированных процессов некоторого пространства свободы. Один из примеров жесткого детерминизма является собой точка зрения П. В. Симонова¹⁷¹, который назвал свободу иллюзией, возникающей благодаря тому, что мы не осознаем полностью всех влияющих на нас детерминант. С точки зрения же внешнего наблюдателя, человек полностью детерминирован в своем выборе¹⁷². Любопытно, что это мнение находится в противоречии с закономерностью, известной в психологии как «фундаментальная ошибка атрибуции»: *люди склонны переоценивать влияние внешних факторов на поведение, находясь в позиции субъекта этого поведения, и недооценивать его, оценивая чужое поведение с позиции внешнего наблюдателя.* Крайними вариантами жесткого детерминизма считаются психоанализ З.Фрейда, рассматривающий человека как целиком обусловленного его прошлым, и необихевиоризм Б. Скиннера, утверждающий возможность и необходимость тотального контроля и управления всем человеческим поведением через специально организованную систему стимулов. Вместе с тем, даже по поводу фрейдизма есть и иные мнения. Так, при внимательном рассмотрении заметно, что психоанализу присуща направленность на утверждение свободы. **Человек обретает ее благодаря тому, что создает смыслы, которыми руководствуется в своем поведении, выходя тем самым из сферы влияния природных закономерностей.** Бихевиори-

стская позиция также не обязательно предполагает жесткий детерминизм – именно в рамках необихевиоризма были сформулированы некоторые версии мягкого детерминизма, связывающие присущую человеку определенную степень свободы с независимостью от текущей ситуации или с целями, спроецированными в будущее. Эти аргументы, как и другие, объясняющие свободу через опору на личные мотивы и ценности, ограничиваются, однако, отдельными элементами свободы выбора в конкретной ситуации и не имеют отношения к свободе как базовой антропологической характеристике человека, тем более что развернувшиеся после Второй мировой войны исследования процессов выбора и принятия решения на разных уровнях развели проблематику выбора и собственно свободы. Выбор есть конкретный акт, который может быть зафиксирован внешним наблюдателем. Он локализован во времени; между двумя актами выбора может пролетать пространство, в котором никакие выборы не осуществляются, хотя в любой момент времени, когда присутствует рефлексия ситуации, возможен и выбор. Нет безальтернативных ситуаций; в то же время необходимым условием построения изначально неочевидных альтернатив является работа по рефлексивному осознанию ситуации. Там, где рефлексия не включена, выбора действительно может не быть. Выбор – сложно организованная деятельность, осуществляемая на разных уровнях сложности и неопределенности ситуации. **Свобода, напротив, феноменологически представляет собой некоторое базовое состояние, относящееся более к возможности, чем к акту ее осуществления, конкретному событию.** Если я испытал свободу, то тем самым уже обрел ее. «Свобода производит... свободу»¹⁷³. Если сущностью свободы выступает контроль над своей активностью во всех точках ее

траектории, то она есть как в точках выбора, так и в промежутках между ними, причем сам выбор осуществляется либо свободно (если он может быть изменен), либо нет (если он жестко определен). «Синоним свободы – это жизнь... Живое ведь отличается от мертвого тем, что живое всегда может быть иным»¹⁷⁴. Свобода и личностный выбор, таким образом, не одно и то же, хотя они тесно взаимосвязаны и подкрепляют друг друга. Свобода кумулятивна – выбор, включающий в себя элементы свободы, расширяет возможность свободы.

Понятия «свобода» и «самодетерминация» очень близки. Понятие свободы описывает феноменологически переживаемый контроль над своим поведением, используется для глобальной антропологической характеристики человека и его поведения. Понятие самодетерминации используется как объяснительное на собственно психологическом уровне рассмотрения механизмов свободы. При этом следует различать самодетерминацию, с одной стороны, и саморегуляцию или самоконтроль – с другой. В последнем случае регуляторами могут выступать интроецированные нормы, конвенции, мнения и ценности авторитетных других, социальные или групповые мифы и т.п. – контролируя свое поведение, субъект не выступает его автором, как при подлинной самодетерминации. И это как раз то, что вполне касается психологии политической: осуществление выбора, проблемы лидерства, участие в команде и пр.

Из двух аспектов свободы – внешнего (отсутствие внешних ограничений, «свобода от») и внутреннего (психологическая позиция, «свобода для») – оставим второе. Можно использовать уточняющие определения: психологическая свобода, внутренняя свобода.

Э. Фромм считает позитивную свободу, «свободу для», главным условием роста и развития человека, свя-

зывая ее со спонтанностью, целостностью, креативностью и биофилией – стремлением к утверждению жизни в противовес смерти. Вместе с тем свобода амбивалентна. Она одновременно и дар, и бремя; человек волен принять ее или отказаться от нее. Человек сам решает вопрос о степени своей свободы, делая собственный выбор: либо действовать свободно, т.е. на основе рациональных соображений, либо отказаться от свободы. Многие предпочитают бежать от свободы, выбрав тем самым путь наименьшего сопротивления. Разумеется, все решается не каким-то одним актом выбора, а определяется постепенно складывающейся целостной структурой характера, в которую отдельные выборы вносят свой вклад. В результате одни люди вырастают свободными, а другие нет¹⁷⁵. В этих идеях Фромма заложена двоякая трактовка понятия свободы. Первое значение свободы – это изначальная свобода выбора, свобода решать, принять свободу во втором значении или отказаться от нее. Свобода во втором значении – это структура характера, выражающаяся в способности действовать на основе разума. Иными словами, чтобы выбрать свободу, человек уже должен обладать исходной свободой и способностью сделать этот выбор разумным образом. Здесь есть некоторый парадокс. Фромм, однако, подчеркивает, что свобода – это не черта или диспозиция, а акт самоосвобождения в процессе принятия решения. Это динамичное, текущее состояние. Объем доступной человеку свободы постоянно меняется. Результат выбора больше всего зависит, конечно, от силы конфликтующих тенденций. Но они различаются не только по силе, но и по степени осознанности. Как правило, позитивные, творческие тенденции хорошо осознаны, а темные, деструктивные – плохо. По мнению Фромма, ясное осознание всех аспектов ситуации выбора помогает сделать выбор

оптимальным. Он выделяет шесть основных аспектов, требующих осознания:

- 1) что хорошо, а что плохо;
- 2) способ действия в данной ситуации, ведущий к поставленной цели;
- 3) собственные неосознанные желания;
- 4) реальные возможности, заключенные в ситуации;
- 5) последствия каждого из возможных решений;
- 6) недостаточность осознания, необходимо также желание действовать вопреки ожидаемым негативным последствиям. Таким образом, свобода выступает как действие, вытекающее из осознания альтернатив и их последствий, различения реальных и иллюзорных альтернатив¹⁷⁶.

Основной тезис учения о свободе воли В. Франкла гласит: человек свободен найти и реализовать смысл своей жизни, даже если его свобода заметно ограничена объективными причинами¹⁷⁷. Франкл признает очевидную детерминированность человеческого поведения, отрицая его пандетерминированность. Человек не свободен от внешних и внутренних обстоятельств, однако они не обуславливают его полностью. Согласно Франклу, свобода сосуществует с необходимостью, причем они локализованы в разных измерениях человеческого бытия. Франкл говорит о свободе человека по отношению к влечениям, наследственности и внешней среде. Наследственность, влечения и внешние условия оказывают существенное влияние на поведение, однако человек свободен занять определенную позицию по отношению к ним. Свобода к влечениям проявляется в возможности сказать им «нет». Даже когда человек действует под влиянием непосредственной потребности, он может позволить ей определять свое поведение, принять его или отвергнуть. Свобода к наследственности выражается в отношении к ней как к

материалу – тому, что дано нам в нас же. Свобода к внешним обстоятельствам тоже существует, хоть она конечна и не беспредельна, она выражается в возможности занять по отношению к ним ту или иную позицию. Тем самым влияние на нас внешних обстоятельств опосредуется позицией человека по отношению к ним¹⁷⁸. Все эти детерминанты локализованы в биологическом и психологическом измерениях человека, а свобода – в высшем, поэтическом или духовном измерении. **Человек свободен благодаря тому, что его поведение определяется, прежде всего, ценностями и смыслами, локализованными в этом измерении. Свобода вытекает из фундаментальных антропологических способностей человека к самодистанцированию (принятию позиции по отношению к самому себе) и самотрансценденции (выходу за пределы себя как данности, преодолению себя).** Поэтому человек свободен даже по отношению к самому себе, свободен подняться над собой, выйти за свои пределы.

Наше сознание, пишет ведущий теоретик экзистенциальной психологии Р. Мэй, находится в состоянии постоянных колебаний между двумя полюсами: активного субъекта и пассивного объекта. Это создает потенциальную возможность выбора. Свобода заключается не в способности быть все время чистым субъектом, а в способности выбирать либо один, либо другой вид существования, переживать себя либо в одном, либо в другом качестве и диалектически двигаться от одного к другому. Пространство свободы – это дистанция между состояниями субъекта и объекта, это некоторая пустота, которую нужно заполнить¹⁷⁹. Мэй отличает свободу от политического бунта, который хоть и представляет собой «нормальное внутреннее движение в направлении к свободе»¹⁸⁰, однако структурирован той

внешней структурой, против которой он осуществляется, и тем самым от нее всецело зависит. **Свобода – это не попустительство, отсутствие плана и цели. Это не жесткая определенная доктрина, ее нельзя сформулировать в виде конкретных установлений, это нечто живое, изменяющееся.**

В наиболее общем виде свобода – это способность человека управлять своим развитием, тесно связанная с самосознанием, гибкостью, открытостью, готовностью к изменениям. Благодаря самосознанию мы можем прервать цепь стимулов и реакций, создать в ней паузу, в которой мы можем осуществить сознательный выбор нашей реакции. Создавая эту паузу, человек каким-то образом бросает свое решение на чашу весов, опосредует им связь между стимулом и реакцией и тем самым решает, какова будет реакция. Чем менее развито самосознание человека, тем более несвободным он является – тем в большей степени его жизнью управляют различные вытесненные содержания, условные связи, образовавшиеся в детстве, которые он не держит в памяти, но которые сохраняются в бессознательном и управляют его поведением. По мере развития самосознания, соответственно увеличивается диапазон выбора человека и его свобода.

По мнению автора социально-когнитивной теории личности и регуляции поведения А. Бандуры, нет более существенного механизма субъективности, чем убеждения в собственной эффективности. *«Воспринимаемая самоэффективность (self-efficacy) – это убеждение в собственных способностях организовать и осуществить действия, требующиеся для того, чтобы произвести данные результаты»*.¹⁸¹ Если люди не убеждены, что своими действиями они могут произвести желаемые эффекты, у них мало решимости действовать. Основой человеческой свободы, согласно Бандуре, является воздействие на

себя, которое возможно благодаря двойственной природе Я – одновременно как субъекта и объекта, – и причинно влияет на поведение так же, как и внешние его причины¹⁸². «Люди оказывают некоторое влияние на то, что они делают, через альтернативы, которые они принимают в расчет, через прогнозирование и оценку представляемых ими исходов, включая их собственные самооценочные реакции, и через оценку ими своих способностей выполнить то, что они намечают»¹⁸³. Одним из основных проявлений субъектной детерминации является способность людей действовать не так, как это диктуют силы внешнего окружения, а в ситуациях принуждения – сопротивляться ему. Именно благодаря способности воздействия на самих себя люди являются в какой-то мере архитекторами собственной судьбы. Общая формула Бандуры сводится к тому, что «...человеческое поведение детерминировано, но детерминировано отчасти самим индивидом, а не только лишь средовыми факторами»¹⁸⁴.

В отечественной психологии за последнее десятилетие также появились оригинальные работы, в которых отдается должное проблематике свободы и самодетерминации личности. В рефлексивно-деятельностном анализе свобода характеризуется через самоопределение человека по отношению к границам своих виртуальных возможностей на основе рефлексии этих границ. Выделяются три аспекта свободы: чувственный (субъективное переживание свободы), рациональный (рефлексия границ возможностей) и действенный (способность реально изменять границы виртуальных возможностей). Свобода здесь связана с возрастными этапами развития, в частности, зависит от формирования интеллекта.

В многоуровневой модели личностной саморегуляции Д. А. Леонтьева¹⁸⁵ свобода рассматривается как

форма активности, характеризующаяся тремя признаками: осознанностью, опосредованностью ценностным «для чего» и управляемостью в любой точке. Соответственно, дефицит свободы может быть связан с непониманием воздействующих на субъекта сил, с отсутствием четких ценностных ориентиров и с нерешительностью, неспособностью вмешиваться в ход собственной жизни. Свобода формируется в онтогенезе в процессе обретения личностью внутреннего права на активность и ценностных ориентиров. Психологически неблагоприятные условия развития личности в онтогенезе, связанные с нестабильным самоотношением и отсутствием права на собственную активность, напротив, приводят к переживанию жизни как всецело обусловленной внешними требованиями, ожиданиями и обстоятельствами. Степень развития индивидуальной свободы проявляется в основаниях личностных выборов¹⁸⁶.

Г. А. Балл¹⁸⁷ определяет свободу в первом приближении через условия, способствующие «...гармоническому разворачиванию и проявлению разносторонних способностей личности»¹⁸⁸.

А вот достаточно простая и легко читаемая таблица отношения известных идейно-политических направлений к решению проблем свободы и равенства:

идеология	политика	экономика
либерализм	равенство	свобода
социал-демократизм (социализм)	равенство	равенство
социал-демократизм (полный коммунизм)	свобода и равенство	свобода и ра- венство
анархизм индивиду- алистический	свобода	свобода
анархизм коммуни- стический	свобода	равенство

Факторами политической свободы можно считать условия и обстоятельства, влияющие на реализацию свободы. В своей правовой части они часто выступают юридическими гарантиями свободы. Не являясь составными элементами свободы, данные факторы, тем не менее, существенно влияют на объем, глубину и устойчивость политической свободы. В конституционном смысле они выступают как гарантии свободы, с помощью которых обеспечивается ее реализация и регулируется ее объем. Одним из важных органических факторов свободы является ее психологическая привлекательность. Опыт коммунизма и фашизма XX в. показал, что безопасность индивида, когда он всецело доверяет свою судьбу государству, не увеличивается, а уменьшается. Опустошительные войны государственных машин, банкротство социалистических государств-собственников стали весомыми аргументами в пользу позитивного психологического восприятия свободы.

Психологическая привлекательность свободы неотразима, прежде всего, потому, что разум не может предвидеть собственный прогресс. Говорить же о прогрессе в условиях несвободы интеллектуально нечестно. Подобно тому, как возможность лжи превращает следование правде в свободно избранное поведение, возможность безнравственного поведения превращает нравственный выбор в сознательный акт¹⁸⁹. В обоих этих случаях, однако, важна свобода, без которой невозможна индивидуальность. С другой стороны, в индивидуальном качестве у Ю. Лотмана¹⁹⁰ может выступать и группа, если она обладает реальной свободой выбора каких-либо поведенческих вариантов¹⁹¹. **Особенно заметна привлекательность свободы в ответственные политические моменты.** Именно поэтому исторические мгновения, когда свободное действие играет решающую роль, мы называем эпохальными, а его

субъектов всемирно-историческими индивидами. Всюду требуется человеческая свобода!

А теперь несколько важных, на наш взгляд, положений:

- **фактором свободы является ее спонтанность, непредсказуемость.** Свободу нельзя запрограммировать, определив ее будущую меру в каком-либо фиксированном виде. И хотя в реальной жизни мы сталкиваемся с балансом свободы и ее ограничений, этот баланс всегда остается подвижным;

- **установить полезную конституционную меру свободы невозможно;**

- **никто не бывает полностью свободен, равно как и полностью порабощен;**

- **принцип равной свободы представляет собой образцовый стандарт конституционных соглашений.** Он включает в себя фундаментальные свободы личности, свободу мысли и совести в состоянии обеспеченной защиты;

- **психологически человек ближе к свободе, чем к порядку;**

- **индивид стремится защищать свободу даже вопреки воле большинства.** Именно поэтому политическая борьба так часто актуализируется между индивидуальными культурными запросами и коллективными требованиями масс;

- **люди отличаются от животных еще и тем, что способны соблюдать двусмысленные запреты.** Соблюдая принятые запреты, они одновременно испытывают потребность их нарушать;

- **сознательное нарушение запретов требует от человека мужества и решительности,** и если они у него есть, можно считать, что человек состоялся;

- **возможность злоупотребления свободой является ее важным человеческим фактором.** Вера че-

ловека в свободу предполагает известное право на ошибку. Если, например, человек предпочитает жить лишь удовольствиями, никто не вправе ему помешать – всегда существует возможность, что этот человек прав, а мы ошибаемся;

- **хотя бескомпромиссная защита свободы обычно как-то подталкивает общество к хаосу рынка и непредсказуемым последствиям демократии, не следует забывать, что в лучших конституционных образцах мира защита свободы не останавливается не только перед возможностью актов гражданского неповиновения, но и перед демократическим восстанием;**

- **вопрос о допустимых ограничениях свободы сложен.** В стратегическом смысле, единственно приемлемым юридическим ответом на такую проблему может быть лишь закрепление конкуренции правовых норм, специально созданных как для поддержания приоритета свободы, так и для обеспечения минимально необходимых социальных уровней стабильности и порядка.

Ж.-Ж. Руссо главным фактором свободы считал равенство всех людей перед законом. Как он писал, если в любом политическом устройстве обнаружится хотя бы один индивид, не подчиненный закону, то все остальные, рано или поздно, неизбежно окажутся в его власти¹⁹².

В свою очередь, В.фон Гумбольдт¹⁹³ высшую степень свободы связывал с высшей степенью образованности и одаренности индивидов, требованием «...уменьшения потребности действовать в составе однородных, связанных масс»¹⁹⁴.

Поскольку свободу нельзя завоевать раз и навсегда, люди обязаны постоянно бороться за свободу.

Главным в современный период является обеспечение реализации как политических прав и свобод человека на уровне международных признанных стандартов, так и психологической свободы личности. Отсюда и необходимо:

- привести действующее законодательство в соответствие с нормами международно-правовых документов о политической свободе и политических правах граждан;

- обеспечить материально-фактическую возможность реализации всех юридически провозглашенных политических прав и свобод граждан;

- создать действенные юридические механизмы и процедуры наиболее полного осуществления политических прав и свобод граждан надежной и эффективной защиты в случаях их нарушения.

Поскольку механизм осуществления личной психологической свободы достаточно сложен, но вполне коррелируется с вышеназванными факторами политической свободы, то, в контексте намеченных путей обеспечения реализации политических прав и свобод особого внимания заслуживает проблема *политических свобод* граждан.

Чем же свободное поведение в рамках политической свободы отличается от такого же свободного поведения в рамках политического права? Есть ли особенности в порядке осуществления политических свобод? Какова роль государственных органов в обеспечении реализации политических свобод граждан? Эти, как и другие, вопросы долгое время оставались нераскрытыми. При авторитарно-бюрократическом режиме в этом и не было особой необходимости. А речь идет о таких свободах, как свобода политических, религиозных и иных убеждений, свобода совести, свобода слова и печати, митингов и собраний,

уличных шествий и демонстраций, свобода объединений. Исходной в данном перечне свобод является такое психологическое понятие как **свобода убеждений**, которая выражается и обеспечивается всеми другими юридически гарантированными политическими свободами (свободы совести, религий, слова, печати, митингов, демонстраций, объединений и др.) и принципами функционирования, демократии (народовластие, гласность, выражение и учет общественного мнения и др.). **Свободу убеждений нельзя свести лишь к плюрализму мнений. Она означает и свободу действий, и плюрализм организаций. Не может быть каких-либо ограничений идеологического порядка в высказываниях, мнениях и суждениях через печать и другие средства массовой информации, в том числе, по вопросам оценки существующего общественно-политического строя, в проведении в этих целях митингов, собраний, шествий, демонстраций, в сборе подписей, в пикетировании и т.д. Такая свобода убеждений невозможна в условиях полного огосударствления общества. В целях осуществления реальной свободы убеждений необходимы разгосударствление общественно-политической жизни, развитие разнообразных видов печати и других средств массовой информации, школы, вузов, других учебных заведений, культурных учреждений, а также серьезная деидеологизация в государственных учреждениях образования, науки и культуры.**

Все виды прав и свобод составляют единый комплекс. Они неразрывно и глубоко связаны между собой в их реализации. Вместе с политическими обязанностями они составляют политико-правовой и

одновременно особый психологический статус – под-систему общего конституционного статуса гражданина.

Что же должно измениться?

- вероятно, должна произойти коренная ломка образования. Обучающийся должен овладеть всем содержанием современной политологии, юриспруденции, психологии;

- трудно говорить о свободе убеждений в условиях так называемого полного отделения церкви от государства и школы, что практически и было в нашей стране. Любая церковь должна иметь возможность разъяснять и распространять свое вероучение всеми доступными для современной цивилизации средствами, учить желающих (и не только в индивидуальном, частном порядке) и т.д. При таких условиях, естественно, возникает конкуренция мировоззрений, идей, убеждений. Смысл свободы убеждений в том и состоит, что человек сам, по своей воле, свободно формирует свое мировоззрение, взгляды, избирает свою линию поведения в соответствии со своим личным внутренним убеждением. И такая свобода выбора принудительно не навязывается, прямо или косвенно не наказывается (когда, например, назначение на должность связывается с политическими и иными убеждениями);

- конституционные свободы должны иметь адекватную их природе и содержанию процессуальную форму (порядок) реализации. В данном случае речь идет о свободах (в отличие от прав граждан), которые не приемлют какого-либо предварительного разрешения со стороны должностных лиц государства. В этом и состоит главная психологическая особенность свободы гражданина как его права на свободу, на поведение по своему свободному усмотрению, а не по усмотрению (команды) должностного лица.

Заключение

Современные задачи, решаемые российским обществом, обуславливают актуальность овладения всеми знаниями о природе, механизмах и функциях политики, условиях и возможностях активно влиять на ее характер. Формированию такой компетентности в области политики на этапе обучения в вузе призвана способствовать политическая психология. Политическая психология на конкретно-практическом уровне тесно взаимодействует с рядом близких психологических дисциплин – прежде всего, с психологией пропаганды и с психологией организации и управления. С первой ее объединяют проблемы социальных установок, общественного мнения, массового поведения и т. п. Со второй – теоретические и практические аспекты проблематики конфликтов и лидерства, особенностей психологии малых и больших социальных групп.

Выступая против абсолютизации роли психологических явлений в политике, следует все же понимать, что без их учета верно понять смысл, увидеть и объяснить логику происходящего в обществе. Политические события, особенно события последних лет, свидетельствуют, что приоритет в познании их сущности, механизмов, условий управления ими все больше отводится политической психологии.

В современных цивилизованных странах, в том числе и в России, политическая психология прочно вошла в арсенал практической политики. Политическая психология является перспективной областью исследования в мировой политической науке. Да и в отечественной литературе, несмотря на идеологические табу, первые разработки появились еще в годы хрущевской «оттепели» (вторая половина 50-х гг.), хотя ее официальное признание как составной части политической науки состоялось лишь в годы перестройки (с

1985 года). Без специальной помощи и консультирования экспертов в этой сфере не обходится принятие практически ни одного важного политического решения. Услугами политической психологии пользуются президенты и сенаторы, электорат и кандидаты на выборах, средства массовой информации. Часто и общественное мнение формируется под решающим влиянием носителей политической психологии. Работа политических психологов является не только востребованной, но и наиболее высокооплачиваемой не только в России, но и за рубежом.

Предложенные нами теоретико-методологические и прикладные основы современной политической психологии системно раскрывают содержание многих важнейших вопросов. Их изучение позволяет вооружить личность знаниями закономерностей и принципов продуктивного формирования и развития политической культуры с использованием возможностей психологии; раскрыть основные психологические стороны политических феноменов; ознакомиться и овладеть продуктивными моделями, алгоритмами и технологиями достижения практических целей и задач.

Мы полагаем, что наша монография будет использована творчески, применительно к решению многоплановых задач современного общества и гуманитарной науки. Творческий поиск, активное овладение современной психологической теорией и практикой в сфере политики явятся той основой, которая в дальнейшем обеспечит возможность качественно и эффективно выполнять социально значимые функции в обществе.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К. А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности. – М.: Наука, 1981.
2. Авторханов А. Технология власти. – М., 1992.
3. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы.– М., 1990.
4. Адорно Т. Типы и синдромы. – М., 1993.
5. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: Учебник для вузов.– М.: ЮНИТИ, 1999.
6. Аристотель. Политика // Сочинения: В 4 т. / Пер. с греч. – М.: Мысль, 1975. – 1983. Т. 4.
7. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М., 1993.
8. Ашин Г. К. Элитология.– М., 1999.
9. Барулин В.С. Социально-философская антропология. – М.: Онега, 1994.
10. Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. – М., 1982.
11. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Мыслители русского зарубежья. – СПб., 1992.
12. Берн Э. Игры, в которые играют люди. – М.: Совершенство, 1999.
13. Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. – Пг., 1921.
14. Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. – СПб., 1908.
15. Блондель Ж. Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу. – М., 1992.
16. Бодалев А. А., Руткевич Л. А. Как становятся великими или выдающимися. – М.: КВАНТ, 1997.
17. Бутенко А. П., Миронов А. В. Сравнительная политология.–М., 1998.
18. Вебер М. Избранные произведения. –М., 1990.
19. Вятр Е. Социология политических отношений. –М., 1979.

20. Герасимов В. М., Деркач А. А., Косопкин А. С., Нефедова Т. И. Психология парламентаризма. – М.: Статус-Кво, 1999.
21. Геген Н. Психология манипуляции и подчинения / Н. Геген. – СПб.: Питер, 2005.
22. Гозман А. Я., Шестопап Е. Б. Политическая психология. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1996.
23. Грачев Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью: организация, способы и технология. – М.: ИФ РАН, 1999.
24. Грасиан Б. Карманный оракул. – М., 1984.
25. Гринберг Т. Э. Политические технологии: ПР и реклама : учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2005.
26. Гуревич П. С. Политическая психология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / П. С. Гуревич. – Москва: ЮНИТИ, 2008.
27. Даль Р. Введение в теорию демократии.– М., 1992.
28. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М., 1991.
29. Деркач А. А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека (Методолого-прикладные основы акмеологических исследований). – М.:РАГС,2000.
30. Деркач А. А., Калинин И. В., Сиягин Ю. В. Стратегия подбора и формирования управленческой команды. – М.: РАГС, 1999.
31. Дерябо С., Левин В. Гроссмейстер общения: Иллюстрированный самоучитель психологического мастерства.– М., 1996.
32. Дилigentский Г. Г. Социально-политическая психология. – М.: Новая школа, 1996.
33. Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: В 9 т. – М.– Л., 1961–1964.
34. Достоевский Ф. М. Дневник писателя: избранные страницы. – М., 1989.
35. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Метод социологии – М.:АН СССР Ин-т социол., 1991.

36. Егорова-Гантман Е. В. и др. Политиками не рождаются: Как стать и остаться эффективным политическим лидером. – М., 1993.
37. Зазыкин В. Г., Хрустачев А. Л. Политический конфликт: Психологический взгляд на проблему. – М., 1999.
38. Зайцевский П. Г. Избирательные технологии. – М., 1999.
39. Идеал, утопия и критическая рефлексия / Отв. ред. В. А. Лекторский. – М.: РОССПЭН, 1996.
40. Ильин И. А. Творческая идея нашего будущего: Об основах духовного характера. – Новосибирск, 1991.
41. Иосефович Н. В. Политика власти // Ты – босс! – М.: Вече, Персей, АСТ, 1995.
42. Кайтуков В. А. Эволюция диктата. Опыт психофизиологического исследования. – М.: УРАМОС, 1992.
43. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000.
44. Ключевский В. О. Собрание сочинений: В 9 т. – М., 1987.
45. Козлов В. В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности. – М.: Психотерапия, 2007.
46. Косоолопов Н. А. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем – М.: Аспект-Пресс, 1994.
47. Крамник В. В. Социально-психологический механизм политической власти. – Л., 1991.
48. Крылов И. В. Теория и практика рекламы в России. – М., 1996.
49. Крысько В. Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, опыт). – Минск, 1999.
50. Лаптев Л. Г. Политический менеджмент: сущность, содержание, современные технологии. – М.: НИИБ, 2000.
51. Лебедева М. М. Вам предстоит переговоры. – М., 1993.

52. Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб.: Макет, 1995.
53. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975.
54. Леонтьев К. С. Восток. Россия и славянство. – М., 1885.
55. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии.– М.: Наука, 1984.
56. Лосский Н. О. Характер русского народа: В 2 кн. – М., 1990.
57. Макнавелли Н. Государь.– М., 1990.
58. Максимов А. «Чистые» и «грязные» технологии выборов (российский опыт).– М., 1999.
59. Малишевский Н. Н. Технология и организация выборов.– Мн.: Харвест, 2003.
60. Мандель Б. Р. Политическая психология. – **М.: Флинта, 2013.** – http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5814754
61. Михайловский Н. К. Герои и толпа.– СПб., 1882.
62. Московичи С. Машина, творящая богов. – М.: Совершенство, 1998.
63. Мошков С. В. Политическая реклама. – Екатеринбург, 1994.
64. Морозова Е. Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии.– М.,1999.
65. Музыкант В. А. Теория и практика современной рекламы. – М, 1998.
66. Общая и прикладная политология / Под общ.ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова.–М., 1997.
67. Ольшанский Д. В. Массовые настроения в политике. – М., 1995.
68. Ольшанский Д. В. Основы политической психологии: учебное пособие для вузов – Екатеринбург : Деловая кн., 2001.
69. Основы общей и прикладной акмеологии. – М.: РАГС, 2000.

70. Панасюк А. Ю. Как победить в споре, или искусство убеждать. – М.: Олимп, 1998.
71. Панасюк А. Ю. Вам нужен имиджмейкер? Или о том, как создавать свой имидж. – М., 1998.
72. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории.– М., 1971.
73. Пиаже Ж. Избранные труды.– М., 1998.
74. Пирогов А. И. Политическая психология: учебное пособие для вузов / А. И. Пирогов; Московский открытый социальный университет. – М. : Академ.Проект, 2005.
75. Платон. Государство //Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 1.– М.: Мысль, 1997.
76. Платонов К. К. Система психологии и теория отражения. – М.: Мысль, 1988.
77. Почепцов Г. Г. Информационно-политические технологии. – М.: Центр, 2003.
78. Почепцов Г. Г. Психологические войны. – М.: Рефлбук–Киев: Ваклер, 2000.
79. Почепцов Г. Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. – М.–Киев, 1999.
80. Почепцов Г. Г. Как становятся президентами. Избирательные технологии двадцатого столетия. – Киев, 1999.
81. Пугачев В. П., Соловьев А.М. Введение в политологию. – М., 1995.
82. Путин В. В. От первого лица. – М., 2000.
83. Райгородский Д. Я. Психология и психоанализ власти: Хрестоматия: В 2-х т.– Самара: Бахрах, 1999.
84. Саенко Г. В. Оппозиционарность в современном обществе.– М., 1999.
85. Сигеле С. Преступная толпа. – СПб., 1896.
86. Ситников А. П., Огарь И. В., Бахвалова Н. С. Политический консалтинг. Издательский дом ГУ ВШЭ. М. – 2004.
87. Словарь политического анализа. – М., 1993.
88. Сморгунов Л. В. Современная сравнительная политология. – М.: РОССПЭН, 2002.

89. Соловьев А. И. Психология власти: противоречия переходных процессов // Власть многоликая.– М., 1992.
90. Солоневич И. Л. Народная монархия. – М., 1991.
91. Сорокин П. А. Каналы вертикальной циркуляции // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество.– М., 1992.
92. Стефаненко Т. Этнопсихология. – М.: Академический Проект, 1999.
93. Теплов Е. П. Политическая власть.– СПб., 1993.
94. Уледов А. К. Структура общественного сознания.– М.: Мысль, 1968.
95. Федоров Н. Ф. Сочинения. – М., 1982.
96. Федосеев А. А. Власть как философско-политологическая категория // Психология власти: Мат. Международной конференции «Психология власти» / Под ред. А. И. Юрьева. – СПб.: СПбГУ, 2005.
97. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины.– М., 1990.
98. Франк С. Л. Духовные основы общества. – М., 1992.
99. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «я».– Минск, 1994.
100. Фромм Э. Иметь или быть? – М., 1989.
101. Цветков А. В. Управление социально-политическими процессами: Технология избирательных кампаний, лоббирования, общественной деятельности. – М., 1996.
102. Цуладзе А. Формирование имиджа политика в России. – М., 1999.
103. Чернявских А. Г. Психология господства и подчинения.– Харвест, 1998.
104. Шалагинова Л. В. Психология лидерства: [учебное пособие] / Л. В. Шалагинова. – Санкт-Петербург : Речь, 2007.
105. Шварценберг Р.-М. Политическая социология.– М., 1992.
106. Шепель В. М. Имиджелогия. – М., 1996.

- 107.Шестопап Е. Б. Личности политика: критический очерк западных концепций политической социализации. – М.: Мысль, 1988.
- 108.Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор.– Минск, 1992.
- 109.Шпет Г. Г. Сочинения. – М., 1989.
- 110.Шпрангер Э. Основные идеальные типы индивидуальности // Психология личности. – М.: Изд-во МГУ, 1982.
- 111.Юнг К. Г. Сознание и бессознательное. – СПб.: Университетская книга, 1997.
- 112.Юрьев А. И. Введение в политическую психологию.– Л., 1992.
- 113.Яницкий О. Н. Социальные движения: 100 интервью с лидерами. – М.: 1991.

Приложение

Примерная тематика круглых столов, брифингов, дискуссий

1. Политическая власть и ее персонификация.
2. Иррациональное в политике.
3. Политическое поведение и политическая культура как объект психологии.
4. Анализ и коррекция политического поведения.
5. Специфика восприятия политической власти.
6. Психологические аспекты институционализации власти. Легитимность политической власти.
7. Психологические проблемы распределения власти и властной компетенции.
8. Политическое инакомыслие.
9. Идеалы и политическое доверие.
10. Кризисы политической идентичности.
11. Психология протестного политического поведения.
12. Политическая самоактуализация.
13. Сущность и генезис политического лидерства.
14. Поведение лидера: социально-психологическая мотивация.
15. Психология вождизма.
16. Психологические особенности политической социализации личности.
17. Политико-ролевая идентификация в исполнении политических ролей.
18. Гендерная асимметрия власти: психологический аспект.
19. Типология политических конфликтов. Развитие конфликтов: психологический контекст.
20. Психологические техники разрешения политических конфликтов.
21. Переживание политического насилия: субъективные интерпретации.

22. Социально-психологические границы политической свободы.
23. Патернализм как социально-психологический феномен.
24. Личность в условиях политической свободы.
25. Психологическая адаптация к политическим изменениям в современном российском обществе.
26. Психологические аспекты политических кризисов.
27. Психология террора.
28. Место манипуляции в политическом процессе.
29. Технологии политической манипуляции.
30. Манипуляция сознанием в тоталитарном обществе.
31. Манипуляция сознанием в современном демократическом обществе.
32. Психология политического влияния.
33. Феномен политической игры: психологические аспекты.
34. Психосемантика политической коммуникации.
35. Презентация образов ведущих политиков России: психолингвистический аспект.
36. Сексуальность как фактор политического имиджа.
37. Политические символы: психологический анализ.

Примечания и комментарии

- ¹ **Платон** - (428 или 427 до н.э.— 348 или 347 до н.э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля.
- ² **Платон.** Собрание сочинений в 4-х томах. — М.: Мысль, 1990-1994.
- ³ **Аристотель** (384 до н. э. — 322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый.
- ⁴ **Аристотель.** Сочинения. В 4 т. - М.: Мысль, 1975-1983.
- ⁵ **Плутарх** (ок. 45 — ок. 127) — древнегреческий философ, биограф, моралист.
- ⁶ **Плутарх.** Сравнительные жизнеописания. — М.: Армада — Альфа-книга, 2010.
- ⁷ **Цицерон Марк Туллий Цицерон** (106 до н. э. 43 до н. э.) — древнеримский политик и философ, блестящий оратор.
- ⁸ **Марк Туллий Цицерон.** Избранные сочинения. — М.: Художественная литература, 1975.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ **Никколо Макиавелли** (1469-1527) — итальянский мыслитель, философ, писатель, политический деятель.
- ¹¹ **Макиавелли Н.** Государь. — М.: Планета, 1990.
- ¹² Там же.
- ¹³ **Макиавелли Н.** Государь. — М.: Планета, 1990.
- ¹⁴ **Томас Гоббс** (1588-1679) — английский философ-материалист, автор теории общественного договора.
- ¹⁵ **Гоббс Т.** Избранные произведения. — М., 1964.
- ¹⁶ **Джон Локк** (1632-1704) — британский педагог и философ,
- ¹⁷ **Локк Дж.** Сочинения: В 3-х т. Т. 2 / Под ред. И. С. Нарского. — М.: Мысль, 1985
- ¹⁸ Там же
- ¹⁹ **Франсиско Паулино Эрменехильдо Теодуло Франко Баамонде** (1892-1975) — правитель и диктатор Испании с 1939 до смерти в 1975, одновременно до 8 июня 1973 председатель совета министров, генералиссимус.
- ²⁰ **Жан-Жак Руссо** (1712- 1778) — французский писатель, мыслитель, композитор. Разработал прямую форму правления народа государством — прямую демократию, которая используется и по сей день в Швейцарии.
- ²¹ **Руссо Ж.Ж.** Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. - М.: "Канон-пресс", "Кучково поле", 1998.
- ²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ **Шарль Луи Монтескье** (1689–1755) – французский философ, писатель, историк.

²⁵ **Монтескье Ш. Л.** Избранные произведения. - М., 1955.

²⁶ **Великая французская революция** – крупнейшая трансформация социальной и политической систем Франции, произошедшая в конце XVIII века, Франция из монархии стала республикой. Началом революции стало взятие Бастилии 14 июля 1789 года, а окончанием разные историки считают 27 июля 1794 (Гермидорианский переворот) или 9 ноября 1799 года (Переворот 18 брюмера).

²⁷ **Жан Габриель Тард** (1843- 1904) – французский социолог и криминолог.

²⁸ Мнение и толпа // Психология толп. – М.: Институт психологии РАН; Издательство КСП+, 1999.

²⁹ Там же.

³⁰ **Редукционистская от Редукционизм** – методологический принцип, согласно которому сложные явления могут быть полностью объяснены с помощью законов, свойственных явлениям более простым (например, социологические явления объясняются биологическими или экономическими законами).

³¹ **Сигеле Шипио** (1868-1913) - итальянский социолог, криминолог, психолог,

³² Цит. по книге: **Грушин Б.А.** Массовое сознание. Опыт определения и проблемы исследования. - М., 1987.

³³ **Гюстав Лебон** (1841–1931) – знаменитый французский психолог, социолог, антрополог и историк, основатель социальной психологии.

³⁴ **Гюстав Лебон.** Психология народов и масс. – М.: Академический проект, 2011.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ **Мстиславский Сергей Дмитриевич** (*Масловский*) (1876–1943) – русский революционер, советский писатель.

⁴⁰ **Мстиславский С.Д.** На крутом переломе. – М.: Молодая гвардия, 1984.

⁴¹ **Троцкий Лев Давидович** (имя при рождении **Лейба Давидович Бронштейн**) (1879 – 1940) – деятель международного

рабочего и коммунистического движения, теоретик марксизма, идеолог одного из его течений – троцкизма.

⁴² **Троцкий Л. Д.** Дневники и письма. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1994.

⁴³ **Гюстав Лебон.** Психология народов и масс. – М.: Академический проект, 2011.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ **Фрейд Зигмунд** (полное имя **Сигизмунд Шломо Фрейд**) (1856-1939) – австрийский психолог, психиатр и невролог, основатель психоаналитической школы – терапевтического направления в психологии, постулирующего теорию, согласно которой невротические расстройства человека вызваны многокомплексным взаимоотношением бессознательных и сознательных процессов.

⁴⁶ **З. Фрейд.** Психология масс и анализ человеческого "Я". - М.: издательство «Современные проблемы», 1926.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² **Альфред Адлер** (1870-1937) - австрийский психолог, психиатр и мыслитель, один из предшественников неофрейдизма, создатель системы индивидуальной психологии.

⁵³ **Гарольд Дуайт Лассвелл** (1902–1978) – американский политолог, представитель бихевиористского подхода в политической науке и один из основателей чикагской школы социологии.

⁵⁴ **Депривация** (лат. *deprivatio* – потеря, лишение) – психическое состояние, при котором люди испытывают недостаточное удовлетворение своих потребностей.

⁵⁵ **Лассвелл Г. Д.** Психопатология и политика. – М.: РАГС, 2005.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ **Мерриам Чарльз Эдвард** (1874-1953) - американский ученый, один из создателей современной политической науки. В своих работах развил бихевиористский подход к изучению политических явлений.

⁶⁰ **Сциентизм** (от лат. *scientia* наука, знания) – система убеждений, утверждающая основополагающую роль науки как источника знаний и суждений о мире.

⁶¹ **Контент-анализ** (от англ.: contents - *содержание, содержимое*) или **анализ содержания** – стандартная методика исследования в области общественных наук, предметом анализа которой является содержание текстовых массивов и продуктов коммуникативной корреспонденции. Контент-анализ применяется при изучении источников, инвариантных по структуре или существу содержания, но внешне бытующих, как не систематизированный, беспорядочно организованный текстовый материал.

⁶² **Михайловский Николай Константинович** (1842-1904) – русский публицист, социолог, литературный критик; теоретик народничества.

⁶³ **Михайловский Н.К.** Сочинения (в 6 томах) / Сочинения Н.К. Михайловскаго. – СПб.: Книгоиздательство "Русское богатство". Типография Н.Н. Клобукова, 1906.

⁶⁴ **Бехтерев В.М.** Избранные произведения. – М., 1954.

⁶⁵ **Ковалевский Павел Иванович** (1850-1931) – известный психиатр, публицист и общественный деятель.

⁶⁶ **Ковалевский П.И.** Психиатрические эскизы из истории. В двух томах. - М.: Терра. 1995.

⁶⁷ **Чулков Георгий Иванович** (1879-1939) – организатор литературной жизни времен «серебряного века», известный как создатель теории мистического анархизма. Также выступал как поэт, прозаик и литературный критик.

⁶⁸ **Чулков Г. И.** Императоры: Психологические портреты. - М.: Московский рабочий, 1991.

⁶⁹ **Ключевский Василий Осипович** (1841-1911) – видный русский историк,

⁷⁰ **Ключевский В.О.** Собрание сочинений в 9 томах. – М.: Мысль, 1987-1990.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ **Плеханов Георгий Валентинович** (1856-1918) – теоретик и пропагандист марксизма, философ, видный деятель российского и международного социалистического движения.

⁷⁷ **Милюков Павел Николаевич** (1859-1943) – русский политический деятель, историк и публицист. Лидер Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы, кадеты).

⁷⁸ **Сорокин Питирим Александрович** (1889-1968) – российско-американский социолог и культуролог. Один из основоположников теорий социальной стратификации и социальной мобильности.

⁷⁹ **Каменев Лев Борисович** (настоящая фамилия **Розенфельд**, 1883–1936) – советский партийный и государственный деятель, большевик, революционер. В 1936 году осужден по делу «Троцкистско-зиновьевского центра» и расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1988 году.

⁸⁰ **Радек Карл Бернгардович** (псевдоним **Radek**, в честь популярного персонажа австрийской юмористической печати, настоящее имя **Кароль Собельзон**, 1885–1939) – советский политический деятель, деятель международного социал-демократического и коммунистического движения.

⁸¹ **Блонский Павел Петрович** (1884 - 1941) – русский и советский философ, педагог и психолог.

⁸² **Лурья Александр Романович** (1902-1977) – известный русский психолог, основатель отечественной нейропсихологии,

⁸³ **ISPP** - International Society of Political Psychology – Международное Общество политических психологов. Создано в 1979 году. Издаёт журнал «Political Psychology».

⁸⁴ **Юрьев А.И.** Человек в политике // Психология / Под ред. Крылова А.А. - СПб., 1998.

⁸⁵ **Левитов Николай Дмитриевич** (1890–1972) – отечественный психолог. Занимался разработкой и внедрением диагностических тестов для профориентации и профконсультации. Дал всестороннее освещение сущности, динамики и генезиса психических состояний.

⁸⁶ **Левитов Н.Д.** О психических состояниях человека. – М., 1964.

⁸⁷ **Ганзен Владимир Александрович** (1927-1997)- советский и российский психолог, внес существенный вклад в развитие системной психологии.

⁸⁸ **Ганзен В.А.** Восприятие целостных объектов. Системные описания в психологии. - СПб., 2007.

⁸⁹ **Конформность** (от лат. conformis – подобный, соответствующий) – податливость человека реальному или воображаемому давлению группы, проявляющаяся в изменении его поведения и установок в соответствии с первоначально не разделявшей им позицией большинства.

⁹⁰ **Соловьев В. С.** Национальный вопрос в России. – М.: АСТ, 2007.

⁹¹**Легитимация, легитимизация** («узаконивание», «законность» от лат. *legitimus* – законный) – достижение легитимности, обоснование права политической власти на принятие политических решений и осуществление политических поступков и действий, в том числе опирающихся на насилие (аппарат принуждения). Легитимацией называется юридическое обоснование этих действий существующими в государстве законами, а также достижение признания общественным сознанием уместности таких действий в смысле их соответствия духу существующей правовой системы.

⁹²**Аристотель**. Сочинения. В 4 т. (Серия «Философское наследие»). - М.: Мысль, 1975-1983.

⁹³**Гегель Г. В. Ф.** Философия права. – М.: Мир книги, 2007.

⁹⁴**Максима** – (от лат. *maxima regula (sententia)* - высший принцип), вид афоризма, моралистическая по содержанию разновидность сентенции; обычно выражается в констатирующей или наставительной форме.

⁹⁵**Максимилиан Карл Эмиль Вебер** (Макс Вебер, 1864–1920) – немецкий социолог, историк и экономист.

⁹⁶**Эдуард Шпрингер** (1882-1963) - немецкий философ, психолог, педагог. Развивал идеи структурной психологии, делал ударение на целостную психическую жизнь как уникальную структуру, которая не сводится к элементарным процессам.

⁹⁷**Рубинштейн Сергей Леонидович** (1889–1960) – российский психолог и философ, член-корреспондент Академии наук СССР, один из создателей деятельностного подхода в психологии.

⁹⁸**Леонтьев Алексей Николаевич** (1903 – 1979) – советский психолог, занимавшийся проблемами общей психологии и методологией психологического исследования.

⁹⁹**Аристотель**. Политика // Сочинения в 4-х томах. - М., Мысль, 1983.

¹⁰⁰**Белл Д.** Конец идеологии // Новое время. – 1990. – № 27.

¹⁰¹**Элиас Канетти** (1905–1994) австрийский, болгарский, британский писатель, драматург, культуролог, социальный мыслитель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1981).

¹⁰²**Канетти Э.** Масса и власть. – М.: Ad Marginem, 1997,

¹⁰³**Фрейд З.** Психология масс и анализ человеческого «Я». – М.: Азбука, 2011.

¹⁰⁴**В.Райх.** Психология масс и фашизм. – М.: АСТ, Мидгард, 2000.

¹⁰⁵**Серж Московичи** (*Срул-Эрш Москович*, род. 1925) – французский психолог, автор работ в области социальной психологии;

¹⁰⁶ **Московичи С.** Век толп. - М., 1996.

¹⁰⁷ **Карл Теодор Ясперс** (1883 - 1969) – немецкий философ, психолог и психиатр, один из главных представителей экзистенциализма.

¹⁰⁸ **Ясперс К.** Духовная ситуация времени. - М., 1991.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Мнение и толпа // Психология толп. – М.: Институт психологии РАН; Издательство КСП+, 1999.

¹¹² **Этатизм - (государственничество)** (от фр. *État* – государство) – мировоззрение и идеология, абсолютизирующие роль государства в обществе и пропагандирующая максимальное подчинение интересов личностей и групп интересам государства, которое предполагается стоящим над обществом; политика активного вмешательства государства во все сферы общественной и частной жизни.

¹¹³ **Геродот Галикарнасский** (484 до н. э. – 425 до н. э.) – древнегреческий историк, автор первого полномасштабного исторического трактата – «Истории», – описывающего греко-персидские войны и обычаи многих современных ему народов. Цицерон назвал его «отцом истории».

¹¹⁴ **Публий** или **Гай Корнелий Тацит** (ок. 56 – ок. 117 н. э.) – древнеримский историк. Опубликовал трактат «О происхождении германцев и местоположении Германий». Затем в период с 98 по 116 г. создает два своих главных произведения – «Историю» и «Анналы».

¹¹⁵ **Полибий** (201 до н. э. - 120 до н. э.) – греческий историк, государственный деятель и военачальник, автор «Всеобщей истории» («Истории») в 40 томах, охватывающих события в Риме, Греции, Македонии, Малой Азии и в других регионах с 220 до н. э. по 146 до н. э.

¹¹⁶ **Гай Светоний Транквилл** – римский писатель, историк и ученый-энциклопедист, живший приблизительно между 75 и 160 гг. н. э. Автор «Жизни двенадцати цезарей».

¹¹⁷ **Шарль-Луи де Секонда, барон Ля Брэд и де Монтескье** (1689–1755) – французский писатель, правовед и философ, автор романа «Персидские письма», статей из «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел».

¹¹⁸ **Этьен Бонно де Кондильяк** (1715–1780) – аббат, французский философ. Вращался некоторое время в кругу энциклопедистов.

¹¹⁹ **Георг Вильгельм Фридрих Гегель** (1770-1831) – немецкий философ, один из творцов немецкой классической философии и философии романтизма.

¹²⁰ **Мориц Лацарус** (1824-1903) – швейцарский философ, основатель психологии народов.

¹²¹ **Хайман (Гейман) Штейнталь** (1823–1899) – немецкий философ, лингвист.

¹²² **Вильгельм Максимилиан Вундт** (1832–1920) – немецкий физиолог и психолог. Известен как основатель экспериментальной психологии. Менее известен как основная фигура в социальной психологии. Последние годы жизни Вундта прошли под знаком психологии народов, которую он понимал как учение о социальной основе высшей ментальной деятельности.

¹²³ **Фулье, Фуйе Альфред Жюль Эмиль** (1838–1912) - французский философ и социолог. Общество, согласно Фулье, есть психологический «договорный организм», не существующий независимо от индивидов.

¹²⁴ **Фулье А.** Современная наука об обществе. – М.:Комкнига, 2007.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ **Юнг К.Г.** Психологические типы. – СПб.: Азбука, 2001.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ **Мессианизм, мессианство** – религиозное учение о грядущем пришествии в мир божьего посланника – мессии, призванного установить справедливость, мир и покой на Земле. Причины возникновения связаны с нерешенностью социальных проблем, надеждами на лучшее будущее и т.д.

¹²⁹ **Аффилиация** (от англ. *affiliation* – *соединение, связь*) – стремление быть в обществе других людей, потребность человека в создании теплых, эмоционально значимых отношений с другими людьми. Стремление к сближению с людьми, дружба, любовь, общение – все это подпадает под понятие аффилиация.

¹³⁰ **Диадические отношения** - отношения в паре, например, мать-ребенок. Основу их составляют социальные ожидания, которым должно соответствовать поведение каждого члена пары; только при этом условии диада функционирует нормально.

¹³¹ **Вебер М.** Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.

¹³² Там же.

¹³³ **Патерналистское (от патернализм)** - покровительство, опека и руководящая роль старшего по отношению к младшим, подопечным, подчинение, уважение и благодарность младших по отношению к старшим. Патернализм можно назвать руководством

отцом (государственной власти) своими детьми (гражданами) при удовлетворении тех потребностей, которые признает государство.

¹³⁴ **Вятр Е.** Социология политических отношений. – М.: Прогресс, 1979.

¹³⁵ **Популист** (от популизм - политическая позиция или стиль риторики, апеллирующие к широким народным массам) - политик - сторонник популизма.

¹³⁶ Цит. по книге Психология господства и подчинения: Хрестоматия. – Минск: изд. «Харвест», 1998 г.

¹³⁷ **Гомогенность** – однородность, одинаковость.

¹³⁸ **Инкумбент** - соискатель выборной должности, который занимает ее на момент выборов.

¹³⁹ **Юрьев А.И.** Введение в политическую психологию. - Л., 1992.

¹⁴⁰ **Гоббс Т.** Сочинения: В 2 т. - М., 1991.

¹⁴¹ **Яковлев Н.Н.** История США в лицах. Джордж Вашингтон. - М., 2003 г.

¹⁴² **Турен А.** Введение к методу социологической интервенции // Новые социальные движения в России: По материалам российско-французского исследования. - М., 1993.

¹⁴³ **Щепаньский Ян** (род. 1913) - польский социолог, действительный член Польской АН. Президент Международной социологической ассоциации (1966-70).

¹⁴⁴ **Щепаньский Я.** Элементарные понятия социологии. - М., 1969.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ **Тард Г.** Социальные законы. - М.: АКИ, 2009.

¹⁴⁷ **Щепаньский Я.** Элементарные понятия социологии. - М., 1969.

¹⁴⁸ **Сеймур Мартин Липсет** (1922 – 2006) – американский социолог и политолог, один из основоположников теории модернизации.

¹⁴⁹ **Липсет С. М.** Роль политической культуры // Пределы власти. – № 2, 3. - 1994.

¹⁵⁰ **Громыко Андрей Андреевич** (1909-1989) – крупный дипломат и государственный деятель СССР, в 1957–1985 годах – министр иностранных дел СССР, в 1985–1988 годах – председатель Президиума Верховного Совета СССР.

¹⁵¹ **Блез Паскаль** (1623 -1662) – французский математик, физик, литератор и философ. Классик французской литературы, один из основателей математического анализа, теории вероятностей и

проективной геометрии, создатель счетной техники, автор основного закона гидростатики.

¹⁵² **Блез Паскаль.** Мысли. Малые сочинения. Письма. – М.: АСТ, 2003.

¹⁵³ **Томас Карлейль** (1795–1881) – английский (шотландский) писатель, историк и философ.

¹⁵⁴ **Плеханов Георгий Валентинович** (1856–1918) – теоретик и пропагандист марксизма, философ, видный деятель русского и международного социалистического движения.

¹⁵⁵ **Троцкий Лев Давидович** (1879–1940) – деятель международного рабочего и коммунистического движения, теоретик марксизма, идеолог одного из его течений – троцкизма.

¹⁵⁶ **Сорокин Питирим Александрович** (1889–1968) – российский и американский социолог и культуролог. Один из основоположников теорий социальной стратификации и социальной мобильности.

¹⁵⁷ **Сорокин П.А.** Социальная стратификация и мобильность // Питирим Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. - М., 1992.

¹⁵⁸ **Вебер М.** Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.

¹⁵⁹ **Липсет С. М.** Роль политической культуры // Пределы власти. – № 2-3. – 1994.

¹⁶⁰ **Ротация** – (здесь) в конституционном праве – принцип частичного обновления состава представительных органов власти.

¹⁶¹ **Плебисцит** – (латинское *plebiscitum*), один из видов народного голосования. В международной практике плебисцит проводится при опросе населения о выборе гражданства (оптации) при передаче территории одного государства другому

¹⁶² **Маргинализация** – явление, понятие обозначающее промежуточность, «пограничность» положения человека между какими-либо социальными группами. Групповая маргинальность возникает в результате изменений социальной структуры общества, формирования новых функциональных групп, дестабилизирующих их социальное положение. Маргинализацию можно описать, как процесс разрушения гражданского общества, проявляющийся в распаде социальных групп, разрыве традиционных связей между людьми, потере индивидами объективной принадлежности к той или иной социальной общности, извращении эстетических, этических, правовых, физиологических и иных общечеловеческих норм и ценностей, превращении людей в духовных и социальных люмпенов, полностью зависящих от непредсказуемых и бесконтрольных действий властей, демагогов и авантюристов.

- ¹⁶³ **Войтасик Леслав.** Психология политической пропаганды. - М. Прогресс. 1981 г.
- ¹⁶⁴ Там же.
- ¹⁶⁵ Там же.
- ¹⁶⁶ **Бернайз (Бернейз) Эдвард** (1891-1995) – выдающийся специалист в области пропаганды, коммуникаций и психологии масс.
- ¹⁶⁷ **Деркач А.А., Жуков В.И., Лаптев А.Г.** Политическая психология. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001.
- ¹⁶⁸ Там же.
- ¹⁶⁹ **А.В.Лукашев, А. В. А. В. Пониделко.** Черный PR как способ овладения властью, или Бомба для имиджмейкера - СПб.:Бизнес-пресса, 2002.
- ¹⁷¹ **Симонов Павел Васильевич** (урожд. Станкевич, 1926 -2002) – советский, российский психофизиолог, биофизик и психолог.
- ¹⁷² **Симонов П.В., Ершов П.М.** Темперамент. Характер. Личность. - М.: Наука, 1984.
- ¹⁷³ **Мамардашвили М.К.** Как я понимаю философию. - М.: Прогресс, 1992.
- ¹⁷⁴ **Мамардашвили М.К.** Философия – это мужество невозможно //Общая газета. - 1993. - № 9/11.
- ¹⁷⁵ **Фромм Э.** Человек для самого себя. – М.: АСТ, 2009.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ **Франкл В.** Человек в поисках смысла: Сборник. – М.: Прогресс, 1990.
- ¹⁷⁸ Там же.
- ¹⁷⁹ **Мэй Р.** Открытие Бытия. - М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2004.
- ¹⁸⁰ **Балл Г.А.** Психологическое содержание личностной свободы: сущность и составляющие //Психологический журнал. - 1997. - № 5.
- ¹⁸¹ **Бандура А.** Теория социального научения. – М., 2000.
- ¹⁸² Там же.
- ¹⁸³ Там же.
- ¹⁸⁴ Там же.
- ¹⁸⁵ **Леонтьев Дмитрий Алексеевич** (род. 1960) – российский психолог, доктор психологических наук, Представитель научной династии российских психологов: сын А. А. Леонтьева, внук А. Н. Леонтьева. Специалист в областях психологии личности, мотивации и смысла, теории и истории психологии, психодиагностики, психологии искусства и рекламы, психологической и комплексной

гуманитарной экспертизы, а также в области современной зарубежной психологии.

¹⁸⁶ **Леонтьев Д.А.** Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. - М.: Смысл, 2007.

¹⁸⁷ **Балл Георгий Алексеевич** (род. 1936) – известный украинский психолог.

¹⁸⁸ **Балл Г. А.** Психология в радиогуманистической перспективе: Избранные работы. - Киев: Основа, 2006.

¹⁸⁹ **Лотман Ю.** Культура и взрыв. - М.: Прогресс, 1992.

¹⁹⁰ **Лотман Юрий Михайлович** (1922-1993, Тарту) – советский и российский литературовед, культуролог и семиотик.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² **Руссо Ж.-Ж.** Трактаты. – Ленинград: Наука, 1969.

¹⁹³ **Вильгельм фон Гумбольдт** (1767–1835) – немецкий филолог, философ, языковед, государственный деятель, дипломат.

¹⁹⁴ **Гумбольдт В.фон.** Язык и философия культуры. - М.: Прогресс, 1985.

Научное издание

Борис Рувимович Мандель

**Политическая психология
как научная дисциплина
в гуманитарном вузе**

Монография

Ответственный редактор *Н. Соломадина*

Корректор *С. Мартынович*

Верстальщик *С. Мартынович*

Электронное издательство «Директ-Медиа»

117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1

Тел/факс + 7 (495) 334-72-11

E-mail: manager@directmedia.ru

www.biblioclub.ru